СЕРИЯ «ЗВОНОК ИЗ БУДУЩЕГО». КНИГА ПЕРВАЯ

ПОЧЕМУ ТЕБЯ ПОХИТИЛИ

ДЖ.Т. ЛОУРЕНС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Йобург находится в крайнем напряжении. Неожиданно он становится отличной игровой площадкой для креативного и чрезвычайно профессионального наемного убийцы, украшенного шрамами.

Кирстен — странствующая мятежная синестет, успешный фотограф. Она удостоилась множества наград, но страдает от плохих привычек и проблем с бесплодием. Ее жизнь определяется тем, что она называет своей «Черной дырой»: болезненной пустотой, ощущающейся там, где должно быть ее сердце.

Сет — гениальный инженер-химик и верный член подпольной биопанк-организации правдоискателей «Альба», задача которой раскрывать прогнившие корпорации и подпольные клиники. Он тоже одинок, но заполняет пустоту такими вещами, как наркотики, которые разрабатывает, и женщинами в умопомрачительных туфлях.

Кирстен и Сет лично незнакомы, но между ними, кажется, есть некая связь: они ментально чувствуют друг друга.

Южная Африка. Две тысячи двадцать первый год. Когда-то такая знакомая и причудливая, украшенная флажными лентами и с разбитыми тротуарами, сейчас страна страдала от непрекращающейся засухи и глобального кризиса бесплодия у населения. Когда журналист, а по совместительству подруга Кирстен, обнаруживает некую загадочную информацию, девушки объединяются для расследования, и узнают, что родители Кирстен на самом деле оказались ее похитителями, и что у главной героини есть близнец.

Странная бормочущая женщина с собачьей шерстью на свитере предостерегает Кирстен, и вскоре женщину находят мертвой. Полиция списывает это на суицидальную болезнь.

Все эти события приводит девушек к убежищу Судного дня, списку из семи человек и штрих-коду, которым помечена сама Кирстен. По иронии судьбы близнецы воссоединяются благодаря отравленному списку, но, когда начинают появляться тела других жертв, они понимают, что опасность реальна.

•

Название: Почему тебя похитили
Серия: Звонок из будущего № 1
Автор: Дж. Т. Лоуренс
Переводчик: Arctic_penguin

Редактор: Дарья Рузняева и Султана
Вычитка и оформление: Маргарита Волкова
Переведено для группы Dark Eternity of Translations

Любое копирование фрагментов без указания переводчика и ссылки на группу
и использование в коммерческих целях ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд! Все права принадлежат автору.

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Глава 1
Невеста в ванной
Йоханнесбург, 2021

Около квартиры номер двадцать восемь в доме по улице Роузбэнк-хайтс, в межквартирном холле, хорошо сложенный мужчина в грязном синем комбинезоне ждет мистера Эдварда Бланко. Он стоит на короткой стремянке и делает вид, что чинит коридорное потолочное освещение, вкручивает лампочку, которую выкрутил накануне, вынудив пожилую леди из квартиры в конце коридора позвонить в техобслуживание, телефонный номер которого он временно перевел на себя.

Он бы ухмыльнулся, но воспринимает себя слишком серьезно. О людях его профессии часто думают, что у них плохо связаны мозги и мускулы, но, в его случае, это неверно. Нужно быть умным, чтобы выжить в этой игре и оставаться вне Крим Колоний.

«Умным и бдительным», — думает он, когда слышит, как кто-то поднимается по лестнице у него за спиной, и поднимает бесполезную отвертку к уже закрученному шурупу. Человек, которого он не видит, не останавливается на его площадке, а продолжает подъем.

Мужчина в комбинезоне опускает отвертку и прислушивается. Он ждет, когда мистер Бланко начнет набирать вечернюю ванную. Если его цель не начнет делать этого в следующие несколько минут, ему придется уйти и найти другую причину, чтобы наведаться в здание. Он уже пробыл здесь двадцать минут, и даже старушка дальше по коридору знает, что

для замены неработающей лампочки не нужно более получаса.

Когда проходят пять минут, лжеэлектрик в который раз проверяет лампочку, подкручивает вокруг нее патрон, сдувает пыль и складывает свою стремянку. Он закрывает свой потрепанный металлический ящик с инструментами, когда, наконец, раздается звук воды, побежавшей по трубам над его головой. Используя беспроводное устройство, мужчина мгновенно взламывает механизм, открывающий картой доступа двери. Это так же просто, как и красный свет, меняющийся на зеленый, приглушенный щелчок. Он тихо открывает дверь под номером двадцать восемь, входит и закрывает ее за собой. В прихожей квартиры Бланко он снимает свои рабочие ботинки и комбинезон, под которым находится облегающий наряд из плотной черной рубашки и черных брюк с поясом.

Шрам от ожога на его правой руке теперь виден. Кожа пятнистая, лоснящаяся. Сам он больше не замечает этого: это такая же часть его, как глаза или нос. Возможно, подсознательно это является постоянным напоминанием, почему мужчина делает то, что делает. А, возможно, и нет.

Одетый в женские чулки, он стоит, выжидая момент, пока не услышит, как выключатся краны. Мистер Бланко то ли насвистывает, то ли напевает что-то. Маленький мужчина, женственный.

Что за песня? Такая знакомая. Что-то из девяностых? Нет, чуть позже. Меланхолия. Отличный выбор, именно таким и станет его вечер.

Он слышит не-совсем-всплеск человека, опускающегося в ванную. Осторожный звук. Вода слишком горячая или слишком холодная? Или, возможно, его отталкивает именно цвет воды. У повторно использующейся воды подозрительный мутноватый цвет. Кто знает, где была эта вода, что плескалась в ванной? Объявления коммунальных служб, которые теперь повсюду, призывают мыться в душе вместо ванны, чтобы беречь водные ресурсы. Похоже, что так мыться чище.

«Если вы настаиваете на принятии ванны, — проповедуют они. — *Вам не нужно воды больше, чем на пять пальцев. И только каждый второй день»*. При этой мысли наемник слегка сморщил нос. Он серьезно относился к своей гигиене.

Мистер Бланко устраивается в ванне и снова начинает напевать. Мужчина с рукой со шрамами от огня скользит по паркету и бесшумно входит в ванную. Несмотря на закрытые глаза, мужчина в ванне ощущает чужое присутствие и пугается, на его лице отображается растерянность. Убийца одной рукой дергает Бланко за лодыжки одним грациозным и сильным

движением, отчего вода хлынула тому в нос и в рот. Пока он захлебывается и извивается, мужчина бережно удерживает его голову под водой свободной рукой.

Это было техникой, которой он научился, просматривая повтор передачи по криминальному каналу. В начале девяностых, сероглазый Джордж Джозеф Смит, одетый в цветастые галстуки-бабочки и с руками, увешанными золотыми кольцами, женился и убил, по крайней мере, трех женщин из желания получить выплаты по страховке за их жизни. По вечерам он бродил по набережным в поисках одиноких старых дев и брал их в оборот при первых признаках беззащитности. Его обаяние, подобное магнитному полю, гарантировало, что женщины будут послушными и выполнят все его просьбы. Одна из его жен даже купила ванную, в которой впоследствии ее убили. Его техника убийства была хладнокровной, чистой. Смит брал в захват их лодыжки, утягивал тело под воду, погружая их так быстро, что они практически сразу теряли сознание. Что самое удивительное, на жертвах ни разу не было и синяка. Но там, где другие предпринимали повышенные меры предосторожности, Смит был небрежен в деталях и неоригинален. Он был пойман и повешен прежде, чем смог убить еще одну жену в ванной.

Мгновение — это все, что нужно, и вскоре мистер Бланко неподвижно лежал в ванне с открытой челюстью и будучи чуть бледнее, чем раньше. Мужчина с изуродованной рукой включает краны и доливает ванну. Выходит, что пяти пальцев вполне достаточно, чтобы утонуть, но будет лучше, если это будет выглядеть, как несчастный случай или самоубийство.

Лицо мистера Бланко похоже на фарфоровую маску, островок цвета слоновой кости в грязно-серой воде. Возможно, человек, который обнаружит его, подумает, что он уснул в ванне. В некотором смысле так и было. Убийца моет руки в раковине и вытирает ванную комнату. Он набрасывает на себя сверху рубашку с белым воротничком, которую принес с собой, через пять минут выходит из здания и идет на автобусную остановку. Фальшивый ящик с инструментами и комбинезон мужчина выбрасывает по пути. Ему удается запрыгнуть в автобус, когда тот уже отъезжает. Он в хорошем настроении, но скрывает это. Это была одно из самых легких его заданий. Он задается вопросом, будут ли другие шесть имен в списке такими же.

Мужчина кладет руку в карман и вытаскивает любопытную вещицу, которую прихватил с каминной полки Бланко: потертый кусок слоновой кости, отполированная пальцами клавиша пианино. На задней части гравировка: «Люблю тебя навсегда, мой Лягушонок». Клавиша гладкая в его ладони и сохраняет тепло

кожи. В его голове появляется мелодия. Колдплей! Вот, кого напевал Бланко. Мужчина со шрамом доволен.

Глава 2
Радужный червяк
Йоханнесбург, 2021

Кирстен опаздывает на встречу, из-за которой переживала несколько недель. Она прислушивается к скрипу своих кроссовок по обшарпанному асфальту остановки общественного такси на Оксфорд-роуд. Такси полагается забирать пассажиров каждые пятнадцать минут, но водителей не особо интересует официальное расписание. Большинство таксистов пассивно агрессивны, что, как считает Кирстен, лучше, чем просто агрессивные, которыми они были в былые дни. Такси-боссы, собственно мафия Южной Африки, зачастую расстреливали своих конкурентов, устраивая бойню на улицах, будто в истории было мало кровавых разборок.

Картинки и образы всегда с ней. Кирстен не знает, часть ли это ее синестезии *(прим.: явление восприятия, при котором раздражение одного органа чувств вместе со специфическими для него ощущениями вызывает и ощущения, соответствующие другому органу чувств и не является психическим расстройством)* или у нее просто лучше развита фотографическая память, чем у большинства людей. Но, определенно, этот факт полезен в ее работе фотографом.

Исключение, конечно же, составляет ее раннее детство, о котором она помнит очень мало. Это было еще до того, как можно было загрузить и просмотреть воспоминания. Родители девушки часто рассказывали ей, какой она была, когда была ребенком. Они описывали ее первое слово, первые шаги, походы, в которые они ходили, но ранние воспоминания Кирстен были чистыми и не имели ни запаха, ни вкуса.

Однажды, на годовщину, Мармелад Джеймс подарил ей первую книгу — прекрасно иллюстрированное, винтажное издание сказок братьев Гримм «Гензель и Гретель» в твердом переплете, которую Кирстен зачитала от корки до корки. Страницы выцвели, обложка измята. Когда она взяла ее, то почувствовала, что в книге содержится что-то большее. Она помнит, как была тронута его жестом. Это воспринималось Кирстен, будто Джеймс пытался вернуть ей маленькую часть тех детских лет. Она дорожила книгой. Осторожно читала ее, приходила от нее в потрясение, влюблялась, не могла вынести и мысли читать ее повторно. И все еще продолжала мечтать о жареных вафлях.

Часы Кирстен подают звуковое напоминание, как раз тогда, когда подъезжает микроавтобус. Ей уже полагается быть в клинике. Она дважды нажимает на сообщение, и часы набирают номер автоответчика в приемной, давая им знать, что девушка задерживается. Люди стали более гибкими, мобильными, когда личные автомобили практически исчезли из обихода, и почти все полагаются на общественный транспорт. По крайней мере, это то, на что надеется Кирстен, видя, что она ужасно опаздывает. Ирония в том, что ее менструация каждый месяц наступает всегда вовремя, и это никогда не перестанет ее удивлять.

Девушка позволяет нескольким пассажирам потеснить ее в очереди, так что она последней заходит в автобус и получает место в переднем ряду. Кирстен ненавидит сидеть в хвосте. Ее мгновенно окутывают запахи духов и геля после бритья, шампуня и поношенной кожаной обуви, бензина, ачара и жвачки. По радио играет джаз и ретро-мараби, слышатся металлическое квайто, разные языки и диалекты, оттенки звуков, какофония шумов.

Соседство тканей различных текстур и цветов вызывает у нее головокружение, вплоть до тошноты. Чувственная перегрузка — это одновременно смотреть на что-то, чувствовать запах, прикасаться и пробовать все цвета радуги, да еще и в трехмерном объеме. В худшем случае, все смешивается в густую, вонючую, пузырящуюся, многоцветную кашу.

Обычно девушка закрывает глаза, представляет себя в чистой белой комнате и пытается абстрагироваться от своих ощущений, но попутчикам это не нравится. Они либо раздражаются, либо отодвигаются чуть дальше от нее, в испуге, что она набросится на них.

«Радужный червь», — думает она и улыбается, хотя от этой мысли поездка не становится легче.

Когда такси останавливается, чтобы подобрать пассажиров, Кирстен своим миниатюрным фотоаппаратом быстро делает снимок покачивающегося игрушечного диско-шара, свисающего с зеркала заднего вида. А после водитель опасно останавливается на крутом повороте дороги, чтобы подвезти женщину.

«Вероятно, потому что она миленькая», — думает Кирстен, пока дверь не открывается, и она не видит выпуклый живот женщины.

Боже. Как будто это утро выдалось недостаточно тяжелым.

Другие пассажиры оживляются и издают одобрительные звуки. Не вздохи «Ах», не совсем, но что-то похожее. Люди поднимаются с мест, освобождая ей место, сдувают невидимые пылинки с дешевого порванного материала сиденья.

Беременная женщина застенчиво улыбается, благодарит их на

местном диалекте. Люди по обе стороны от нее лучезарно улыбаются, когда она садится, и бросают украдкой взгляды на ее живот. Женщина улыбается и кладет на него руку. Особый вид самодовольства. Такими могут быть лишь беременные женщины. Кирстен переводит взгляд на запачканное масляными пятнами окно.

Кризис бесплодия наиболее сильно ударил по низшим социально-экономическим слоям населения. Девять из десяти пар пытаются зачать ребенка, но безрезультатно. Удивительно, но по мере роста зарплат, рост процента бесплодия снижается. У тех, кто больше всего зарабатывает, чаще всего получается забеременеть.

Снижение рождаемости — проблема, распространенная во всем мире, но хуже всего дело обстоит с этим в Африке. Никто не знает точных причин, стоящих за кризисом. Миллиарды были потрачены на проверку различных гипотез: радиационное излучение от телефонных вышек, применение перевязки труб и контрацептивных пластырей, гормоны, используемые в фермерстве и сельском хозяйстве, высокий уровень стрессов, плохое питание, ГМО, люди, ждущие слишком много лет, чтобы завести семью. Хоть им и удалось провести некоторую корреляцию, они все еще не могли понять, почему Южная Африка так выделялась на фоне других стран в этом отношении. Население быстро сокращалось, и с теми немногими счастливицами, которым удалось зачать ребенка, обращались как с королевами.

Когда они подъезжают к нужной остановке, Кирстен дает водителю знак остановиться, сунув ему сотню ранд. Им полагается использовать государственные жетоны, чтобы заплатить за общественное такси, но у водителей всегда в почете наличные. Люди старой закалки. Она делает это не ради водителей, но больше в качестве небольшого акта неповиновения действующей правящей партии «Новой АНК», известной, к сожалению, как гомики. От мысли о государстве гомосексуалистов, у девушки дыбом встают волоски на затылке.

Она выпрыгивает на тротуар, довольная тем, что между ней и булочкой в духовке теперь есть дистанция. Цифровые уличные постеры зовут ее по имени и просят подождать. У них есть для нее сообщение.

— Кирстен, — произносит голос записи с американским акцентом. — Ты что-нибудь сделала для себя сегодня?

«Бильхен» знает ее любимый вкус мороженого — лепестки роз — и осыпает ее ими в эффекте 4D и порывом прохладного воздуха. Туристическое агентство говорит ей, что прошло двести

шесть дней с ее последнего отпуска. Ей не нужно отдохнуть? Боливия? Мозамбик? Кейп Республика? Саундтрек смутно напоминает островной стиль, и она чувствует запах рома и кокосов. Как насчет путешествия? Путешествия, совмещенного с работой?

Тук-тук проносится мимо, гудя всю дорогу. Небо темнеет. Кирстен щурит глаза и смотрит вверх, чтобы увидеть рой дронов над головой. Они ей не нравятся, не нравятся тени, которые они отбрасывали. Девушка ненавидит, что у них есть камеры, будто она живет в чужом мрачном футуристическом воображении. Кирстен не может избавиться от ощущения, что за ней следят, но отбрасывает от себя эту мысль и пытается сосредоточиться на первоочередной задаче. Время пришло.

Лови момент, и все такое.

Сколько себя помнит, девушка всегда ненавидела докторов. И больницы. Но разве одна она? Она терпеть не может, когда кто-то ноет, что ненавидит больницы. Это все равно, что сказать, что ты ненавидишь наступать в собачье дерьмо, или публично промочить штаны. Это очевидно! Или на местном сленге — неимоверная тупость. Утверждение, которое обычно показывает, как мало ты понимаешь.

«Фу, я просто ворчу. Это все нервы».

Кирстен чувствует, что у нее потеют подмышки, так что она уменьшает шаг и думает о мороженом Пина коладе.

Кроме того, как она может утверждать, что ненавидит врачей, когда практически замужем за одним из них? Это лишь еще один пример того, насколько противоречивый у нее характер. В любом случае, Мармелад — другой. Он детский кардиолог и лечит сердца малышей, как ангел со скальпелем. И не то чтобы он когда-то был ее врачом. И этого никогда не произойдет.

Девушка останавливается перед появившимся «Инвитро». Здание больше, чем она ожидает, и на фотографиях на сайте оно казалось менее зловещим. Архитектура прекрасна, явно вдохновлена Петри. Сооружение в форме диска, построено из разжиженного стекла (Пол Хардкастл «Crystal Whisper»), до странности прозрачного и все отражающего. И в то же самое время, создается впечатление, что строение должно быть невидимым.

Кирстен вытирает свои потные ладони о джинсы и гадает, хочет ли она на самом деле пойти с этим вопросом до конца. Все электронные проекторы постеров в городе рекламируют это место. Говорят, это лучшая клиника, занимающейся вопросами фертильности, в округе. Спам-боты взламывают твой социальный статус и, если они видят, что ты в отношениях, принимаются

бомбардировать тебя рекламными сообщениями. Как будто еще кто-то женится. Через какое-то время они перестают ожидать от тебя, что ты выйдешь замуж, начинают поднимать тему фертильности и агитируют завести ребенка. Прямо как родители.

Кирстен фыркает. Или, вернее, такими обычно бывают родители. Болезненная тема.

Два тяжеловооруженных охранника стоят на входе. Они выглядят больше как американские военные, чем охранники. Вооружены самыми современными автоматическими винтовками, экипированы в броню из кевлара, шлемы, похожие на панцирь черепахи, заставляющие их потеть. Стеклянные взгляды они не отрывают от пешеходов, проходящих мимо. Видеокамеры на здании поворачиваются в направлении Кирстен и подмигивают ей. Дальше на входе, чуть менее вооруженная женщина-охранник сканирует Кирстен на предмет всего подозрительного, затем указывает, куда идти.

Приемная в «Инвитро» шикарная, но абсолютно обезличена: оформлена в стиле казенного пятизвездочного отеля. Стены покрыты ванильного цвета обоями, которые ощущаются плоскими, сухими, и на вкус сладкие, как вафли. Кирстен слышит шепот воздушного дезинфицирующего средства, когда приближается к администраторам, с пустыми улыбками, сидящим за столом.

Зал ожидания битком: в этом месте, должно быть, печатают деньги. Женщина, облаченная во все бежевое, вручает ей стило и стеклянный планшет с формой для заполнения, и девушка начинает выискивать свободное место в переполненной комнате. По большей части тут парочки: некоторые отмытые до глянцевого блеска и полные надежды, некоторые несут на себе тягостную атмосферу поражения, некоторые розовеют от смущения, хоть Кирстен и не видела для этого причины. Как бы сложно это ни было, общепризнанно, что все в Южной Африке БПДО: бесплодны, пока не доказано обратное. По крайней мере, у нее и других людей в этой комнате есть деньги на лечение. Большинству не так везет, отсюда и огромный перекос в графике численности населения.

Некоторые пациенты носят маски против супербактерии. Кирстен предполагает, что ей тоже стоило бы свою носить, но решает, что не нужно перегибать палку. Если ей придется выбирать между ношением маски на лице всю оставшуюся жизнь или заболеть, она предпочтет рискнуть заразиться. Кроме того, выдаваемые государством маски, отвратительны на вид. Возможно, если ей удастся достать одну из дизайнерских масок… она собирается сесть рядом с парой, выглядящей спокойными,

когда называют ее имя.

Золотая табличка на полуоткрытой двери пуста. Медсестра стучит в дверь, и они входят. Теперь или никогда. Кирстен начинает глубже дышать, лишь бы не паниковать.

Врач принимает электронный планшет, отпускает медсестру, и поглядывает на Кирстен с интересом поверх очков в черной оправе.

— Мисс Лавелл?

Его глаза очень светлого оттенка голубого цвета (хинин, ледники Арктики). Такое ощущение, что доктор видит ее насквозь, от чего становится очень неуютно.

— Я доктор Ван дер Хивер.

От нервов Кирстен улыбается слишком широко. Ей хочется сбежать. Доктор делает ей знак присесть и игнорирует ее следующие несколько минут, пока просматривает данные, заполненной ей формы, меняя масштаб и перелистывая. Она сосредотачивается на своем дыхании и оглядывается вокруг: одна сторона кабинета выполнена из стекла от пола до потолка, с мрачным и подавляющим видом на Чайна-сити и Сэндтон. Поблескивающие сертификаты занимают большую часть противоположной стены. Какой специалист чувствует потребность обклеить половину своего офиса сертификатами? Что он пытается изобразить?

— Так значит… вы пытаетесь уже три года?

Кирстен переключает все внимание на доктора.

— Три года. Да.

Врач издает звук принятия к сведению и продолжает листать.

— У вас есть дети? — выпаливает она, не в силах сдержаться.

Кирстен думает, что он скажет «нет», что женат на своей работе. На его столе нет фотографий в рамках с изображением семьи.

Он поднимает на нее взгляд, смотрит и, прикусив губу, говорит:

— Есть. Мальчик. Ну, я привык, что он мальчик. Взрослый мужчина уже. Врач.

Тьфу.

— Вы, должно быть, гордитесь им.

Он недоуменно моргает: его глаза увеличены линзами очков.

— Медицинская история вашей семьи…

— Обрывочна. Я работаю над тем, чтобы получить больше информации. Я на самом деле…

— Неважно, — говорит он. — Мы проведем стандартные первичные диагностические анализы для вас и вашего партнера.

Упоминание об анализах для Кирстен, как удар под дых.

Верно, что у нее мало воспоминаний о раннем детстве, но то, что она помнит, так это то, что проходила бесчисленные исследования, специалиста за специалистом, рентгены, МРТ, компьютерную томографию, анализы крови. Вдыхала газ, чтобы отследить приток крови к ее мозгу, испытывала приливы жара от йодина-4, чтобы исследовать ее мочевыводящую систему.

Это заставляет ее ненавидеть свое состояние. Только однажды она была свободна от еженедельных приемов у врача. Тогда девушка, наконец, приняла себя такой, какая есть: стала относиться к своей особенности, как к дару. Теперь, кажется, все начнется сначала, и ее гнетут мрачные предчувствия.

— Какого рода анализы? — Кирстен пытается сохранять голос ровным.

— Никаких крайностей, пока что. Анализы крови, гистеросальпингография, посткоитальный тест. Затем может быть лапароскопия, гистероскопия, в зависимости от того, что мы выясним.

Используя стило, он пишет что-то на стекле, затем нажимает на кнопку, чтобы отправить предписание на ее часы. Она чувствует вибрацию на запястье, когда приходит сообщение. Россыпь крошечных горошин синего цвета.

— Это перинатальная поддержка. Фолиевая кислота, ДГЭА *(прим.: дегидроэпиандростерон — полифункциональный стероидный гормон)*, пикногенол, маточное молочко, омега.

Доктор Ван дер Хивер встает, будто, чтобы ее проводить.

Это все? Девять тысяч ранд определенно не позволят купить хорошего специалиста.

— Не тревожьтесь так, — говорит он, бросив на нее взгляд, который Кирстен посчитала зловещим. — Мы позаботимся о вас.

Глава 3

Они, должно быть, снова играют с погодой

Йоханнесбург, 2021

Все затаили дыхание. Бледные, разрисованные, как куклы, тела остаются неподвижными, в то время как свет ярко мерцает белым.

— И… снято, — объявляет Кирстен, опуская свою фотокамеру и рассматривая команду.

Модели, уставшие от втягивания животов и приставучих визажистов, надувают губы и, с благодарностью, подмигивают ей. Одним движением подкатываясь на своем вращающемся кресле к двадцати четырехдюймовому экрану, девушка выгружает получившиеся снимки.

Ей нравится дневная рутина. Рекламные съемки являются

роскошью по сравнению с ее обычными журналистскими буднями. От этого день явно удался и девушка чувствует удовлетворение, потому что знает, что получилось несколько великолепных кадров. Высоко художественная, вылизанная до мельчайших деталей, эта работа, определенно, войдет в ее портфолио. Она ощущает душевный подъем. Мятно-зеленый.

— Потрясающе, — присвистывает ассистент за ее плечом, от чего она испуганно подпрыгивает и быстро закрывает документ. — Серьезно, это изумительная работа.

— Я ухожу, — говорит Кирстен. — Ты покормишь моделей?

Такие съемки для брендов всегда хорошо спонсируются. Девушка кладет себе в карман пакет чипсов «Блэксолт», шоколадный батончик «Каракранч» и берет бутылку воды.

— Скажи им чем-нибудь перекусить. Моделям нравится, когда им предлагают что-то съесть.

Солнце опускается за зазубренную линию горизонта, когда Кирстен подходит к станции «Готрейн», а теплый дождь на щеке заставляет ее поднять взгляд вверх. Она всегда ждет, что дождь будет пахнуть данными в облачном хранилище. Представляет там все изображения, всю поэзию и музыку. Конечно же, дождь должен иметь вкус. Вымеобразные облака собираются на востоке. Они, должно быть, снова играют с погодой. Девушка считает неправильным, что правительству это позволено. Страна отчаянно нуждается в дожде, и влияние на погоду кажется категорически неправильным. Неестественным.

По ее опыту, форсирование ситуации редко приносит нужный эффект. Это одна из причин, по которой она ждала так долго, чтобы посетить клинику планирования семьи. Конечно же, если бы это должно было случиться, то оно случилось бы? Но этого не происходит. Так что сейчас она в одной лодке с манипуляторами погодой.

Это не в первый раз, когда Кирстен проводит параллель между засухой и кризисом бесплодия. Человеческие тела, в конце концов, на восемьдесят семь процентов состоят из воды. Без воды не может быть жизни. Возможно, это следующий этап в эволюции человека — учение Леммингов — наши природные ресурсы исчерпаны, но вместо того, чтобы осваивать сушу и уходить в море для контроля численности популяции, мы просто становимся бесплодными. Более простое решение. Цивилизованное.

Люди, верящие в теорию Леммингов, все еще существуют в обществе, так как статистика самоубийств растет. Они называют это суицидальной болезнью, будто она заразна. Представьте, что вы идете по жизни в хорошем настроении, всем довольные, пока

парень в соседней комнате вдруг не решает взять с собой в постель «Траникс». И уже в следующий момент вы думаете поступить также. Вам ни разу не приходила в голову мысль о самоубийстве, пока вы не увидели, что кто-то другой это сделал. Так что по пути домой с работы вы покупаете бутылочку «Траникс» и коробку жареных вафлей.

Кирстен заходит в поезд и садится так далеко ото всех, как только может, чтобы и дальше украдкой есть свой растаявший в кармане шоколад. Двери закрываются, и они отправляются в путь. Сладкое раскрашивает ее рот в ярко-желтый цвет (Кадмиевые сладости).

Проекция над ее головой прерывает показ семичасовых новостей постановочными снимками семейных моментов: отец играет в футбол со своими сыновьями-тройняшками, зачатыми при помощи ЭКО; мать работает в саду со своей дочерью смешанной расы; человек с двумя ампутированными ногами, замененными на бионические протезы, заканчивает университет. А после жирным шрифтом появляется слоган: «Будущее для всех!».

Это был слоган две тысячи двадцать первого года. Но что это вообще значит? Кирстен находит это в особенности ироничным, учитывая кризис бесплодия. Она бы посмеялась, если бы это было смешно. С тех пор как на планете местами исчезла сеть, а богатые страны «удочерили» бедные, ООН ведет себя так, будто Земля — какая-то безумная версия Шангри-Ла.

Тем временем, Южная Африка переживает серьезные проблемы. Новостной показ возвращается, чтобы показать ей весь ужас происходящего. Парализующие веерные отключения тех, кто все еще пользовался энергетической сетью «Эйшком». Гибель от обезвоживания, холеры и супербактерий. Забастовки рабочих, тормозящие и без того удручающее экономическое положение. Разрушенные до основания поселки городского типа с целью освободить место для фабрик и пустых лишенных рабочих мест сетей заводов. Резкий всплеск бандитизма. Смерть заключенных в Крим Колониях.

Мировые новости: все больше и больше людей постоянно исчезают в океане. Вероятнее всего, их захватывают сомалийские пираты. Потери на Плотине Гувера растут, так как Китай продолжает вторжение на территорию США в поисках водных ресурсов.

Вот оно — будущее для всех. Кирстен смотрит вниз на обертку в своей руке и понимает, что шоколадка исчезла. Она проверяет на коленях, в сумке, на полу. Она же не могла съесть всю?

Теперь новости показывают, как какой-то бизнесмен с квадратной челюстью перерезает блестящую голубую ленту, и люди сверкают улыбками и аплодируют. Появляется его имя: Кристофер Уолден, генеральный директор «Фонтес». Аэрографические снимки грузовиков, принадлежащих «Фонтес», разгружающих ящики с бутилированной водой в обшарпанных на вид школах и удаленных деревнях. Кадры с Уолденом, вручающим бутылку «Гидры» ребенку с леденцом, а сам Уолден показывает оператору палец вверх.

Это хороший пиар, но им на самом деле и не нужна реклама. «Фонтес» является крупнейшей в стране компанией по розливу воды и минералки. Они обладают единственным государственным контрактом на поставку бутилированной воды по всей стране, так как пить водопроводную воду стало небезопасно. Они практически владеют страной.

Существуют доступные портативные системы очистки воды, абсорберы, рекламные щиты, бутылки и соломинки, в которых наночастицы в фильтре удаляют тяжелые металлы и биологическую опасность. Но они медленные, а вода кажется безвкусной. В большинстве домов они есть, но гораздо легче купить бутилированную воду. Темп жизни так высок, что никто не имеет возможность ждать чего-то такого жизненно необходимого, как вода.

Кирстен с Джеймсом недавно начали пить «Гидру», а не более дорогие бренды, такие как «Тетис» или роскошную «Анахита» — «шампанское среди воды» с двадцатью семью вкусами. Друзья дразнят их за то, что они ведут себя как «неолиберальные социалисты». Дело не только в цене, они отвергают саму идею того, что вода становится символом статуса. Девушка пила бы водопроводную воду, если бы она была безопасной. Есть люди, которые все еще так делают: нищие и те, кто игнорирует предупреждения на домашнем экране и радио, люди, которые верят, что все это лишь вымогательство денег или заговор неоиллюминатов. Граждане, которые считают бутилированную воду новой «Кулэйд». Они носят говорящие футболки, выкрикивают: «Не пейте воду!» и заставляют вас подпрыгивать, когда проходят мимо.

От этой мысли Кирстен ощущает себя темно-синей (Синяя Борода) и не может дождаться, когда окажется дома. Она не понимала, насколько устала после утомительной съемки и тревожного приема у врача утром. Девушка снимает пластырь с плеча, открывая легкий синяк и красную точку там, откуда медсестра взяла образец крови для «Инвитро». Поезд замедляется и останавливается. Проходя к выходу, она бросает пластырь и

обертку от «Каракранч» в мусорную корзину.

Кирстен нравится квартира в Иллово, которую она делит с Джеймсом. Это старое здание с паркетными полами и высокими потолками, украшенными потолочными карнизами с орнаментом. Помещение оформлено в богемном стиле потертого шика, акцентировано безделушками из их путешествий и сиротливыми предметами реквизита с предыдущих съемок.

Это старый, но крепкий дом.

«У него есть душа», — говорит она Мармеладу.

Дом не такой, как эти новые ультрасовременные здания, возводящиеся в городе, с их передвижными стенами, покрытыми впитывающей грязь краской. Суперстекло повсюду, так что постоянно натыкаешься на стены. Сотни вращающихся камер снимают вас через прозрачные поверхности. Ни одного удобного кресла в поле зрения. Бутафорские каменные камины. Свой собственный они зажигают настоящими спичками и подкармливают твердыми кусками дерева, а потом наблюдают, как медленно разгорается пламя.

«Один Бог знает, как мне нравится это кирпично-известняковое здание», — думает она, нажимая на стертую кнопку лифта в третий раз. Этот лифт может справиться со своей задачей.

В конце концов, он оживает. Наверху что-то жужжит и оседает с глухим стуком, и он начинает свой неспешный спуск.

«Хорошо, что я никуда не тороплюсь».

Цифры на кнопках сменяются мучительно медленно — четвертый этаж.

Рядом слышится еще один звук: шарканье позади нее. Кирстен оборачивается, ожидая увидеть кого-то, но лобби пусто. Третий.

Верхний свет мигает, и девушка думает: «Просто великолепно!». Она уже почти готова пройти три пролета по лестнице в темноте. Второй.

Освещение, кажется, стабилизируется, а затем окончательно гаснет. Лифт со скрипом останавливается между пролетами. Кирстен надеется, что никто не застрял внутри. Резервный генератор включится в любую минуту, но человек, оказавшийся в ловушке, может этого не знать.

Она включает функцию «фонарик» на своих часах и начинает подниматься по лестнице. Это едва ли прожектор, но сгодится. Она хотела бы увидеть Джеймса дома, но он приземлился в Зимбабве пару часов назад, чтобы провести там хирургическую операцию. Он проводит много времени за границей и, в последнее время, его часто не бывает дома.

Они периодически обсуждают возможность эмиграции: Джеймс готовит какой-нибудь полезный ужин, пока она зачитывает ему телеграфную ленту новостей. В плохие дни, которые в последнее время участились, они неизменно задаются вопросом, насколько хуже должна стать обстановка в Южной Африке, прежде чем они всерьез задумаются о переезде в новое, более безопасное, место. Иногда, сидя при свечах во мраке принудительного часа отключения электричества, они разговаривают и едят ароматный оливковый хлеб и сыр. Все сводится к тому, что все, чего они оба хотят, так это страну, которая не была бы настолько разрушенной. И в то время как Джеймс готов уехать, жаждет этого, Кирстен не может на это решиться. Она как будто привязана к этому месту какими-то невероятными силами.

Кирстен слегка запыхалась, когда добралась до третьего этажа (напиток из пырея). Когда они только въехали, она бы сказала, что живет на зеленом этаже. Или, чтобы посетители нажимали зеленую кнопку в лифте, но они могли подумать, что она свихнулась. Конечно же, в лифте не было зеленой кнопки, а на ее этаже не было ничего зеленого. Мармелад понимает ее цвета. Если он спрашивает ее, сколько кусочков тоста она хочет, а она отвечает «красный», он знает, что это значит два. Или «желтый» — один. Разве это не очевидно?

«Нет, — говорит он. — *Я просто привык к твоим странностям».*

Она идет по тускло освещенному коридору, нащупывает дверь и случайно роняет свою карту доступа. Фиолетово ругаясь (свечение цвета баклажана), наклоняется, чтобы поднять ее, но к ней шагает темная фигура.

Запись в дневнике
Вествилль, 20 февраля 1987 года

В новостях: *«Южная Африка испытывает потрясение из-за нападения с применением гранат в средней школе имени Тлади, в результате которого погибло несколько военнослужащих САДФ. Вторая бомба «Унабомбер» взорвалась в компьютерном центре в Солт-Лейк-Сити, пострадал владелец».*

Что я слушаю: *Бон Джови — «Slippery When Wet!».*

Что я читаю: *«Отголоски во тьме» — документальный детектив об убийстве учителя и исчезновении двух детей. Душераздирающе.*

Что я смотрю: *«Окно спальни».*

Можете ли вы поверить новостям? Кажется, что бомбы

взрываются повсюду.

Сегодня был самый худший и самый шокирующий день в моей жизни.

После того, как вчера я упала в обморок в фотокопировальной комнате на работе, пошла к врачу в клинику на углу. Все девушки здесь ходят к нему, хоть я и не знаю почему! Он просто жуткий! Я не пойду туда снова. Рассказала ему о тошноте, головокружении и прочем. Не могу удержать в желудке еду. Думала, что у меня кишечная инфекция. Я ощущала себя так, будто он может увидеть все мои секреты прямо через кожу. Он спросил меня, была ли я сексуально активной, когда рассматривал мой палец без кольца. Самодовольный хрен. И лицемерный. Все знают, что он путался со Сьюзен Бэйерс еще до ее диагноза. Он слишком молод, чтобы быть таким. Может, даже слишком молод, чтобы быть врачом? Он может съесть мои шорты. Аргх, я ненавижу их. Врачей, я имею в виду. У меня от них мурашки.

Так что да. Я знаю, что вы уже догадались. Я тоже, хоть и не хотела в этом признаваться самой себе. Медсестра позвонила мне сегодня (на работу!) и сказала мне, что тест положительный. Не положительный в смысле хороших новостей, а положительный, как в «я — беременна».

Я БЕРЕМЕННА (!!!)

Я была (и сейчас так) в абсолютном шоке. Практически девственница! Плюс, П. и я всегда были такими осторожными. Я пью таблетки, и мы используем презервативы. Ну, мы используем презервативы в большинстве случаев. Был случай на пляже после концерта, когда у нас его не было. И еще раз в моем «Сити Гольф», когда я получила этот ужасный синяк на левом колене от ручного тормоза, и мне пришлось надевать чулки на работу в середине лета. О, Боже! О, Боже!

Чудо-трагедия. Трагическое чудо. «Вот это да» — все, что мне удалось произнести в трубку. Вот это да. Я хотела сказать кое-что похуже.

Они хотели, чтобы я как можно быстрее встала на учет по беременности: пила витамины, наверное. Врач сказал что-то об ультразвуке и фолиевой кислоте. Кислота — это хорошо. Моя жизнь кончена! Я сказала, что не собираюсь возвращаться в клинику, а он попытался отправить меня к акушерке. Я просто положила трубку. Никоим образом, я не могу родить этого ребенка. П. подумает, что я пытаюсь поймать его в ловушку, заставить уйти от жены.

Фиг с ним, с П., что я вообще буду делать с этим ребенком?! Мне двадцать четыре года, я все еще новенькая в городе и пытаюсь произвести хорошее впечатление на работе и на соседей. Это

должно было стать моим новым началом, моим Большим Прорывом. Как я собираюсь объяснять, что я одна и у меня будет ребенок?

И, что более важно, что насчет заботы о маленьком спиногрызе? Кричащий малыш и грязные подгузники? Ни за что, я девушка-карьеристка! Это восьмидесятые, Бога ради! Я покинула дом, чтобы строить свою жизнь, а не связывать себя по рукам и ногам. Не для того, чтобы быть пьяной домохозяйкой. Я годами мечтала о химической завивке, деловом костюме, подходящих к нему туфлях, и о том, чтобы у меня был персональный компьютер. И о телефоне, которым смогу пользоваться задней частью ручки, чтобы не испортить свой новый маникюр. Почему, черт возьми, я настолько плодовита? Это проклятье!

Я не знаю, что делать. Я в ужасном стрессе и нет никого, с кем я могу поговорить об этом. Кроме Бекки, но тогда она подумает, что была права: Большой Город изменит меня. Вы можете представить себе, что она подумает обо мне теперь? Я не смогу рассказать ей об этом! Девушки в офисе замечательные, но я пока что еще ни с кем не сблизилась. Кроме того, они все, очевидно, знакомы с П., а это слишком опасно. Может эти слова и будут звучать лицемерно, но я не хочу причинить боль жене П. Это ужасно. Я — плохой человек. Вероятно, это мое наказание. Как говорится, карма — та еще сука.

Еще и моя семья будет в полнейшем шоке. Я с легкостью представляю лицо отца. Он живет в этой дурацкой реальности, где шестидесятых не было, и мы все еще консервативны, как перед сексуальной революцией. Пожалуй, я такой и была, шесть месяцев назад.

Черт! Он моментально отречется от меня. И мама. Я стану сиротой.

Черт, черт, черт!!!

Такое ощущение, что мир вокруг меня рушится.

Я хочу спрыгнуть с моста! Я могу! Тогда, по крайней мере, я смогу отдохнуть. Мой разум сможет отдохнуть. В любом случае, кто будет по мне скучать?

Мне так плохо. Тревога, вина, утренняя тошнота: все это превращает мой желудок в посудомоечную машину. Я не могу есть. Я не могу спать. Я не знаю, что делать.

Я чувствую, что готова снова упасть в обморок.

Боже, помоги мне! Я не заслуживаю этого, но все равно помоги мне!

Глава 4

Большой красный цветок над его сердцем

Йоханнесбург, 2021

Кирстен вскрикивает, хватаясь за сердце.

— Боже правый!

— Меня называли и похуже, — произносит появившаяся перед ней темная фигура.

Верхнее освещение зажигается вновь.

— Какого хрена ты здесь делаешь?

— Эй. Так ты приветствуешь сына Всевышнего?

— Насколько мне известно, сын Бога не станет прятаться в темных коридорах в надувных мотошлемах.

— Откуда ты знаешь, будучи такой безбожницей? — спрашивает Кекелетсо, уперев руки в бока. — И благослови тебя, сестра, у тебя все еще грязный ротик.

Она держит в руках черную сумку.

— Ничего, если я перекантуюсь у тебя?

Кирстен наклоняется вперед и обнимает ее, ощущая мускатный запах от ее косичек и теплой кожи. Ей нравится, как одевается Кеке. Кажется, что она выглядит одновременно сексуально, хардкорно и женственно. Рядом с ней Кирстен всегда ощущает себя пацанкой в своем наряде из футболки, джинсов и кед. Она проводит картой и открывает дверь.

Пока Кеке делает себе укол инсулина в гостиной, Кирстен открывает дверцу своего старенького голубого «Смег» и шарит там, в поисках пары бутылок пива. От мысли об иголках ее пробирает дрожь, так что она никогда не смотрит, как Кеке делает укол. Просто от звука приложения на телефоне Кеке, отслеживающего уровень сахара, ее передергивает. Черная сумка застегнута на молнию, что означает, что Кеке закончила, и, когда подруга проходит в кухню, ее татуировка, нанесенная нано-чернилами, уже бледнеет. Белые чернила реагируют на уровень сахара в крови: когда он в норме, татуировка выцветшая, бледно-серого цвета. Когда ей нужен инсулин, она становится белой, и резко контрастирует с ее темной кожей. Выглядит жутковато.

С характерным шипением, Кирстен откручивает крышку и вручает бутылку Кеке, которая выглядит так, будто хочет что-то сказать.

— Итак, — начинает Кирстен, — никогда не знала, что ты умеешь терять дар речи.

— Думаю, тебе понадобится что-нибудь покрепче.

Она расстегивает свою черную кожаную куртку, вытаскивает папку и опускает ее на кухонный стол. Кирстен кладет на нее руку. Она теплая. Но Кеке забирает документы.

— Для начала выпьем.

— По крайней мере, ты четко расставляешь приоритеты.

Кирстен натянуто улыбается. Папка, лежащая на кухонном столе, постоянно притягивает взгляд. В конце концов, ей приходит в голову мысль: наконец, хоть какое-то объяснение, какой-то шаг вперед. Она берет бутылку японского виски за горлышко и подхватывает два хрустальных бокала. Свободной рукой девушка вытаскивает несколько прозрачных силиконовых ледяных кубиков из морозильной камеры.

— Ты хоть когда-нибудь скучала по настоящему льду? — спрашивает она. — Я имею в виду, лед по старинке, сделанный из замерзшей воды?

Она садится напротив Кеке, напротив папки.

— Нет, — отвечает Кеке. — Это все равно, что скучать по электричеству с электростанции. Или по кабелям. Или телеконференциям. Или хештегам. Или церкви. Или движению против абортов.

— Или презервативам. Или загару, — добавляет Кирстен.

— Никогда бы не подумала, — говорит Кеке.

— Я надеюсь, что ты имеешь в виду загар.

Кеке смеется.

— Ты знаешь, по чему я не скучаю? Рукопожатию, — говорит Кирстен. — Я всегда ненавидела трясти чью-то руку. Я находила это странным еще до того, как появилась Бактерия, до того, как люди перестали это делать. Это слишком… интимное… чтобы делать это с незнакомцем. Я не страдаю дермофобией, но…

— Я знаю! Тебя еще ребенком учили чихать в руку…

— …и прикрывать рот, когда кашляешь…

— А уже в следующую минуту, ты пожимаешь руки всем в комнате.

Обе девушки скорчили друг другу рожицы.

— Знаешь ли, некоторые люди все еще так делают.

— Да, плохие привычки умирают медленно.

Горячительная жидкость отправляется в желудки.

— Итак, — говорит Кирстен. — Как дела?

Девушка отчаянно не хочет говорить о себе: она живет в ужасной стране, а ее Черная дыра зияет, пытаясь поглотить ее целиком. Кто захочет слушать о пустоте в душе? Кто хочет, чтобы ему докучали со своими Главными в мире проблемами, когда у людей и своих достаточно? Когда в такой период ее кто-нибудь спрашивает: «Как дела?», она всегда испытывает соблазн прокричать: «Превосходно!» и поменять тему разговора так быстро, насколько это возможно. Но Кеке хорошо ее знает.

Черная дыра — это пустота, которую девушка ощущает глубоко в себе. Она не помнит времени, когда ее там не было. Дыра, как живая, сокращается или расползается в зависимости от

того, что происходит в ее жизни. Например, когда она влюбилась в Мармелада Джеймса, дыра была такого размера, что помещалась в карман: небольшой румяный абрикос. Осознание же смерти родителей сделало дыру хрупким пластиковым вакуумным пылесосом, с акцентом на вакуумный. От неспособности забеременеть, дыра стала размером с плотно сжатый кулак, который свободно перемещается по телу, но чаще всего, остается между ребрами и сердцем. Время от времени, дыра растет или уменьшается без причины, и от этого девушка задумывается, существует ли другая версия Кирстен, которая влюбляется и охладевает, по-другому переживает подъемы и спады в (параллельной) жизни. Черная дыра — это ее часть, но душа болит от мысли, что так будет до самой смерти.

Кеке меняет тему, чувствуя ее нежелание что-то рассказывать:

— Твои растения выглядят неплохо.

— Да.

Кирстен оглядывается по комнате, будто забыла, что они вообще там.

— Они счастливы.

— «Счастливы» явное преуменьшение. Твоя квартира — настоящие джунгли.

Девушка смеется.

— Нет, все не так.

— Так! Здесь уйма гребаного кислорода. Ты хоть помнишь, какого цвета стены?

— Не будь смешной.

— Если у меня когда-нибудь закончатся реальные истории, я вернусь сюда и сниму ультра-правдивый сюжет о тебе. Сумасшедшая леди садовница, живущая в джунглях Джози *(прим.: прозвище Йоханнесбурга)*. Мадам зеленые пальцы.

— Ха, — произносит Кирстен.

Кеке изображает дикторский голос:

— Большинство одиноких женщин заводят кошек, но Кирстен Лавелл — фанатка… флоры.

— Ха. Ха.

— Барахольщики наслаждаются хранением гор старых контейнеров для еды, но эта женщина не может насытиться растительностью.

— Это выставляет меня тупой неудачницей.

— Ее соседи позвонили властям, когда виноградные лозы начали ползти по стенам прямо на их кухне… было ясно: настало время вмешаться.

— Ладно, шутница. Прекращай, сейчас же.

— Правда? Я повеселилась.

— Я вижу.

— Все начинается вполне невинно, знаешь ли. Папоротник здесь, орхидея там.

— Ах, да, те орхидеи. Растения для ворот.

Они улыбаются друг другу. Кирстен благодарна за такую компанию.

— Эрл Грей.

— Что?

— Цвет стен, — говорит Кирстен. — Эрл Грей. Тот цвет, что возникает в голове, когда ты пьешь чай с бергамотом.

— Тебе лучше не говорить этого посторонним. Тебя отправят туда, где ты не сможешь нанести себе вред.

— Х-м-м. Звучит не так уж плохо.

Кеке снова наклоняется вперед. Пора перейти к делу.

— Итак. Есть новости от копов о… краже? Зацепки?

Кирстен качает головой.

— Ничегошеньки.

Боже, она ненавидит говорить об этом, думать об этом. Непроизвольно картинки вспыхивают у нее в голове. Разбитое стекло. Осколки на полу. Перевернутая мебель. Разорванные на клочья подушки. Пустой сейф.

Худшей частью была кровь. Отстраненно Кирстен тогда заметила, что крови было немного, но она была очень яркая (Свежий багровый), как пролившаяся масляная краска. Кровь выглядела так, будто ожила и наступала на нее, затуманивая зрение и лишая воздуха: и этот жуткий металлический запах не забыть никогда! Лавина из тысячи медных шариков.

— Совсем ничего? Ни одной зацепки? — настаивает Кеке.

— Если у них и есть зацепка, они ее не разглашают. Все, что я знаю — это то, что изначально рабочей была версия, что ограбление дома пошло не по плану. Выглядит так, будто преступников было двое. Что-то о траектории пули и брызгах крови.

Кеке хмурится. Должно быть, это кажется странным, что кто-то говорит так отстраненно об убийстве своих собственных родителей. Но Кеке знает, что Кирстен не заплачет. Особенность Кирстен — абсолютный контроль над эмоциями.

Определенно, будут какие-то результаты судебной экспертизы. При кражах со взломом редко работают чисто. Обычно оперативники находят массу зацепок.

Тела выглядели как двухмерные бумажные куклы, те винтажные, которых одеваешь в бумажные одежки. Телу ее отца придали позу, как будто он был бегуном в книжке комиксов. У

него на лбу небольшая дырка, а над сердцем расположен большой красный цветок. Руки ее набожной матери, были сложены в молитвенном жесте и связаны черной кабельной стяжкой (Соленая лакрица). Оба лежат на боку, их восковые лица покоятся на выцветшем, грязном ковре.

На руку Кирстен ложится прохладная ладонь, и она вздрагивает, поднимает взгляд и смаргивает картинки в своей голове.

— Ты в порядке? Я уверена, что ты все еще потрясена, не прошло и…

— Я в порядке. Я буду в порядке.

— Тебе не следует оставаться одной. Где Мармелад?

— Прошло уже достаточно времени.

— Достаточно времени? Не прошло и месяца, Китти Кэт. Бога ради, в прошлый раз я видела тебя на похоронах.

Они сидят в тишине. Похороны: два гроба и густой запах лилий. На белых скатертях пятна от пыльцы. Липкие объятия.

— Зим, — произносит Кирстен. — Джеймс в Зимбабве, в той новой клинике.

— Тогда для кого вся эта здоровая еда?

Движением руки она указывает в сторону переполненной чаши с фруктами, горки зеленых яблок и зеленого лотка с овощами.

В течение тринадцати лет Джеймс пытался заменить вредную пищу Кирстен на полезную альтернативу. Если она хотела «Каракранч», она должна была съесть и миниатюрный фрукт миннеола. Похрустеть чипсами? Лучше легкая закуска — немного зеленых соевых бобов эдамаме. Он соблазнял ее свежими гаспачо с чили, сладкими овощными соками, приправленными калганом, салями из дикого лосося. Он ел так, будто это могло предотвратить все болезни.

— Он всегда закупает домой продукты, прежде чем уехать. Надеется, что у меня закончится моя еда, и я съем что-то растительного происхождения. Он говорит, что нам стоит купить долю в «Бильхен» и, когда мне понадобиться операция по двойному шунтированию, у нас будут на это деньги.

«Бильхен» — швейцарская мега-корпорация, которая производит большую часть пищевых продуктов, подвергшихся технологической обработке: дешевых, вкусных, и битком набитых труднопроизносимыми ингредиентами. Помимо своих заводов в Китае и Индонезии, они владеют сотнями фабрик в Южной Африке, производят горы потребительских товаров: все от еды до гигиенических средств и корма для животных.

Когда Джеймс ловит ее за поеданием чего-то вроде любимых

хрустящих шариков «Тато-мато», он говорит ей: «Ты ведь знаешь, что там нет ничего настоящего, верно?», и она смеется своим ненастоящим смехом, чтобы побесить его, облизывает свои пальцы и показывает на картинку на упаковке.

— «Тато-мато», доктор «Убей наслаждение». Они сделаны из картофеля и томатов. Овощ и фрукт. Впервые слышишь это? — в ответ Джеймс качает головой, как будто Кирстен уже не спасти.

«Бильхен» постоянно появляются в новостях в связи с тем или иным скандалом. Антифриз в корме для игуан, лошадиная ДНК в булочках с мясом, подпольные предприятия, использующие труд детей Шри-Ланки, большое и страшное ГМО. Они владеют таким количеством брендов, что могут просто избавиться от того, что вызывает полемику и переименовать свой продукт. В таком случае, они предлагают его на рынке, как «новый», и чтобы привлечь первых покупателей, делают большие скидки. Не распроданным товаром они кормят фриганов — людей, отрицающих принципы потребительства. И, вуаля, родился новый бренд. Вертикальные баннеры и виртуальные афиши умоляют вас «голосовать ногами» и «потреблять сознательно». «Бойкотируйте Бильхен» — новая альтернатива «Спасите Рино».

Кеке театрально вздыхает.

— Почему тебе так везет?

— Да, только посмотри на все эти… блестящие зеленые яблоки.

— Нет, я имею ввиду Мармелада. Добрый, щедрый, хорош собой, спасает маленьких детей и закупает продукты!

— Ну, у него есть служебная машина. Так что ему легче.

— Пф-ф. Ты выиграла мужчину в лотерею. О-ля-ля.

— У него есть и недостатки, знаешь ли.

— Ха! С трудом верится.

Кирстен скрывает улыбку.

— Если серьезно, — говорит Кеке. — Его родители отлично потрудились.

— На самом деле, не совсем так, — говорит Кирстен.

— Да ладно тебе, прекрати.

— Я не шучу. Его матери никогда не было рядом, а его отец — настоящий психопат. Ужасный мужчина.

— Не могу себе такого представить.

— Джеймс ушел из дома в пятнадцать. Просто не смог больше жить со своим отцом под одной крышей. Он оборвал все связи и не говорит о нем.

— Отец сумасшедший… так поэтому он пытается спасти мир?

— Вероятно. В любом случае, хорошее начало для истории о супергерое, — говорит Кирстен.

— История стара, как мир.

— А разве нет?

— Забавно, что ты говоришь это, — говорит Кеке.

— Ха?

— У меня есть… для тебя история.

— Ты нашла что-то о моих родителях? — спросила Кирстен, крутя кольцо на своем пальце.

— Я пыталась вытянуть что-нибудь из копов, но они полностью сомкнули ряды. Даже мой контакт там, в отделе профилирования, говорит, что к делу имеет доступ лишь ограниченное число лиц. Как звали того инспектора?

— Верзилу? Маутон. Мариус Маутон.

— Да, точно. Маутон занимается этим делом и никого к нему больше не подпускает. Он боится утечки информации, которая может повлиять на расследование. Как говорит мой информатор, такое иногда случается в громких делах, но твои родители не были дипломатами или публичными личностями? Еще существует вариант, что тот, кто это совершил не простой преступник: возможно, серийный убийца или банда террористов. Так что, может быть, они близки к поимке преступника, и не хотят по делу никакой огласки.

— Черт побери! Мы никогда ничего не выясним у Маутона.

— Да, шансов было бы больше, спрашивай мы гориллу.

— Горилла проявила бы больше такта и понимания.

— И у нее больше слов в лексиконе.

— И лучше зубы. И пахнет она лучше.

— Более сексуальна?

— Хорошо, я думаю, ты только что перешла черту, — смеется Кирстен. — Как в законе.

— Это не впервые. Но это не имеет значения. Я не рассчитывала, что мы добьемся от них какой-либо информации, так что я попросила моего ДСП *(прим.: друг с привилегиями)*, гениального хакера, посмотреть, что он сможет найти.

— Освежи мне память…

— Друг с привилегиями, Марко. Профессиональный хакер.

Кеке — единственный человек, которого знает Кирстен, ходившая на блиц-свидание с би, чтобы наработать рабочие контакты. Тот факт, что человек полезен в ее журналистской деятельности, не означает, что секс не рассматривается. Из загадочных намеков подруги, Кирстен поняла, что в действительности, разнообразного секса было много. Помимо того, что она «ярая бисексуалка» (разве в наши дни не все би?), Кеке любит себя называть «амбисекстор».

— Марко очень… талантливая… личность, — оживляется

она, слегка выпрямляясь на стуле.

«Угу», — думает Кирстен.

— Блиц-свидание?

— Скукотища! Блиц-свидания в прошлом, пожилая леди. Насколько ты древняя? Теперь это свидания по ДНК. Очень по-Нью-Йоркски.

Кирстен рада, что ей больше не надо ходить на свидания. База знакомств в Йоханнесбурге навевает на нее мысли о резервуаре с пираньями: Кеке обожает это.

— Генетически совместимые пары, чего еще желать? Совместимы ли мы? Ты бы никогда не поверила, если бы встретилась с ним. Неважно, на самом деле, он тот, кто нашел для меня это, — она положила руку на папку. — Это очень масштабно. Космически. Ты готова к взрыву мозга?

У Кирстен от нетерпения покалывает пальцы. Кеке отправляет папку скользить по столу. Девушка берет ее в руки и открывает.

Запись в дневнике

Вествилль, 3 марта 1987 года

В новостях: *«Партизан застрелен полицейскими Гугулету после того, как открыл по ним огонь из АК-47».*

Что я слушаю: *новый компактный диск Битлз «A Hard Day's Night».*

Что я читаю: *Дина Кунца «Ангелы-хранители». Она о двух созданиях, вырвавшихся из секретной правительственной лаборатории. Одно учится любить, а второе гибнет.*

Что я смотрю: *«Кошмар на улице Вязов — 3». Абсолютный ужас. Обычно мне нравятся ужастики, но мне пришлось уйти из кинотеатра. Ужасов хватает и в жизни.*

Сегодня я ходила на аборт (ненавижу это слово!). Я чувствовала себя такой одинокой и загнанной в ловушку, но это единственный выход. Встала очень рано, мне нужно было быть в «Клинике планирования семьи» в семь. После ожидания в грязной приемной с двумя другими девушками с горящими от стыда щеками, они дали мне сорочку удручающего розового цвета, чтобы я в нее переоделась. Мне пришлось смыть всю косметику и снять украшения, даже стереть новый лак с ногтей. Там в комнате с флуоресцентным светом было зеркало, и я просто посмотрела на свое лицо. Я была такой бледной и выглядела ужасно. Стояла и думала, кем же я стала?

Я не такая девушка, что спит с женатыми мужчинами, и, определенно, не такая девушка, которая делает аборты! Но

сделанного не воротишь. Я навсегда буду искалечена. Мое сердце будет разбито. Я не узнаю себя! Смотрела в зеркало и плакала. Рыдала, на самом-то деле. В итоге у меня случилась гипервентиляция легких.

К моему стыду, медсестра была добра ко мне. Она увидела, что я трясусь, и взяла меня за руку. Сказала мне, что, если я не хочу ребенка, тогда я все делаю правильно. Что миру не нужен еще один нежеланный ребенок. Если я уверена, что не хочу его, то так будет лучше. А я хотела сказать ей: «Не то чтобы я не хочу. Я просто не могу. Посмотрите на меня, мне может быть и двадцать четыре, но я сама ребенок».

Так что я легла на операционный стол. Мне дали выпить медикаментозную подготовку к операции и чувствовала себя совершенно одурманенной, мои ноги были на подставках, когда кое-что произошло. Как разряд молнии! Внезапно абстрактная мысль о беременности стала настоящей мыслью о маленьком ребенке (малыше!) вместо «этого». Мысль эта была ясной, как день. Никоим образом, я не смогу сделать прерывание беременности. Ребенок П. и мой! Маленький, розовый, драгоценный малыш! Беспокойство тут же улеглось (я винила в этом наркотики) и обнажило мое истинное желание, хотя оно и было затуманено противоречивыми эмоциями.

Я была смущена говорить об этом врачу, но он не возражал. Обычно, я абсолютно ненавижу врачей, но этот был очень милым: сказал, что лучше быть полностью уверенной, и что у меня есть еще три недели, чтобы передумать. Он сказал, что позаботится обо мне. Но я не стану этого делать. Что-то произошло со мной на том столе, что-то, что нарушило мои планы.

Медсестра пожала мне руку и дала мне номер телефона, на случай, если я захочу поговорить. Неожиданная доброта со стороны незнакомцев в трудные времена снова довела меня до слез. Я собираюсь рассказать П. о ребенке. Я уверена, он будет зол и порвет со мной. Мне, вероятно, придется найти новую работу, переехать в другой город. Мои родители, скорее всего, не будут больше со мной разговаривать! Ясен пень! Моя старая жизнь закончена. Никогда прежде я не ощущала себя такой одинокой.

Не говоря уже о том, что я не могу перестать чувствовать крошечный укол радости (стресса?), когда я думаю о ребенке. Йи-и-и-и! Настоящий ребенок. О чем я думала? Я в абсолютном ужасе.

Песня Бон Джови постоянно проигрывается на всех радиостанциях и в моей голове. Я живу молитвой!

Глава 5

«Томми Нокерс»

Йоханнесбург, 2021

Сет сидит в лаборатории. Уже поздно, но он чувствует, будто находится на грани прорыва в проекте, над которым кропотливо трудится. Это его предпоследний день в кампании, занимающейся разработкой неотропных веществ. Все были ошарашены, когда он объявил о своем решении уйти. Это приятно для его раздутого эго. Он добавляет одну молекулу, затем удаляет другую и снова дополняет сложное вещество, которое собирает на экране своего «Тайл». Почти готово.

Сет — лучший инженер-химик в «Фармакс», и он знает это. Никто не придумывает новые лекарства так, как это делает он. К профессиональной гениальности и его внушительной заработной плате можно добавить, что он известен как специалист по соединениям ртути. Ни одна компания не может удержать его больше года, несмотря на предложения быстрого карьерного роста и всевозможные бонусы. Некоторые коллеги винят его исключительный интеллект, считая, что ему все быстро наскучивает, другие — его проблему с наркотиками. В словах и тех, и других есть доля правды, но есть и еще одна намного более серьезная причина, по которой Сет часто переезжает. И эту причину он очень тщательно скрывает.

За десять месяцев, что он работает в фармацевтической кампании, открыл два первоклассных психотропных наркотика, и теперь на грани открытия третьего. На сегодняшний день, его самый большой хит — «Траникс». Это транквилизатор, смоделированный таким образом, что уменьшает тревожность без эффекта отрешенности или сонливости. Как только «Траникс» попадает в кровь, человек ощущает тепло и расслабленность, за этим следует сладкий и чистый кайф.

«Все дело в системе доставки», — объяснял он своему супервайзеру с глазами бусинками и кивающим интернам. Сет показывал слушателям схему, повествовал об уровнях, слоях, взаимодействии друг с другом и с химическими веществами в мозгу. «Молекулярная экспрессия прекрасна», — согласны с этим были все.

Наркотик до него производился в основе трамадола и считался обезболивающим. Он не просто снимал физическую боль, он нейтрализовывал все страдания: несчастное детство, неудачную женитьбу, низкую самооценку… продолжать можно бесконечно. «Траникс» фаворит у Сета, но у него есть слабость к анальгетикам. Мужчина заменил очень вкусный трамадол на вечнозеленое африканское дерево хакею. В итоге он получил, аналогичную химическую структуру, но при этом более мягкий эффект расслабления тела, без сужения зрачков и сухости во рту.

Гениально, если не сказать больше. Однако, формула неидеальна: слишком сильное воздействие на печень. Также он не уверен на счет долгосрочных последствий после воздействия на мозг. Но это будут выяснять дети из «Фудсейфти».

Сет перемещается к устройству на столе, нажимает «печать», и, после некоторого дребезжания, достает оттуда лоток с таблетками. Стряхивает их с помощью пластиковой воронки в пустой пузырек, хватает последнюю таблетку, прежде чем она исчезнет в воронке, и закидывает ее себе в рот. Пузырек он подписывает и отправляет его в карман брюк. Это необычные таблетки зеленого цвета: они выглядят невинно, как пищевые добавки с хлорофиллом или спирулин. Его последний проект. Он включает в себя эксперименты с шалфеем, или с шалфеем предсказателей, как частенько называют его хиппи. Мексиканская мята.

Бегущая строка начинает мерцать из-за обновлений новостной ленты. Министр был уволен за то, что тайно владел домашним бассейном. ПАНК кается и приносит свои извинения: власти не знают, как такое могло случиться. Они сжимают губы в твердую линию, планируют выдвинуть обвинения и используют такие слова, как «шокирующе», «неприемлемо», «неосознанно». Журналистка, ведущая репортаж, кажется знакомой: молодая, необыкновенно привлекательная женщина с афрокосичками, в майке с круглым вырезом и в кожаных штанах. Байкерша? Белая, состоящая из тонких линий, татуировка покрывает ее плечо, глаза подведены карандашом, грациозная осанка… как раз в его вкусе.

Он думает о бассейне и вспоминает детство, когда намазанный солнцезащитным кремом, бегал под разбрызгивателями, пил из шланга, устраивал сражения на водных пистолетах и пушках. Ему нравилось долго стоять под душем, лежать в глубокой ванне с пеной, смывать в туалете проточной водой. Мужчина испытывал ностальгию по запаху хлорки: бассейн в форме почек, прыжки с разбега в воду, игры в Марко Поло. Он любил лежать на полу, выложенном горячими кирпичами, чтобы согреть покрытую мурашками кожу. Однажды им запретили поливать сад, затем домашние бассейны попали под запрет, затем все бассейны стали вне закона, затем, затем, затем… это было так давно. Сейчас он сделал бы что угодно, чтобы поплавать или глотнуть воды из-под крана. Жизнь теперь кажется ему опустевшей. Следующая новость об известном пианисте, утонувшем в ванной. Сет выключает новости.

Мужчина сбрасывает с плеч лабораторный халат, вдевает в бровь пирсинг и застегивает на запястье кожаный браслет с шипами. Натягивает черное худи, немного подводит глаза и

взъерошивает волосы, чтобы они выглядели так, будто он только что встал с постели. По пути на выход, проверяет свой внешний вид в отражении стеклянной двери. Настроение начинает улучшаться, как только медленно начинает действовать наркотик.

«Гром зимой, — думает он, выходя на улицу. — *Они, должно быть, снова химичат с погодой».* Его черная куртка делает его почти невидимым, а компактный зонт с серебряным наконечником защищает лицо от внесезонного дождя. На улице темно и скользко, свет дают только случайные вспышки молний и неоновые магазинные знаки, бликующие на черную неровную поверхность. Мерцают цианобактерии, а зеленые уличные фонари включаются и гаснут, когда он проходит под ними. Вдали раздаются радостные крики: звуки музыки, свет задних фар автомобилей. Голограмма на здании с изображением часов сообщает об ошибке.

Неровные края тротуара портят привычную элегантную походку мужчины: выбитые кирпичи, открытые люки, корни деревьев, пробивающие себе путь через разрушающийся асфальт. Разбитая и усыпанная мусором, дорожка, кажется, живет своей собственной жизнью.

Впереди появляется группа людей, движущаяся ему на встречу. Мужчины с угольного цвета кожей, одетые в промасленную кожу, шкуры животных и сандалии. Их лица покрыты шрамами. Сет видит их решительность во вспышках света, когда они проходят под фонарями. «Гадаван кура». Браслеты из слоновой кости постукивают при ходьбе.

Когда люди подходят ближе, мужчина приподнимает подбородок и прямо смотрит на лидера группы. Он не шагает в сторону, как поступило бы большинство людей. Вместо этого он задевает его рукой и продолжает свой путь. Как только Сет исчезает из поля зрения, один из мужчин начинает выть, имитируя звуки гиен, а остальные мужчины смеются. Сет поправляет свой капюшон и идет дальше.

Незнакомец в лохмотьях выпрыгивает на него из переулка. Бродяга? Невозможно. В городе больше нет бездомных: они все были «зачислены» в Исправительные трудовые колонии. Слабое дуновение ветра приносит запах сигарет и алкоголя. В кармане худи, рука Сета сжимает рукоять пистолета и снимает его с предохранителя. Капли воды поблескивают на темной коже и волосах оборванца: он с улыбкой, обнажающей отсутствие некоторых зубов, быстро похлопывает себя руками по телу, чтобы показать, что его рваные карманы пусты. От него пахнет улицей.

— Пошел прочь, — говорит Сет. — Проваливай.

— Дай закурить, бро.

Один глаз бродяги черный, похож на бездонный колодец. Другой — изуродован шрамом.

«Сигаретку? Ты должно быть шутишь! Сейчас две тысячи двадцать первый год — никто больше не курит».

Мужчина резко закрывает свой зонт.

— Убирайся с дороги.

Незнакомец открывает рот, чтобы поспорить. Сет наблюдает за искрами неповиновения в его глазах. Блеск лезвия. Инстинктивно, он бьет нападающего коленом в пах, и, когда тот теряет равновесие, ударяет его ручкой зонта сбоку в подбородок. Оборванец без сознания падает спиной на мокрый асфальт, его нож-кастет с бряцаньем падает на тротуар рядом с ним.

Сет продолжает движение, и цианобактерии снова вспыхивают. Он поворачивает в проулок, воняющий гудроном и отходами. Перед ним выпрыгивает крыса, но он даже не вздрагивает, и это явно хороший знак. Он ожидает, что наркотик будет на пике действия через два часа, может быть, три. Оптимизм в бутылке. Одним нажатием на наушник его жизнь начинает плыть в ритме музыки, и он готов к яркой ночи.

Как только он подходит к своему блоку, микрочип в его идентификационной карте автоматически открывает главные ворота. Это новое биоморфное здание, отделанное модным дымчатым изумрудным стеклом, металлом и черным керамогранитом. Снаружи оно окрашено краской, поглощающей смог, на крыше установлены солнечные батареи и водосборники. Это последняя разработка умных домов: исключительная безопасность, автономность, возможность размещения с домашними животными. Мужчина игнорирует открывшийся лифт и поднимается по лестнице, быстро вбивает свой код «52Hz», сканирует сетчатку глаза. Панель мигает, и дверь открывается. Нейтральный женский голос мурлычет из динамика над дверью:

— Добро пожаловать домой, Сет.

Автоматически включается свет, температура установлена на комфортные двадцать четыре градуса. Он глотает еще таблетку, ставит пистолет на предохранитель и проверяет свой «Тайл» на предмет сообщений. Как он и надеялся, на экране мерцает зеленый кролик. У него есть новое задание. В животе все начинает трепетать. Это самое важное его занятие. Опасное. Но Сет весь в нетерпении.

***

Клуб «Томми Нокерс» располагается под землей и его сложно найти. Попасть внутрь можно только по рекомендации постоянных клиентов. Нет никакого секретного пароля или карты, чтобы получить доступ. Либо ты знаешь, где он, либо нет.

Гигантский вышибала по имени Роло из народа йоруба следит за тем, чтобы внутрь попадали только правильные люди. Когда Сет приближается к неприметному входу, Роло шагает в темный проход и салютует ему невидимой шляпой. Бриллианты на его пальцах бликуют на свету.

— Мистер Деникер, — произносит он голосом, глубоким как сланцевая шахта.

— Роло, — Сет кивает в ответ.

Прежде чем войти, он оборачивается. Несмотря на то, что он оставил оборванца в канаве, он испытывает смутное ощущение, что за ним следят.

По другую сторону двери ты попадаешь в другой мир. Делая шаг из мрачной полуразрушенной подворотни, оказываешься в ярком стимпанковом борделе в стиле Парижа сороковых годов. Помещения отделаны алым бархатом с золотыми кисточками и полны намасленных мужчин и женщин, одетых в слишком малое количество одежды, и со слишком большим количеством макияжа на глазах. Перемена наступает позже: когда вы переходите из комнаты в комнату, опускаясь все больше под землю, впечатление становится все более гротескным, причудливым, зловещим. Как будто кто-то решил скрестить бордель с жутким парком аттракционов. Складывается ощущение, что «Томми Нокерс» — олицетворение чьих-то эротических снов, превращающихся в кошмар.

Чем глубже вы спускаетесь, тем необычнее становятся танцоры, удовлетворяющие более экзотические вкусы: сладострастная женщина с тремя грудями, мужчина с чудовищно большим достоинством, сильно разрисованный чернилами гермафродит с часами в спине. Предметы искусства на стенах сменяются со стиля «Чат нуар» и постеров «Марморхаус» до сюрреалистических пейзажей, затененных лиц, причудливой винтажной порнографии, тревожных портретов, висящих под странными углами. Светящиеся секс-игрушки располагаются рядом с галлюциногенными напитками на вращающихся барах, украшенных безумными медными канделябрами. Жесткое шоу с участием секс-роботов в стиле Дали.

Сет обычно не ходил дальше первых нескольких комнат. Он не ханжа, ему нравится немного извращенного секса. Но его бессоннице не нужно поощрение, у него достаточно причин не спать по ночам.

Этим вечером, только переступив порог клуба, мужчина направляется прямиком к привлекательной блондинке, стоящей у стены. Это проверенная тактика, всегда приносящая плоды. Не убогое томление у бара, с изучением всего доступного мяса и

попытки снять его позже. Эта тактика чище. Она показывает тебя мужчиной, который знает, что хочет. Женщина, застигнутая врасплох, неизменно принимает предложение угостить ее напитком, и далее зеленый свет до самой койки. Или до комнаты отдыха в клубе. Или до такси. Или притона «Вайт Лобстер». Или до того места, где они окажутся.

Эта конкретная блондинка одета в юбку с поясом и черные сапоги с такими высокими шпильками, что он задается вопросом, как же ей удается оставаться на ногах. Масса начесанных волос присыпаны мелкими блестками.

— Эй, привет, — говорит Сет. Не слишком дружелюбно, не слишком холодно.

— Ага, — произносит она. Откуда он взялся?

Он смотрит на бокал в ее руке:

— Кампари?

Розовые блестки на ее веках мерцают во всполохах света. Он делает свой взгляд холодным. Жестким. Девушка же пытается понять, кто он. Наркодиллер? Психопат? Грубиян? Волнует ли ее это, после такого количества алкоголя? Она одаривает его взглядом сверху вниз, кивает. Мужчина ведет ее к бару и заказывает ей повтор, а себе водку и два шота «Шэдоу», которые, честно говоря, нелегальны.

Несмотря на стоимость, кампари подают с настоящим льдом, а не с замороженными силиконовыми фигурками. Это один из нескольких клубов, который предлагает такую услугу. Мужчина разгрызает кусочек льда зубами, ему нравится настоящий лед. Блондинка же поджимает губы при виде шотов, будто хочет сказать, что он испорченный мужлан. Сет вжимает один из шотов ей в руку, они чокаются и выпивают напиток. Оба сразу ощущают поток тепла, прокатывающийся по телу.

Тем временем к бару подходит незнакомец, делая вид, что не наблюдает за ними.

Женщина подмигивает Сету и ахает, ее зрачки расширяются. Прохладной рукой, он подталкивает ее в поясницу к приватной зоне, с парчовыми шторами и огромными диванами. Висящая на стене картина с изображенным мужчиной в лоскутном пиджаке и заклепками вместо глаз, поглядывает на них.

— Давай избавим тебя от этой ужасной обуви.

***

Кекелетсо наблюдает за Кирстен, пока та открывает папку. Внутри находятся отчеты по аутопсии ее родителей. Кеке убрала фотографии, сделанные группой криминалистов на месте преступления. Достаточно того, что Кирстен обнаружила их мертвыми, ей не стоит смотреть на их посмертные маски

повторно. Для Кирстен это ничего не меняет: изображения на глянцевой бумаге не станут ярче тех, что в ее голове.

Отчеты короткие. Кирстен пролистывает несколько страниц, описывающих то, что она уже знает. Ремингтон, двадцать второй калибр. Одна пуля в голове, чтобы прекратить мысли; одна пуля в сердце, чтобы прекратить чувства. В маму выстрелили с расстояния вытянутой руки, в папу с расстояния в нескольких метров. Мать, скорее всего, стояла на коленях, когда убийца сделал ей дырку в голове. Похоже на казнь. Полиция утверждает, что это неудачная попытка кражи со взломом, но это явно хладнокровное и профессиональное убийство.

Кирстен сканирует глазами медицинские термины: «… входная рана в средней части лба. Черепной коллапс с множественными осколками. Выходная рана в затылочной области. Официальная причина смерти — массивная черепно-мозговая травма от огнестрельного ранения…».

На последних страницах располагаются диаграммы, подобные тем, что можно найти в учебнике по биологии: контурные рисунки людей, рассеченные так, чтобы можно было видеть кости и органы. Кирстен всегда лучше ориентируется по картинкам. Она обводит пальцем диаграммы, следуя за записями и примечаниями коронера. Следом за диаграммой отца, девушка начинает просматривать материалы матери. Сразу же, что-то выглядит не так.

— Ты видишь это? — спрашивает Кекелетсо.

Кирстен так увлеклась чтением, что почти забыла, что Кеке рядом. Она поднимает взгляд вверх, ее палец приклеен к иллюстрации брюшной полости ее матери. С потолка к ним тянутся серые спирали.

— У нее была… удалена матка?

— Да.

— Почему я не знала? Она сделала это, когда я была слишком мала, чтобы запомнить?

Это очень даже вероятно, учитывая ее поверхностные детские воспоминания.

— Открой последнюю страницу. Я нашла это в ее личных медицинских записях.

Кирстен находит последнюю страницу в папке и берет ее в руки, откладывая прочие. Это запись о плановой хирургической операции, сделанной ее матери в тысяча девятьсот восемьдесят втором году. Полная гистероэктомия. За пять лет до рождения Кирстен.

Запись в дневнике

Вествилль, 12 марта 1987 года

В новостях: *«Швеция объявляет тотальное бойкотирование торговли с Южной Африкой. «Отверженных» начинают показывать на Бродвее».*

Что я слушаю: *«The Joshua Tree» группы U2. Радикально.*

Что я читаю: *Стивена Кинга «Оно» — самая страшная книга, известная человечеству.*

Что я смотрю: *«Смертельное Оружие».*

В настоящий момент, я — самый счастливый человек в мире. Когда я рассказала П. о ребенке, я предполагала самое худшее, но он заслуживает любви, потому что самый милый, чудесный, самый сильный мужчина из всех. Он был в абсолютном шоке, но через несколько минут крепко меня обнял и сказал, что позаботится о ребенке и обо мне. Я думала, что он спрячет нас где-нибудь как тайную любовницу и внебрачного ребенка (что меня вполне устраивает!), но мужчина гораздо лучше. Сказал, что хочет быть хорошим отцом, а им нельзя быть вдали от ребенка. Он попросил меня ВЫЙТИ ЗА НЕГО ЗАМУЖ!!!

Это предложение не было похоже на романтическую картинку у меня в голове. Я думала, что когда этот день настанет, будут шампанское, розы и свечи. Может быть, мы будем на тропическом пляже где-нибудь в Мавритании или в модном ресторане. И что мужчина будет выше, что у него будет больше волос, что он будет богаче и не женат и я… ну, я не буду беременной. Это было больше спором, чем предложением. Это не был вопрос, это было о том, что мы должны сделать. Он просто выпалил его. И я согласилась.

Сейчас у меня кружится голова. Мне жаль его жену, от которой он уходит, это так ужасно. Но все закончилось уже давным-давно, и я знаю, что он о ней позаботится. Все же, я переживаю по этому поводу и надеюсь, что она никогда не узнает правду. Я молюсь, что она простит его/нас однажды, и что я смогу простить себя. Я собираюсь стать лучше. Прекращу быть эгоистичной и стану лучшей женой и матерью, какой только могу. Я собираюсь сделать П. очень счастливым.

Глава 6
Безумная заклинательница мебели

Йоханнесбург, 2021

Пока Джеймс далеко, в Зимбабве, и у Кирстен нет запланированных на день дел, она решила, что настало время заняться тем, что откладывалось слишком долго. Девушка ловит взрывающееся афропанком такси, едет до южной части Йоханнесбурга, а после долго, неспешно идет от остановки до

складских помещений в Ормонде.

По пути она делает фотографии своим миниатюрным аппаратом. Кирстен привыкла пользоваться суперфоном с встроенной камерой, иметь для него кучу линз, но таскать с собой телефон, когда можно сделать снимок с помощью «Снейквоч» на руке, кажется архаичным. Теперь на смену умным часам пришли «Тайлз», а их сменили «Пэчиз». Кажется, невозможно поспевать в ногу со временем.

«Локиткэм» по размеру меньше спичечного коробка и состоит из линз и затвора. Позже получившиеся снимки выгружаются из «Скайбокс». Эта камера замечательно подходит для подобных съемок: старое автобусное депо, выкрашенное в белый цвет облезлыми голубями, выбравшими это место своим домом. Здание украшает веселая реклама механика, нарисованная на кирпичной стене, постеры нигерийского доктора с труднопроизносимым именем, который может увеличить член, вернуть бывшую обратно, заставить грудь расти, сделать вас таким, «кого вы хотите видеть в зеркале», вакцинировать от Бактерии и сделать богатым. *Хотя, если у него есть столько талантов и умений, вряд ли он бы стал работать с гениталиями других мужчин. Или, если так подумать, может быть, он хочет работать с причиндалами других мужчин, поэтому стал членодоктором.*

Когда девушка приближается к складскому зданию, оно выглядит заброшенным. Не очень-то многообещающе. А затем она видит их рекламный щит и логотип: улыбающийся носорог. Иронично и грустно. Как и додо, показывающий два больших пальца вверх, или подмигивающий коелакант. Кто выберет вымершее животное в качестве своего талисмана?

Как только следователи дали разрешение на продажу родительского дома, Кирстен заплатила компании, чтобы вывезти оттуда все их имущество. Она ни за что не смогла бы сделать это сама. Этот склад — первое место, которое девушка нашла в интернете, но носорог в памяти не сохранился. Теперь вопрос: на самом ли деле вещи ее родителей здесь или они укатили в неизвестном направлении, скажем в Алекс или Лоунхилл, или Почефструм?

Здесь не было ни звонка, ни ресепшена. Когда Кирстен нажимает на кнопку на потертом домофоне, телебот отвечает, что номера больше не существует. Она обходит здание кругом и за коваными воротами находит черный вход, закрытый на тяжелый висячий замок. Компания-перевозчик дала ей два ключа, которые изначально показались идентичными, но, применив один из них, она смогла открыть замок. Девушка шагает внутрь и запирает за

собой ворота.

Номер на дешевых розово-сине-фиолетовых ключах — шестьдесят четыре (вишневая жевательная резинка, замороженная черника). Кирстен проходит мимо цветочной музыкальной шкатулки, прежде чем находит нужный блок. Дверь покрылась ржавчиной, и ее не так-то легко открыть. Она издает протяжный скрип, и от этого звука перед глазами возникает узор из красных елочек, который мгновенно ее ослепляет. А затем наступает тишина, видно как пыль мерцает на солнечном свете.

Девушка стоит неподвижно, дышит, моргает, пытается справиться с лавиной запахов, цветов, ощущений, воспоминаний, кружащихся вокруг нее. Ближе всего к выходу стоит мебель из гостиной, и фокус внимания сосредотачивается на ней. Приподняв защитное покрытие, ее взгляд падает на подлокотник дивана со знакомым узором на выцветшем ситце. В голове вспыхивают картинки прошлого: она лежит на этом диване, ест хлопья с молоком и смотрит телевизор. Спиной удобно опираться на одну подушку, другую же подушку подложила под колени. Обивка дивана изодрана там, где их старый кот Минги точил когти.

Кирстен поднимает сиденье и рассматривает пятно на внутренней стороне. Однажды мать пролила томатный суп, чего не простила упрямая ткань.

Кофейный столик с небольшой трещиной на стеклянной столешнице. Эта трещинка была там, сколько девушка себя помнит. Низкий буфет, кухонный стол, стулья на колесиках. Гул в ее голове постепенно утихает. Она может это сделать. Медленно, методично, она вновь знакомится с каждым предметом. Она трогает их, уделяя внимание каждому, как какая-то заклинательница мебели.

Огромная стальная лампа на регулируемой по высоте подставке, прикроватные тумбочки, антикварный дубовый книжный шкаф. Коробки с книгами, документами и папками. Ее родители были академиками и извели за жизнь такое количество бумаги, что каждый был ответственен за уничтожение, по меньшей мере, двадцати участков тропического леса, размером с поле для регби.

Несмотря на то, что родители были из поколения читателей электронных книг, они предпочитали читать бумажные эквиваленты и писать ручкой на бумаге, вместо стекла или проекций.

— Это просто ощущается реальнее, — обычно говорила ее мать, записывая на обратной стороне старого рецепта список покупок. Кирстен на это только вздыхала.

— Смартфоны существуют не просто так, — девушка, раз за разом, показывала ей, как составлять виртуальный список покупок. — Его можно отправить в магазин, и все ее покупки соберут и доставят.

Мать одаривала ее натянутой улыбкой, и Кирстен знала, что ей никогда не выиграть эту битву. Когда на рынок пришли «Селперсис», а затем умные часы, для родителей это стало настоящим ударом. Они привыкли к старым кирпичам-смартфонам, будто это было нечто, чем стоит гордиться, как сожжение бюстгальтеров в шестидесятых. Изображение особенно уродливого горящего лифчика всплыло у Кирстен в голове: она не знала, откуда оно взялось. Из ее университетской жизни? Из старого фильма «Моя прекрасная леди»? «Пикстрим»? «Вебпедия»? «Флиттр»? Иногда ей казалось, что ее мозг гигантский объемный проектор, заполненный случайными картинками. Откуда все это? Из параллельной реальности? Предыдущей жизни? Жизни кого-то другого?

Единственным исключением принятия технологического прогресса был момент, когда она подарила им «Голограф»: 3D фотопроектор, под завязку загруженный кадрами сомалийских пиратов, которые сделала Кирстен. Это было до того, как эта серия фотографий удостоилась награды. Они были так горды ей, постоянно просматривали снимки на проекторе, несмотря на их довольно мрачное содержимое. «Голограф» не покидал каминной полки месяцами, даже, когда был выключен.

Такие хорошие воспоминания! Но тут в мыслях проносится тот факт, что «Голограф» украли во время ограбления. И снова перед глазами вспыхивают малиновые кометы.

Кирстен пытается оторвать скотч, ругая себя за то, что не подумала захватить пару ножниц. В третьей коробке находится аккуратный маленький карманный нож «Ройал скай». У него острый вкус, слегка горьковатый, с привкусом цианида. Вкус яблочного семечка. Она точно помнит этот вкус. Ностальгия. Ее отец хранил этот нож в кармане и вытаскивал только по особым случаям: когда было нужно откупорить бутылку вина на соседском барбекю или подрезать нить, которая угрожала распустить платье. В таких случаях он всегда приступал к делу размеренно. Медленно изучал проблему, задумчиво ставил диагноз и извлекал волшебный предмет из глубин своих брюк. Неспешно выдвигал блестящее лезвие и, наконец, делал аккуратный надрез там, где это было необходимо. Никогда не забывал после этого почистить нож, полировал рукавом его эмблему, а затем просушивал. Вдумчиво, тщательно, с умом.

Она хорошо помнит один случай. Кирстен не удавалось

освободить свою новую куклу из плотной пластиковой упаковки, отец же снимал упаковку мучительно медленно, а после передал игрушку ей. Он смотрел на нее, почти с грустью, как будто он в некотором роде предвидел, что она будет бесплодна. Воспоминания, прежде приятные и полные привязанности, теперь приносят колющую боль. Девушка сглатывает комок в горле.

Кирстен никогда не разрешалось прикасаться к ножу, это было строжайше запрещено. Со щелчком, она открывает его и начинает разрезать коробки.

***

Сет знает, что опаздывает на работу еще до того, как открывает глаза. Он издает стон и тянется к бутылке воды «Анахита», которую держит рядом со своей подвесной кроватью. Следом выключает прибор, записывающий сны, делает несколько глотков и включает «Санрайз». По всей квартире открываются шторы, позволяя утреннему солнцу осветить интерьер комнат и прояснить его мысли. Голос квартиры, который он назвал «Сэнди», желает ему доброго утра и принимается проигрывать его субботний плейлист.

Это его последний рабочий день в «Фармакс», так что вряд ли будет проблемой, если он на несколько часов опоздает. Он не сразу вспоминает, почему его голова ощущается такой, будто ее оставили на городском футбольном поле: пилюли с шалфеем, кокаиновые дорожки, Теневые шоты, прекрасная девушка с блестками на глазах… Он помнил, что у него был секс со сверкающей девушкой за портьерой в клубе, но привел домой другую. Роло вызвал им такси. Длинные каштановые волосы со светлыми прядями, очень бледная кожа, красивые груди, умопомрачительный отсос. Он зевает, собирается с силами и делает еще один глоток воды.

— Бл*ть, я даже не проверил ее ID на «Хайвакс»!

Это глупо, но в последнее время он делал вещи и похуже. Либо у него проходит паранойя, либо он более склонен к саморазрушению, чем думал раньше. Может быть, дело в шалфее. Потягиваясь, мужчина делает аудиозапись основных моментов для своего отчета в «Фармакс». Лежа, он тянется за своей курткой и проверяет внутренние карманы. Он трясет белую бутылочку: почти половина таблеток исчезла. Ему нужно будет затариться сегодня, прежде чем он помашет им ручкой.

Девчонка с полосатыми волосами была недовольна, когда он около трех часов утра попросил ее уехать, но это было в значительной степени стандартной реакцией. Он устроил ей изумительную ночь, так что пусть довольствуется этим. Сет сунул ей в руку жетоны такси и закрыл за ней дверь, открыв ее снова,

только чтобы вышвырнуть красный сапог, который пах «Живанши» и старыми коврами.

Он был удивлен ее бурной реакцией. Честно. Как она могла ожидать, что он ляжет спать с абсолютной незнакомой девушкой? Некоторые сучки абсолютно отбитые на голову.

Мужчина встает и накидывает на тело шелковый халат. Он не любит ходить по дому голым, хотя и живет один. Сет считает, что совершать ежедневные рутинные дела обнаженными, например, завтракать — отвратительно. Бога ради, голыми нужно быть лишь в душе и ради секса, а не для жарки яиц и выжимания яблочного сока. Он включает чайник, высыпает эфиопские кофейные зерна в кофеварку, и ставит на огонь, чтобы довести до кипения. Пока ждет, подзаряжает «Тайл», выпаривает немного густых сливок, намазывает цельнозерновой тост миндальной пастой и съедает его. Делает второй и забирает с собой к планшету вместе с чашкой ароматного кофе. Как он и надеялся, мигает маленький зеленый кролик. Кто-то из «Альба» в сети и пытается с ним связаться. Набрав пароль, он получает доступ к ветке форума.

FlowerGrrl: Привет, SD. Ты готов?

Он делает глоток кофе, крошки осыпаются с кончиков его пальцев, пока он пишет ответ.

SD: Привет, мой любимый кибersталкер. Да. Начинаю в понедельник.

FlowerGrrl: У тебя все в порядке?

SD: Всегда.

FlowerGrrl: Ты проделал хорошую работу в «Фармакс».

SD: Ничего особенного.

Ни с того ни с сего, большой палец левой руки начинает покалывать. Сет осматривает его, трет о верхнюю часть бедра и продолжает набирать сообщение.

SD: У них для нас ничего нет.

FlowerGrrl: Чистые? Думала они пошли по пути Носорогов.

SD: Я тоже. У них безупречная репутация. Кроме того, что заполонили страну наркотиками и импотентами, искоренили уязвимость и отчаянье.

FlowerGrrl: Эй, нам всем нужно зарабатывать на жизнь.

SD: Ага. Есть еще новости? Слышала о тупом политике с бассейном?

FlowerGrrl: Преступник.

SD::)

FlowerGrrl: Уверена, таких полно в Ф.

SD: Преступников или бассейнов?

FlowerGrrl: И тех, и других. Если найдешь один, поплавай за меня. Не плавала с детства.

SD: Как и я. Вероятно, придется подогреть источник и дерьмо в нем. Бл*ть, я поплаваю на спине ради тебя. Живем один раз!

FlowerGrrl: Ха! Очень смешно! Я бы не пропустила такое. Почему мне так не везет?

SD: Поздравляю с поимкой «Табула Раса». Превосходная работа!

FlowerGrrl: Собираюсь поведать эту историю на следующей неделе.

SD: Они готовят хороших шахтеров, фермеров и прочих специалистов в «ПЛС».

FlowerGrrl: Ха! Ты представляешь? Сегодня миллиардер, весь наколотый ботоксом, а завтра уже доишь корову.

SD: Карма — та еще сука.

FlowerGrrl: Ты сказал это, детка.

SD: Молодец! Поймала на слове!

FlowerGrrl: Именно! Держи ухо востро.

SD: Всегда.

FlowerGrrl: Серьезно. Будь осторожен.

SD: Абсолютно серьезен. Я параноик и всегда осторожен.

FlowerGrrl: ХА! Забавно! А ведь так и есть:*.

Зеленый кролик исчезает.

***

Большой палец на левой руке Кирстен кровоточит. Она не знала, что можно порезаться картоном. Дважды. Девушка ругается в каждом цвете, который только могла придумать, и пинает обидевшую ее коробку. Целью было отправить тару в полет, но она оказалась тяжелой, и девушке удается лишь столкнуть ее с кучи. Она приземляется на бетонный пол с характерным стуком — звуком разочарования.

После падения, из-под коробки выглядывает уголок белой карточки и Кирстен поднимает ее. Карточка похожа на те, что посылают вместе с цветами: размером меньше ладони и липкая с обеих сторон. На картинке лилия, напечатанная блестящими розовыми чернилами (Клубничные блестки), которые девушка пачкает кровью.

Внутри неизвестным почерком написано: *«Позвони мне. Твой*

навеки:».*

Часы на руке издают звуковой сигнал — это Кеке. На следующей неделе, она хочет встретиться там, где клубно и темно, чтобы выпить. Говорит, что у нее есть, что отметить.

«Согласна, — отвечает Кирстен. — *Заранее поздравляю с тем, что мы празднуем. Давай устроим праздник нашей взаимной клаустрофилии».*

Сообщения в чате в наши дни стали такими короткими, что их невозможно передать текстом без искажения смысла. Иногда Кирстен использует самые длинные слова, которые только может придумать. Таким образом, девушка протестует против сокращенного до нелепости языка чата.

Девушка понимает, что это, вероятно, признак старости, и задается вопросом, является ли это аналогом обладания телефоном-кирпичом. Даже ее «Снейквоч» уже устаревшая технология. Очень утомительно обновлять девайсы каждый новый сезон. Может быть, она больше похожа на мать, чем думала раньше.

Кирстен бросает карточку обратно в коробку и берет пораненный палец в рот, ожидая, когда кровь перестанет идти. Она ощущает похмелье, хоть предыдущей ночью выпивала немного. Еще один признак старения? Иногда она чувствует себя так, будто ей девяносто. И не сегодняшние «Девяносто — новые сорок!», но биологические, тяжелые, хрупкие девяносто. Девяносто, где у тебя седые волосы, покрашенные в баклажановый и протез в бедре.

Она уже изучила то, что казалось сотнями файлов и документов, большинство из которых было написано на неизвестном ей наречии. Кирстен пришлось пролистать целую библиотеку, прежде чем она нашла свое свидетельство о рождении. Слегка помятая папирусная бумага, печать в низком разрешении, уродливый шрифт, но там было четко указано ее имя: Кирстен Ловелл. Дата рождения — шестое декабря тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года в «Тринити Клиник» Сэндтон, Йоханнесбург.

«Я есть, — думает она. — *Хотя это очевидно! Я думаю, следовательно, бл*ть, существую».*

Может быть, отчет об аутопсии был ошибочным? Они могли перепутать тело ее матери с телом другой женщины. Это так легко сделать, когда так много людей умирают от Бактерии. Или справка из больницы могла быть неправильной: они ошибочно поставили дату ее гистероэктомии. Сонная медсестра в свою полночную смену легко могла написать не тот год. Вероятно, рассеянно размышляя о собственной хирургической операции или

рождении собственного ребенка.

Кирстен уже на последнем издыхании, когда, наконец, обнаруживает нужную коробку. У нее помяты углы, повсюду грязные отпечатки ладоней и запечатана она тремя разными видами скотча. Очевидно, за прошедшие годы ее открывали и закрывали бесчисленное количество раз. «Фотоальбомы» нацарапано сбоку маминым ужасным почерком. Замечая эту надпись, Кирстен ощущает укол нежности, и ей приходится присесть, чтобы перевести дыхание.

Эту коробку она открывает с чуть большей осторожностью, чем предыдущие. Двенадцать альбомов в твердой обложке занимают половину коробки, а остальное — DVD. Они начали делать цифровые фотографии, когда она училась в старшей школе. Так что с уверенностью можно было сказать: то, что она ищет, будет в одном из бумажных альбомов.

Есть одна конкретная фотография, которую она хочет найти. Кирстен предполагает, что этот снимок сделали, когда ей было около шести месяцев. Если девушка правильно помнит, снято было в каком-то солнечном месте, с деревом или лесом на заднем фоне. Шелковая повязка с цветочным узором украшала ее безволосую голову. Спина слегка выгнута, а рука с бледно-розовой морской звездой протянута в сторону того, кто стоял с камерой.

Медленно она перелистывает каждый альбом, пытаясь не попасться в паутину воспоминаний: блюдо из ревеня (пепельно-серый), перечная мята, солнцезащитный крем с запахом кокоса, сэндвичи с сырым яйцом (Морская Губка), какой-то плоский леденец с молочным вкусом — ириска? Ириска и песок с пляжа. Мышата из зефира, которые продаются только в буфете игрового магазина на семейном курорте в Драконьих горах. Аммиак, детское масло, вишневые сигареты. Гвоздики из шелка, окрашенные мощеные камнем дорожки, а на вкус это, как перец. Она захлопывает последний альбом и ищет другую коробку с фотографиями.

Здесь не может быть все. Не хватает трех лет. Первых трех лет.

Движимая приливом энергии, Кирстен атакует то, что осталось. В ее голове возникают возможные объяснения. Может быть, у них не было фотокамеры. Может быть, они считали, что нехорошо фотографировать маленького ребенка. Может быть, фотографии потерялись, их украли, они сгорели. Но нет ни детской одежды, ни игрушек. Их, конечно, могли отдать, ведь тогда были сотни сирот, брошенных детей: неслыханное дело в наши дни. Девушка начинает сильно потеть, пока перерывает все

содержимое склада. Ей начинают мешаться волосы, и она завязывает их в неопрятный пучок. Когда коробки начинают заканчиваться, тревога нарастает. Кирстен не находит больше альбомов, но в предпоследней коробке она находит несколько фотографий в рамках. *Конечно же! Они в рамках! Вот почему их нет в альбомах.* Это ощущается, как успокаивающие пальцы на сердце.

Вот они! Почти такие, какими она их помнит. Она сжимает их в руках, рассматривает детали. От жара ее рук серебряная рама запотевает: тяжелая, декоративная, подобранная со вкусом и любовью. Фотография не совсем в фокусе, но вполне различимая. Голубое хлопковое платье (Яичный синий робин), собравшееся в гармошку из-за руки, которая ее держит. У нее нет тетушек, нет бабушек: должно быть, это рука ее матери.

Кирстен ожидает, что увидев фотографию испытает облегчение, но эффект оказывается противоположным. Какая-то мысль скребется, кружится в ее голове. Что-то не так. Она снова рассматривает фотографию.

Что это? Текстура. Текстура бумаги не такая. Фото напечатано не на глянцевой или матовой бумаге, как печатали в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году. Она зернистая, мягкая. Девушка переворачивает рамку и отрывает заднюю панель. Оттуда выглядывает часть рекламного объявления. Его ярко-синий цвет режет ей глаза.

Кирстен крутит и крутит в руках фотографию, стараясь понять и в то же время не желая этого. Это не ее снимок. Это вообще не фотография, а вырезка из журнала. Диаграмма аутопсии всплывает в ее голове с небрежным крестом над нижней частью живота ее матери.

Девушка опускает глаза на дешевый сертификат о рождении, а затем на распечатку, которую держит в руках. Может быть такое, что ее фотография по какой-то причине была опубликована в журнале? Журнал «Living & Loving» сообщает: «Новые зимние красотки, июль тысяча девятьсот девяносто первого года». Ей было три года, когда был напечатан этот выпуск.

Глава 7
Органическая морковка

Йоханнесбург, 2021

— Ой, — произносит его новый менеджер, приветствуя Сета неловкой улыбкой. — Я думал, ты наденешь костюм.

Стены гигантской приемной «Фонтус» покрыты цифровыми 4D обоями с изображением водопадов, водных потоков и озер. Из аудиосистемы льются фоновые звуки: плеск воды и щебет птиц.

Сет не пожимает предложенную руку.

— Я не ношу костюмов.

На входе стоит охрана, что странно смотрится в сочетании с голограммами крепчающего тумана и быстрых цифровых колибри. Мужчины с оружием за пазухой и перцовыми баллончиками безэмоционально посматривают на работников и посетителей, проходящих через металлодетекторы.

Пока они идут через здание, движущиеся изображения изменяются в соответствии с тем, в каком секторе они находятся: вода «Анахита», «Тетис», «Гидра», а затем газированные безалкогольные напитки. «Анахита» — это платина, хрусталь, светлые волосы и бледные, костлявые модели. Бриллиантовые капли и блестящие брызги ртути.

«Тетис» — это роса на траве, дождливые леса, выглядящие умными люди в очках, хорошие зубные протезы, руки, подпирающие подбородок. По пути их обдувает прохладный, увлажненный воздух.

Уэсли не отступает.

— Такова политика компании.

«Гидра» — это улыбающийся негритенок, с босыми ногами, в пыли. Евангельский хор. Акации. Жизнерадостные овощеводы любители. Сухая красная земля. Сет испытывает жажду, просто смотря на них.

— Нет, — говорит Сет. — Тогда я не стану подписывать контракт.

Наступает неловкая пауза, пока они не достигают секции, где по плану он будет трудиться: карбонаты. Ожидаемо, здесь с шипением всплывают пузырьки. Уэсли замедляется до полной остановки в красной зоне: «СиннаКола». Декор похож на взрыв банки с красной краской.

— Это может быть ненастоящий контракт…

— Ну, тогда в чем проблема? Это мой офис?

Сет делает шаг внутрь и скользит на место за столом, рассматривая свои канцелярские принадлежности. Он сбрасывает с плеч свой черный худи и перекидывает его через спинку кресла. У него никогда не было работы за столом: мужчина привык работать в различных лабораториях. Он снимает колпачок с абсолютно нового маркера и нюхает его. Уэсли смотрит на кружащегося в кресле Сета и поджимает губы, поглаживая двумя пальцами небольшой островок растительности под ними.

— Мы проводим собрание в восемь утра каждый понедельник, чтобы запланировать задачи на неделю, — говорит он.

«Да, я не собираюсь на них ходить», — подавляет желание

ответить Сет.

— Незаписанная цель лишь мечта. Тем, что можно измерить, можно управлять. «СиннаКола» собирается в Красной комнате.

Сет инспектирует содержимое ящиков стола. Уэсли же изо всех сил пытается привлечь его внимание.

— Но здесь у нас не одна лишь работа! В последнюю пятницу месяца мы занимаемся тимбилдингом, где соревнуемся против других «ВЦ».

Уэсли прикасается пальцами к красному шнурку на своей шее.

— «ВЦ». Аббревиатура обозначающая «Вкусы-Цвета», — поясняет он. — Это тимбилдинг, веселье и прочее, но также и серьезное соревнование. Важно, чтобы мы победили. В чем ты хорош? Ну, знаешь, кроме вычислений? Пейнтбол? Боулинг? Триатлон? Хождение по углям? Экстремальный фрисби?

Отвращение, должно быть, отражается на лице Сета, потому что Уэсли перестает болтать и выглядит растерянно. Он раздувает грудь и говорит:

— Это обязательно.

«А обязательно ходить с морковкой, засунутой в заднищу? Они здесь раздают обязательные органические морковки?»

У Уэсли краснеют щеки, и на секунду Сет думает, что произнес это вслух, но затем понимает, что это потому, что Уэсли увидел его кроссовки. Они из лимитированной коллекции, дизайн от местного художника граффити, а по бокам у них надпись «Пунани». Он предполагает, что они стоят больше, чем Уэсли зарабатывает за месяц. Сет испытывает соблазн закинуть их на стол, но затем понимает, что не стоит этого делать. Лучше не слишком его злить, по крайней мере, пока. Менеджеры большую часть времени засранцы. Они не терпят, когда с ними сознательно препираются. В качестве уступки Сет вынимает пирсинг из брови и убирает в карман. Стирает немного «Смадж» с век. Он замечает, что Уэсли немного смягчается. Это срабатывает каждый раз.

— Тогда, ладно, — произносит Сет, показывая на свой огромный «Гласс» с плоским экраном. — Я лучше приступлю.

Уэсли пытается выдавить улыбку и сразу же становится похожим на грызуна: его нос сморщивается, а губы обнажают крупные передние зубы. Превосходно, Уэсли — Ласка. По крайней мере, теперь, он не забудет его имя. Приветственный набор на его столе содержит его ID-карту доступа, которую можно прикрепить к собственному красному шнурку, футболку «СиннаКола» его размера с анимированным шипящим логотипом, и голубую книгу с правилами поведения в «Фонтус». Логотип

«Фонтус», абсолютно лишенный креативности, представляет собой стилизованное изображение фонтана, а слово «Фонтус» написано красивым шрифтом, все буквы заглавные. Он засовывает шнурок в ящик, а карточку бросает в карман.

— Ты должен надеть их, — говорит Ласка. — Шнурок и карточку. Они для идентификации, а не только для доступа.

Он показывает на камеру в углу помещения.

— Ну, знаешь, вопросы безопасности.

Сет вытаскивает красный шнурок и прикрепляет к нему карточку. Неохотно, надевает его на шею. Ласка торжествует.

— Кроме того, мы не можем позволить Зеленым рыскать по Красной секции, воруя наши новые стратегии!

Плакаты на стенах изображают четырнадцать чудес света на темно-синем фоне и слоганами вроде: «Это не проблема, это вызов» и «Возможности повсюду».

Он ждет, когда Ласка уйдет, прежде чем скинуть остаток приветственного набора в мусорную корзину. Футболка продолжает шипеть. Он разворачивается на своем эрго-кресле, глядя в окно. Кто-то смеется в коридоре. Территория безупречна: трава на газоне ровная и зеленая, ухоженные яркие однолетние растения взрываются дополнительным цветом под навесом из красивых местных деревьев. Веселые сотрудники проходят мимо друг друга с улыбкой или приветствием. Кампус похож на рассадник бодрости духа, чистоты, эффективности, яркий островок в темной неразберихе, которую представляет собой вся остальная часть страны. Сет закидывает в рот таблетку.

«Да, — думает он. — *Здесь, определенно, происходит что-то странное».*

Запись в дневнике
Вествилль, 28 сентября 1987 года

В новостях: *«Две бомбы взорвались в «Стандарт банк арена» в Йоханнесбурге. Джон Макинрой оштрафован за свои выходки на «US Open». Звездный путь: следующее поколение дебютирует на (Американском!) телевидении».*

Что я слушаю: *Альбом «Bad», Майкла Джексона. Суперкрут!*

Что я читаю: *«Мизери» Стивена Кинга. Раненого и одурманенного, писателя удерживает в плену фанат-психопат. Та-а-ак жутко. Заставляю П. встать, чтобы выключить свет!*

Что я смотрю: *«Роковое влечение». Не самое лучшее кино, чтобы смотреть за неделю до свадьбы! Жуткое, но оно мне нравится.*

Мы поженились сегодня. Была крошечная церемония в мировом

суде Вествилля. Присутствовали только шафер П. (Уайти) и наши родители. Я была уверена, что мои родные бойкотируют свадьбу, но они пришли. Отец сделал храброе лицо, а мама то плакала, то суетилась с моим платьем, будто кусок ткани мог скрыть мой огромный беременный живот. Я хочу сказать, что он реально гигантский! Никогда не думала, что он вообще может таким большим! ЕДИНСТВЕННАЯ вещь, которая на меня налезает, не считая мешковатого свадебного платья, моя старая майка «Sex Pistols». Я практически живу в ней!

Когда я написала о беременности отцу, он был очень рассержен, и я долго от него не слышала ни слова. Мама позвонила мне и велела проявить терпение, и что он придет. «Если не перед свадьбой, тогда, определенно, как только родится ребенок», — сказала она. Его первый внук! Она была права. Когда я увидела его, он обнял меня (осторожно, избегая выпуклого живота) и сказал: «Ничего не поделать, кроме как выжать максимум из ужасной ситуации». Я хотела сказать ему: ребенок — не «ужасная ситуация», но я была так благодарна, что меня простили и все еще любят, что промолчала и поцеловала его.

Свадебные фотографии будут забавными. Мы получили свидетельство о браке, как только нас объявили мужем и женой. Меня, женой? Ха! Свадебной песней стала наша любимая песня Брайана Адамса «Hearts on Fire». Я расчувствовалась, думаю дело в бушующих гормонах. Но, когда я посмотрела на П., я поняла, что у него тоже стоит ком в горле.

Мы пошли в морской ресторанчик, и мой отец заказал много блюд и игристого вина. Я не могла есть морепродукты или пить вино в моем состоянии, но мне было все равно, я не хотела есть. Когда нас поздравляли и произнесли тост в честь нашего брака, я выпила виноградный сок из моего бокала для шампанского. Это точно самый лучший виноградный сок, который я пробовала.

После, в кровати, уставший, но счастливый, П. кладет руку мне на живот, и мы ощущаем, как шевелится ребенок.

Самый счастливый день в моей жизни! Не могу дождаться, когда увижу своего малыша.

Глава 8
Мэри-все-наоборот

Йоханнесбург, 2021

Кирстен привлекает внимание официанта и жестом запрашивает смену блюд. Она сидит одна в «У Молли Кью» — ретро-ресторане, единственном в Йоханнесбурге, где все еще есть молекулярная кухня.

Это ее любимый ресторан, и Джеймс забронировал им столик

на первый вечер после своего возвращения домой. Любимое гастрономическое приключение Кирстен. Ей нравится здесь «чистота» вкусов: фигуры, которые она видит и ощущает, такие живые и четкие.

Она пьет их фирменный коктейль «Не Кровавая Мэри-Все-Наоборот». Водка, перемешанная с томатным соком и перечной эссенцией. Они подают его с тонким и длинным замороженным кусочком сельдерея. Кирстен делает глоток и чувствует, как перед ней возникают кристаллические фигуры. Не такой крепкий, как первый напиток, но все же жесткий.

Чертов закон убывающей доходности.

Позже вечером коктейли становятся все более крепкими, осязаемыми: алкоголь всегда усиливает выраженность проявлений ее синестезии. Внезапно, она ощущает губы, коснувшиеся ее лба и теплую руку на спине. Она смаргивает изображения кристаллов и видит Джеймса.

— Котенок! Я скучал по тебе.

Она вскакивает, чтобы обнять его, вдыхает запах у изгиба шеи. Он пахнет Зимбабве: дезинфицирующим средством для рук и салоном самолета. А также жевательной резинкой «Мисвак», давно потерявшей вкус. Некоторое время они держат друг друга в объятиях.

— Я тоже по тебе скучала.

Целоваться с Джеймсом всегда оранжево: разных оттенков оранжевого, в зависимости от настроения поцелуя. Поцелуи за завтраком обычно цвета свежих желтых лютиков, а во время секса — цвета заката, также они бывают любящими, дружескими, сердитыми, виноватыми (пыльца, полированная сосна, резиновая уточка и куркума, соответственно). Его энергетика теплого желто-оранжево-рубинового цвета. Сладкая и вибрирующая. Мармелад Джеймс.

Они садятся, и Кирстен заказывает для него крафтовое пиво, хмельной эль: он не пьет коктейли. Он всегда громко смеется, когда они смотрят старые фильмы, где Джеймс Бонд пьет мартини.

— Как дела в клинике?

Он слегка загорел, несмотря на его привычное фанатичное желание использовать «SPF 100», а его рукава из хлопка помялись. Он устал, но все равно выглядит отлично.

— Нехватка персонала и финансирования, уйма пациентов: больные дети, младенцы. Было сложно уехать.

Какой-то кусочек в Кирстен разлетается на осколки. Он берет ее за руку.

— Конечно же, я предпочел бы быть с тобой, а не где-то там,

но просто так много…

— Я понимаю, — говорит она, смотря в сторону. Легче быть с людьми, которым можешь помочь.

— Так много младенцев голодные и брошенные. Не так, как здесь, — произносит он.

— Не так, как здесь, — соглашается она.

Как можно бросить ребенка?

«Почему эти сучки могут рожать детей, — думает она, — *когда я не могу?»*

— Я вижу, как процветает торговля младенцами через границу. Когда ты наблюдаешь таких детей, у тебя возникает чувство, что их родители с радостью расстанутся с ними за пару сотен тысяч ранд.

— Ужасно, — произносит Кирстен, хмурясь. — Им стоит прописать в законе, что нужно для начала получить лицензию на родительство, прежде чем позволять им продолжать род.

— Ты же шутишь, — говорит Джеймс, но она говорит вполне серьезно.

Они заказывают комплексный обед. Им приносят комплимент от шеф-повара — желе из шардоне с древесными нотками и розовой бальзамической икрой, а затем азиатское крудо с прослойкой из авокадового суфле и сорбет из васаби. Они молчат, пробуя новые блюда и давая Кирстен возможность оценить все фигуры, цвета и текстуры вкусов. Сорбет из васаби посылает сюрикены ниндзя в ее мозг. Невероятное ощущение.

— А как у тебя дела? — интересуется Джеймс. — Как ты держалась, пока меня не было?

— У меня был очень интересный уикенд, — отвечает девушка, отправляя в рот последний кусочек васаби и чувствуя, как заостренные края звезд исчезают. — Я нашла причину, по которой я такая… не как все.

Джеймс медленно делает большой глоток своего пива. Они много раз обсуждали это прежде.

Одной из проблем в постоянных отношениях является то, что одни и те же проблемы обсуждаются много раз и это становятся скучными до невозможности. По крайней мере, теперь, ей есть что добавить.

Мужчина смотрит на нее, оценивая ее настроение, и снимает свои очки. Кирстен чувствует, как про себя он вздыхает.

— Котенок, с тобой все в порядке.

— Нет, немного не в порядке.

— Хорошо, лишь немного. Но так можно сказать о любом человеке. Просто ты чуть больше осознаешь свою ненормальность, чем обычный человек, потому что ты…

— Особенная?

— Это не то, что я хотел сказать, но пусть будет так.

Они улыбнулись друг другу, и это напомнило ей времена, когда они только начали встречаться в университете. Тогда еще они оба все видели в розовом свете.

— Ты имеешь в виду свою синестезию?

— Нет, синестезия на моей светлой стороне. Я говорю о темной стороне.

— «Черная дыра», — произносит он. Боже, как он ненавидит это.

Когда она была ребенком, она пыталась объяснить родителям, что это такое, думая, что «Черная дыра» есть и у них, что это обязательное условие человеческого существования. Но они проявляли недовольство и теряли терпение, как сейчас делает Джеймс. Возможно, с одной «Черной дырой» они еще могли справиться, но не в сочетании с синестезией. Это вызвало между ними «разрыв»: холодное, пустое пространство, которое легко можно было игнорировать.

Однажды, когда Кирстен училась в начальной школе, она попыталась объяснить эту пустоту своей матери. Мама разозлилась и умчалась прочь, оставив ее дома одну. Когда минуты превратились в часы, а солнце начало опускаться за горизонт, она пошла в дом к соседям: молодой паре, которые в замешательстве усадили ее у телевизора. Они напоили ее чаем ройбуш с молоком и подсохшими бисквитами «Мэри», пока шепотом разговаривали по телефону. После, они сели в гостиной вместе с ней, заводя неловкий разговор. Спустя время фары автомобиля ее матери осветили их гостиную, объявив с яркой враждебностью о ее возвращении. Это был не первый и не последний раз, когда мать оставляла ее одну.

В конце концов, от отчаянья ее отец принес Минги — мяукающий пушистый комочек, надеясь, что котенок залатает «Черную дыру», но он не смог. После этого девушка никогда не говорила об этом, не желая доставлять родителям беспокойство. Теперь они умерли, а беспокоиться стал Джеймс.

— И? — подтолкнул он. — В чем причина?

Она разгладила на столе скатерть в горошек, а затем произнесла слова вслух: медленно, четко, прислушиваясь к своему собственному голосу.

— Я думаю, меня удочерили.

Джеймс нахмурился.

— Что?

— Кеке приезжала с визитом, пока тебя не было. Она обнаружила кое-что… ну, короче говоря, моя мать сделала

гистероэктомию еще до моего рождения.

Она позволила ему осознать эту мысль. Джеймс молча пялился на нее во все глаза.

— И, — продолжает Кирстен, вытаскивая свидетельство о рождении и вырезку из журнала из своей сумки, — посмотри на это. Этот дешевый сертификат, вероятно, создан в «КорелДро». Ты знаешь, что нет ни одной моей фотографии в младенчестве? Ни одной.

Девушка переворачивает изображение ребенка, чтобы показать название журнала и дату на другой стороне. Джеймс выглядит потрясенным. Она не винит его. Кирстен сама до сих пор не может в это поверить. Он выхватывает у нее фотографию и принимается изучать ее.

— Я знаю! — восклицает она. — Разве это не безумие? Меня удочерили!

Женщина за соседним столиком поглядывает на них с любопытством, и девушка понижает голос.

— Так что есть причина, почему я не ощущала с ними связи. Почему я всегда чувствовала себя чужой.

— Каждый человек чувствует свою чужеродность. Это передается по наследству: чувство, что мы не принадлежим этому месту, этим людям. Как иронично, ведь это ощущение — единственное, что нас объединяет.

— Да, хорошо, но… с ума сойти, верно? Ты понимаешь, что это значит? У меня где-то может быть семья!

Джеймс притих. Он выглядит обеспокоенным.

— Ну? — спрашивает она его, будто у него может быть ответ.

— Извини, я не знаю, что сказать. То есть, это довольно шокирующе. Если это правда.

— Мне нужно найти их.

— Что ты имеешь в виду?

— Что, черт побери, я могу иметь в виду? Я собираюсь узнать, кто мои настоящие родители. И встретиться с ними. Позвать их на какое-нибудь гребаное чаепитие с тортом.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Знала, что ты так скажешь.

— Ты несправедлива.

— Той ночью… той ночью их убили, — произносит Кирстен.

Джеймс кладет свои руки поверх ее.

— Моя мать позвонила мне. Она сказала, что ей нужно мне что-то рассказать, и это не может ждать.

— Почему ты не… сказала мне?

— Она была расстроена, ее речь была сбивчивой. Я подумала, она… что у нее один из ее приступов.

У Кэрол появились признаки ранней болезни Альцгеймера. Ей не поставили диагноз, но симптомы деменции беспокоили их в течение года, а затем стали проявляться все чаще. Кирстен представляла себе болезнь, как облако ваты цвета молочной сыворотки, которое накрыло голову ее матери (Гнездо из перьев). Как и о многих проблемах, ее родители не любили говорить об этом.

Джеймс заглянул в ее вечно меняющие цвет глаза (Шум моря).

— Ты должен понять меня! Это мой шанс найти свою недостающую часть. Кроме того, дело не только во мне: это ради нас. Чтобы узнать медицинскую историю моей биологической матери… это может помочь нам выяснить… как решить проблему с бесплодием.

— Хотел бы я, чтобы тебе было достаточно меня, — прошептал он (Куркума в воздухе).

Кирстен пытается улыбнуться. Они оба знают, что это никогда не случиться.

Он делает глоток своего пива.

— У нас нет проблемы с бесплодием.

— Ты серьезно? Мы пытаемся зачать ребенка несколько лет.

— В наши дни это нормально.

Между ними опускается морозная вуаль.

— Я чувствую надежду, — говорит Джеймс. — И разочарование. Я хочу ребенка так же сильно, как и ты.

— Чушь, — говорит она, хотя знает, что это причинит ему боль.

— Послушай, чем меньше ты из-за этого переживаешь…

Кирстен сжимает руки в кулаки.

— Вариант не переживать уже не рассматривается. Пожалуйста, выбери другой гребаный вариант.

Им приносят курицу, трюфели и зеленый горошек с выпаренным соусом из какао и чили. Подача красивая, но Кирстен кипит внутри и не представляет, как сможет сейчас есть.

— Послушай, — произносит она, отодвигая свой стул. — Сегодня вечером мы с Кекс собираемся выпить. Мне пора идти.

— Котенок, пожалуйста, не будь такой.

Она встает.

— Увидимся позже.

***

Сет покидает здание «Фонтус» в восемь тридцать. Ему нравится его новая работа: составление вкусовых карт и моделирование производственного процесса. Это как торчать в Диснейленде после серьезной химинженерии, которой он

занимался в «Фармакс». Плюс, в кампусе у них есть все, о чем можно только мечтать: спортзал, СПА, химчистка, комната с распыляемыми в воздухе витаминами, корпоративные велосипеды, рестораны, детский сад (по большей части пустой), виртуальная боулинг дорожка, капсулы для сна. Для персонала все бесплатно. У них даже проходят вечера дегустации вин и встречи книжного клуба. Дни гольфа, игровые ночи. Группы поддержки в связи с бесплодием. Ночевки. Огромное здание похоже на полноценный курорт. Как будто они не хотят, чтобы их работники покидали помещения. Сет удивлен, что они не запустили брачное агентство, чтобы все ублюдки были одной большой семьей. Или борделем.

Все сотрудники выглядят аккуратными и ухоженными: хорошо одетые, подтянутые, с чистой кожей. Редко встретишь индивидуальные детали — никаких «Смадж» или татуировок. Определенно, никаких легких наркотиков, насколько он может судить.

Ласка оказался еще худшим «яйцечленом», чем он думал. Он буквально нависал над его плечом, пока Сет работал. Ему с трудом удавалось заниматься творчеством, когда за ним наблюдали, особенно, этот говнюк. Ему нужно экспериментировать и проводить тесты, а это включает в себя движение и переключение между множеством различных программ и приложений, а это нельзя сделать, когда водянистые глаза следят за твоим монитором.

Хуже всего было то, что это крайне мешало ему выполнять свою настоящую работу (его работу в «Альба»), которая была истинной причиной его присутствия здесь. Сет сильно раздражен, почти в гневе и ему нужно выпустить пар. Он нюхает кокаиновую дорожку, уже третью сегодня, и решает отправиться в «СкайБар».

***

Кирстен ловит тук-тук для короткой поездки в центр города. Она не может избавиться от ощущения, что за ней наблюдают, и выискивает за своим плечом Джеймса. Должно быть, он последовал за ней из ресторана. Но каждый раз, когда ей кажется, что она что-то слышит или улавливает уголком глаза, там никого не оказывается. Несмотря на многолюдность, девушка начинает испытывать страх.

Когда Кирстен добирается до бара, Кекелетсо уже на месте и добывает номер какой-то незнакомки. Как только у нее это получается, они улыбаются друг другу, женщина целует Кеке в щеку и поглаживает руку. Подруга надела кружевной топ, открывающий ее красивую татуировку с нано-чернилами. Сейчас татуировка бледно-серого цвета, так что Кеке, должно быть,

недавно повторила укол.

«СкайБар» находится на последнем этаже самого высокого небоскреба в Южной Африке. Здесь пять сотен этажей, стеклянные лифты с каждой стороны. Они часто посещают бесконечно длинный бассейн в форме буквы «С». Он располагается снаружи и огибает практически все здание. Сейчас его осушили и заполнили экзотическими растениями с листьями-длиннее-чем-жизнь и висячими усиками. Основная привлекательность клуба заключается в том, что здесь всегда интересная толпа, отличное сочетание черных и иных миллионеров, представителей богемы, спортивных звезд, туристов и гонщиков.

— Привет, — приветствует она Кеке, — ну и толпа здесь! Я думала, мы встречаемся только в девять тридцать.

Кеке машет женщине на прощание.

— Я решила прийти пораньше, наладить социальные связи.

— Так теперь это называют детки?

Кеке улыбается, и Кирстен кладет руку на все еще теплый барный стул, который больше представляет собой выражение постмодернизма, чем то, на чем можно сидеть.

— Серьезно, ее хорошо иметь в списке контактов. Работает на АНК.

— Тьфу ты, — произносит Кирстен, — а я думала, что моя жизнь скучна.

— Очевидно, она мазохистка.

— Эти мазохисты могут пригодиться.

Кеке заказывает им пару бутылок пива, дважды нажимает на кнопку «чаевые», и бармен, подмигнув, приносит заказанное. Нужная сумма будет списана со счета системой «KFID» после нашего ухода.

— Так, а почему ты пришла так рано? Я думала, что Мармелад сегодня поведет тебя куда-нибудь. Что произошло, он продинамил тебя? В Зимбабве снова нет бензина? Нет воды? Нет трапов у самолета?

— Лучше бы продинамил.

— Ох, дерьмо. Извини. Еще одна ссора?

— Аргх… я так устала говорить о собственных проблемах. Пошло оно все. Что мы здесь празднуем?

— Ну… могу я поделиться с тобой секретом? — спрашивает Кеке с озорством в глазах.

— Алло, — произносит Кирстен, — с кем еще ты можешь поделиться?

— Никому не рассказывай, даже Мармеладу.

Не впервой. Кирстен кивает.

— Я собираюсь написать об одной крупной истории. Очень крупной. Я бы хотела похвастаться, что провела недели кропотливой журналисткой работы, но, на самом деле, она свалилась на меня чуть ли не с неба. Все, что мне надо было сделать — проверить факты.

— Другими словами, всем твоим ДСП оставалось проверить факты.

— Ага.

— Эй? Кто тебе рассказал? Зачем кому-то просто передавать тебе историю? И почему именно тебе?

— Я не знаю. Боги еб*ного цирка, называющегося журналистикой, решили мне улыбнуться! Почему информаторы этим занимаются? Ради справедливости? Мести? Это пришло на мой «СкайБокс» без сообщения и без подписи. Просто изображение маленького зеленого кролика, которое исчезло, как только я нажала на него.

— Странно, — произносит Кирстен.

— Знаю. Но послушай вот что. Ты знаешь эту замедляющую-возраст супер-дорогую бьюти-салонную-клинику-пластической-хирургии в Саксонволде? «Табула Раса». Они были первыми СПА в Южной Африке, приобретшими «Ликсэир» — комнату с витаминизированным воздухом. Те, у которых не так давно были заголовки про их генную терапию «FOXO»? Те, у которых все белое? Как будто слепнешь, когда заходишь внутрь?

— Слышала о них, но никогда там не была. На мою зарплату фрилансера их услуги себе не позволишь.

— Повезло тебе. Весь этот белый цвет на самом деле скрывает много черного.

— Дай угадаю. Они подменяют своих клиентов из плоти и крови на «Квинботов» с гладкой кожей?

— Хуже, — отвечает Кекелетсо.

— Ха, — произносит Кирстен. — А что?

— Они покупают отбракованные эмбрионы из сомнительных гинекологических клиник, изымают у них стволовые клетки, а затем вкалывают их в лица своих клиентов.

Кирстен перестает улыбаться.

— Не может быть, — говорит она.

— Изначально я тоже подумала, что это не может быть правдой. Но отчет пришел от анонима, работающего на них. Он проник в систему и нашел подтверждение сотен транзакций. Изображения, видео, чего только нет.

— Это чудовищно! Ужасно! Лучше бы ты мне не рассказывала. Это не может быть правдой.

— Прости, — извиняется Кеке. — Мне нужно было с кем-то

поделиться. Я несколько дней думала об этом, пока ждала подтверждения.

— В каком мире мы живем? — спрашивает Кирстен.

— В том, где еще есть люди, которые хотят вывести таких ублюдков на чистую воду. Если бы нечто такое произошло пятьдесят лет назад, мы бы никогда в этом не разобрались. Спасибо тебе, интернет, помогающий нам — правдоискателям.

— За правдоискателей! — провозглашает Кирстен, поднимая свой напиток в тосте. — И еще раз ха-ха.

— Что?

— Тебе не кажется это забавным? Название? «Табула Раса» обозначает чистый лист, так ведь? Что-то вроде: «Приходите к нам старые и морщинистые, а уходите с лицом гладким, как чистый лист».

— И с промытыми мозгами, — добавляет Кеке.

— Только вот теперь это место будет называться «Черной клиникой».

— Поэтично!

— Ты права, это забавно. Ха-ха!

— Или было бы забавно, не будь все так печально.

— Верно, — Кеке хмурится. — Ты знаешь, как говорят.

— Скажи мне.

— Если ты не смеешься — ты плачешь.

— История моей жизни. Мои поздравления. Это большая гребаная история. Я прямо ощущаю на горизонте награду за отличную журналистскую работу. Ура!

— Хотела бы я оправдать эти лавры. Котенок… есть еще кое-что, — произносит Кеке с сомнением.

— Что такое?

— У меня есть информация. О тебе. И о твоих родителях.

Кеке облизывает губы, готовясь произнести следующую фразу.

— Тебе это не понравится.

***

Под густые звуки электро-хауса, Сет плавно приближается к пьяной женщине в кимоно на суперстеклянном танцполе. Проще танцевать, когда не смотришь вниз: с высоты пятисот этажей, как вертиго, от взгляда вниз ноги лишаются ритма. Обычно ему нравится смешанная толпа в «СкайБар», но сегодня он чувствует себя не в своей тарелке. Напитки на вкус не так хороши, женщины не такие привлекательные, как обычно. Слишком много народа. Чуть раньше он пробовал принять больше кокса, но в таком настроении, это пустая трата порошка. Обычно, он бы уже трахнул эту девушку в бассейне с растениями или в общей

ванной комнате, но сегодня ему это кажется не стоящим хлопот. От этой мысли ему становится совсем тошно. Он стареет? Работа в корпоративном окружении высасывает из него индивидуальность? Что дальше? Будет носить костюм с галстуком? Бейджик? Слуховой аппарат? Вступит в клуб «Фонтус D&D»? Заведет страницу на «Фейсбук»? Женится? Станет принимать «Виагру»? Он непроизвольно вздрогнул. Чем быстрее он закончит там работу и двинется дальше, тем лучше.

Он бросает попытки развлечься, оставляет свой напиток, сбрасывает с плеч кимоно и отправляется на пост охраны забрать свою куртку и пистолет. Маневрируя среди массы теплых тел, блокирующих ему путь, он приближается к бару. Продвигаясь вперед, мужчина ощущает вибрацию, его тело пронзает электрический ток. От удивления он встает, как вкопанный. Вокруг человеческое море — его касается так много людей — и он оглядывается вокруг, пытаясь выяснить, почувствовал ли это кто-либо еще. Но никто вокруг не показывает никаких признаков.

Какого хрена это было?

***

Кирстен складывается пополам, и Кеке хватает ее за руку.

— Ты в порядке?

— Боже, — шепчет она. — Какого хрена?

— Что?

— Я очень странно себя чувствую.

— Твоя синесте-фигня?

Медленно, девушка начинает выпрямляться, уперев руки в бедра.

— Гребаный ад. Я так не думаю. Больше похоже на разряд на электрическом стуле. Ты ничего не почувствовала?

Подруга качает головой.

— Должно быть, я к чему-то прикоснулась.

Она оглядывается в поисках того, что могло ударить ее током.

— Здесь очень многолюдно. Может это как-то связано с перегрузкой чувств.

Кеке, кажется, не верит.

— Боже мой, женщина, чем больше лет мы дружим, тем страннее ты становишься.

— Ничего. Я в порядке. Порази меня, — говорит она Кеке. — Я выдержу.

— Ты не была удочерена, — говорит Кеке.

— Что? — переспрашивает Кирстен, держа ладонь у уха.

— Тебя не удочерили! — выкрикивает Кеке.

— Бессмыслица какая-то.

— Я знаю, — говорит Кеке. — Но мой друг с привилегиями знает свое дело. Нет никаких записей, что родители тебя удочерили или что отправили на удочерение. Он самый лучший хакер из тех, что я знаю. Если Марко ничего не нашел, поверь мне — искать нечего.

Кирстен не знает, что сказать.

— Это было нелегко. Я сама искала информацию. Последний приют был закрыт в две тысячи шестнадцатом году, и информацию о нем найти сложно… там достаточно красной ленты, чтобы задушить всех бюрократов на планете. Такое ощущение, что раз сейчас усыновление больше не происходит, это стало закрытой главой в истории Южной Африки.

— Полагаю, в этом есть смысл. Теперь, когда младенцы — редкое явление, никто не хочет вспоминать о времени, когда сотни их росли в ужасных учреждениях.

— Еще одно наследие вируса иммунодефицита. Больше не будет сирот, больных СПИД.

— И кризиса бесплодия. Больше никаких детей, точка.

На лице Кирстен на мгновение отражается боль.

— Прости, я знаю, что для тебя это сложно.

— Нет. То есть, конечно, сложно, но по другим причинам. Так ты уверена? Никаких записей об удочерении?

— Если быть точнее, никаких записей о твоем рождении. Вообще.

Кирстен предполагала, что свидетельство о рождении было подделкой. Она рассмеялась.

— Ты хочешь сказать, что меня не существует? Я призрак? Неудивительно, что я ощущаю пустоту. Теперь все начинает обретать смысл!

— Не совсем призрак, но, определенно, твое происхождение стоит под большим вопросом. Нам просто нужно узнать, что произошло. Я имею в виду, если это то, что тебе нужно. Или ты можешь просто забыть отчет об аутопсии. Возвращайся к нормальной жизни. Вероятно, это будет разумно.

— Исключено. Кроме того, моя жизнь никогда не была обычной. Мне нужно узнать правду.

Кеке осушает остатки своего напитка.

— Я надеялась, что ты так скажешь.

***

Сет смотрит на голограмму часов на стене своей спальни уже, кажется, в сотый раз с тех пор, как лег в постель. Он размышляет о том, стоит ли ему принять таблетку снотворного или достаточно. Мужчина уже выпил две таблетки «Траникс», так что еще одна, вероятно, будет лишней, особенно, после всего, что он

выпил сегодня. До его ушей доносится рок-лирика.

— Сэнди, — произносит он комнате.

— Да, Сет, — мурлычет голос квартиры.

— Поставь песню «Slumber is For Corpses».

Через три барабанных удара в акустической системе сменяется песня.

Сет закрывает глаза, и какое-то время просто слушает. Затем тянется через кровать за снотворным и высыпает одну таблетку себе на ладонь. «Пох*й,» — думает он, и проглатывает таблетку, не запивая. Мужчина чувствует себя крайне недовольным своей жизнью. По шкале Качества жизни он оценивает ее на тридцать два из ста.

Едва зайдя домой, он сразу вошел в сеть «Альба», чтобы проверить есть ли новые сообщения, но зеленого кролика там не оказалось. Сет поискал чат-бота, разбирающегося в философии квантовых алгоритмов, но не смог отыскать достаточно интересного. Полчаса он смотрел ужасную ультра-реалити программу о подземных играх: «NinjaJitsu» и «Punch – Rugby», а затем пошел в постель. Он был один так долго, но все еще не мог привыкнуть к этому чувству. Такими ночами его жизнь представляется ему одной большой, пустой ямой. Он простое число, а простые числа всегда одиноки.

Даже анимационному графическому роману на его «Тайл» не удается заинтересовать мужчину. Сет просто ложится обратно и наблюдает, как переворачиваются красные цифры голограммы. Полночь. У него нет настроения даже подрочить.

***

Они покидают «СкайБар» около полуночи. Кирстен видит по глазам Кеке, что та собирается позвонить кому-нибудь из своих секс-контактов.

— Береги себя, — говорит Кеке, надевая шлем.

Она перебрасывает ногу через гладкий электробайк, опускает подножку и заводит мотор. Когда подруга с ревом стартует, Кирстен машет ей на прощание.

Стоя в монохромном прямоугольном помещении почти пустого, плохо освещенного нижнего этажа парковки, Кирстен ощущает себя взвинченной, дерзкой, сексуально возбужденной, и совсем не в настроении идти домой. Если бы она была одинока, она бы вернулась в бар, подцепила бы кого-нибудь и показала бы ему свои таланты.

Ей иногда не хватает острых ощущений от первого секса с незнакомцем: первого раздевания, первого соска во рту, рук, тянущих за волосы, а затем чувства пьянящего облегчения от первого заполняющего толчка, ощущения чужих губ на ее губах.

Это не имеет ничего общего с любовью или привязанностью. Просто думая об этом, Кирстен чувствует, как ее дыхание учащается, а нижняя часть ее тела пульсирует. Джеймс внимательный любовник, но его либидо гораздо слабее ее. Добавьте к этому тринадцать лет старомодной моногамии и такие ночи станут вечным соблазном. С алкоголем, гуляющим в крови, ей хочется принять одно из многочисленных предложений. В конце концов, если никто не узнает, никому не будет больно. Она никогда не изменяла Джеймсу, но в такие периоды, когда она зла на него, зла на мир, она чувствует сильное, мятежное безрассудство.

Мысль о том, чтобы познакомиться с кем-то в баре, кто ничего не знает о ее проблемах, соблазнительна. Она может притвориться другим человеком. Быть более легкомысленной: той, кто не так много думает. Придумать себе фальшивое имя, жить одной из тех параллельных жизней, которые наводняют ее подсознание, хоть и всего на несколько часов. Подбросить несколько желтых звезд адреналина в кровь. Заняться грязным сексом.

Но она этого не сделает, не сможет жить с виной на душе. Кирстен может и имеет дюжину недостатков, но она не изменщица. Проклятая с рождения честностью и верностью, она не так уж отличается от лабрадора, как частенько поговаривает Кеке.

Ни одни отношения не бывают гладкими. Она приказывает себе думать головой и сердцем, делая решительный шаг в направлении автобусной остановки.

Неподалеку человеческая фигура делает шаг к ней из-за машины, и Кирстен подскакивает.

Боже! Она шарит по карманам в поисках своего перцового баллончика.

Фигура медленно приближается. Не найдя непослушными пальцами перцовый баллончик, девушка решает сбежать. Однако нижний этаж парковки практически не освещен, исключая участок у выхода, а человек стоит между ним и светом. Кирстен прищуривается, прикрывает глаза, пытаясь разглядеть лицо незнакомца.

— Привет?

Она говорит громко, пытаясь выглядеть сильной и уверенной. Фигура замедляется, но продолжает свое движение к ней, скользя молча, но осторожно. И тут Кирстен понимает, что это тот человек, что следил за ней этой ночью. От испуга, девушку начинает лихорадить и она потеет.

— Не бойся, — произносит нетвердый женский голос.

— Чего вам надо? — на грани срыва выкрикивает Кирстен.

Она представляет себя, просыпающуюся завтра в ванне с грязным льдом, с неровными зелеными швами (Водорослевые Нити) там, где раньше были ее почки. Но такого рода вещи уже в прошлом. Теперь органы печатают на принтере.

— У меня для тебя кое-что есть.

Теперь Кирстен может различить ее лицо: скуластое и андрогинное, с подходящей стрижкой. Костлявая фигура скрывается в поношенной одежде: обтягивающие джинсы с высокой посадкой и спортивная кофта, покрытая собачьей шерстью. Никакой косметики не на ее пересохших губах, не на глазах, бегающих вокруг. Сжатые в кулаки руки.

— Держитесь от меня подальше! — кричит Кирстен. — Не приближайтесь!

— У меня для тебя кое-что есть, — снова повторяет женщина.

Боже правый. Что? Нож? Шприц? Прохладная тряпка с хлороформом?

— Я здесь не для того, чтобы навредить тебе, — говорит незнакомка, приближаясь в своих грязных кроссовках.

От нее пахнет сушеным инжиром и соусом барбекю. Вонь врезается Кирстен в нос — это огромная серая занавеска, готовящаяся ее задушить. У женщины на глазах засохшие следы ото сна. Кирстен испытывает отвращение и тошноту.

— Я здесь, чтобы предупредить тебя.

Ее глаза блестят из-под челки.

— Есть люди, которые хотят навредить нам.

— Нам?

— Тебе и мне, и другим четверым.

— Шести людям?

— Семи! Семи! Один уже мертв!

Вот черт.

— Он был первым в списке. Он спел песню. Человек музыки. Теперь он мертв. Мы опоздали. Теперь я предупреждаю тебя.

Кирстен пытается обойти женщину, но та блокирует ей путь.

— Я тоже не поверила, когда она сказала мне, — произносит она. — Но она сказала, что я должна найти тебя! Должна предупредить тебя. Должна передать тебе список.

Женщина берет ее за руку, и от ощущения ее липких пальцев Кирстен передергивает. Незнакомка вдавливает холодный предмет ей в руку и сжимает вокруг него пальцы Кирстен. Новая волна запаха соуса для барбекю обдает Кирстен, и она испытывает позыв к рвоте.

— Опасность реальна. Не ходи в полицию, они тоже в этом замешаны! Они пешки. Никому не рассказывай. Никому не

доверяй. Мы упадем, как костяшки домино, — произносит она, мягко прищелкнув пальцами. *Щелк, щелк, щелк.* — Костяшки домино.

Она щелкает семь раз.

— Никому не доверяй! Даже людям, которых любишь.

Сердце Кристин грохочет у нее в ушах, часы предупреждают о резком скачке кровяного давления. Женщина поворачивается и уходит прочь. Через несколько шагов, она поворачивается и шепчет:

— Будь осторожна, Кейт.

— Меня зовут Кирстен!

— Да, — произносит женщина. — Твоя Кирстен, моя Бетти, Кейт. Бетти — Барбара. Кирстен — Кейт.

Кирстен опускает взгляд вниз, разжимает руку и видит маленький серебристый ключ.

***

— Слава Господу! — выдыхает Кирстен, когда замечает Джеймса.

Напуганная сумасшедшей женщиной на парковке, она позвонила ему и попросила забрать. Девушка ожидает его в ярком круглосуточном чайном магазинчике за углом от бара. Она встает слишком быстро, чтобы обнять мужчину, и сшибает свою чашку и блюдце на пол, где они сначала идут трещинами, а затем разбиваются на осколки, как в замедленной съемке. Они неуклюже пытаются собрать осколки.

— Мне жаль, — говорит он, сидя на корточках и не отрывая взгляда от пола.

— Мне тоже, — отвечает она. — Ну, мне жаль, что мы поссорились.

— Да, — произносит он.

Она слишком взволнована, чтобы воспользоваться общественным транспортом, так что они идут домой пешком. Они часто спотыкаются на тротуаре, но это небольшая цена. По дороге Кирстен рассказывает ему о последней находке Кеке и про отсутствие записей о ее рождении.

— Это невозможно, — поражается Джеймс. — Должны быть. Просто потому что она не может найти доказательства… Послушай, я забрал за тебя твои таблетки.

Он вытаскивает пластиковый пузырек с маленькими желтыми таблетками (Цедра Лимона) из своей сумки и передает его ей. После того, как она отправила ему предписание из офиса «Инвитро», она об этом забыла.

— Спасибо.

Он останавливает ее, беря под локоть.

— Котенок, ты в порядке?

— Эта… эта глупая женщина на парковке напугала меня, — отвечает она, как-то по-детски, беззащитно.

— Таких чокнутых следует изолировать, — произносит Джеймс, его голос окрашивает гнев. — Чтобы они… чтобы они не шлялись вокруг… и не пугали людей. Мы должны сообщить о ней.

Кирстен знает, что ей не стоит говорить ему о серебряном ключе, но он прожигает ей карман, ее мозг. Они пересекают мост, когда Кирстен достает ключ и показывает ему.

— Я знаю, что должна была избавиться от него, — говорит она, — но что-то внутри меня говорит, что мне стоит его оставить. Я имею в виду, я хочу избавиться от него…

Она чувствует себя глупо.

— Я не знаю.

— Я знаю, — говорит Джеймс.

Он выхватывает из ее руки ключ и выбрасывает его с моста. Он поблескивает на фоне темного неба, а затем теряется навеки. Приземляется без звука: в секундах, метрах, этажах от нее. Поглощенный ночью. Кирстен испытывает шок от своей пустой бледной как луна руки.

— Это к лучшему, — говорит Джеймс и шагает прочь.

Запись в дневнике

Вествилль, 10 декабря 1987 года

В новостях: *«Во время рейда в трущобы в районе Порт Элизабет, полиция встретила серьезное сопротивление со стороны местных жителей. Органы правопорядка патрулируют трущобы на бронетранспортере «Касспир». Убиты четверо. Ирландию потряс теракт на День поминовения в Эннискиллене».*

Что я слушаю: *Джордж Майкл «Faith».*

Что я читаю: *«Калейдоскоп» Даниэлы Стил. Мне нужно было что-то легкое, потому что единственное время, когда я могу почитать, во время кормления грудью! История о трех сестрах, которых разделила судьба. Я надеюсь, они воссоединятся.*

Что я смотрю: *«Трое мужчин и младенец». Том Селлек красив и забавен.*

Жизнь продолжает удивлять меня. После восемнадцатичасовых родов (ранних родов и очень длинных) в восемь сорок пять с весом два килограмма шестьсот грамм родился Сэм Чапман. Десятью минутами спустя — сюрприз! — с весом два килограмма двести грамм родилась маленькая девочка. Мы назвали ее Кейт.

Мы были в полнейшем шоке. Хотя мой живот и был огромным и все в торговом центре постоянно спрашивали двойня ли у меня… Так что могли бы догадаться. П. один раз покинул госпиталь, когда я уснула, чтобы принести «предметы первой необходимости». У нас ушло несколько месяцев, чтобы привести в порядок детскую, и вот ее нужно было подготовить для двух младенцев за день!

Сэм умолк быстро, но Кейт, видимо, была слишком голодна. Она просто кричала! Так что П. дал ей бутылочку, чтобы стабилизировать уровень сахара в ее крови. Они такие крошечные: медсестры держат их в термостатах, выглядящих, как контейнеры. Розовые животики и крошечные пальчики, которые хочется целовать. Я измотана и у меня все болит: все, чего я хочу — держать своих деток и спать. Я очень устала, но испытываю облегчение, что с нами всеми все хорошо.

Глава 9
Блестящая и вспотевшая

Йоханнесбург, 2021

Сет медленно входит в желтую комнату, в которой расположены принтеры.

— Ой! Привет, Фиона.

Он улыбается женщине с вьющимися волосами и изображает удивление, будто не был в курсе того, что Фиона тут. Девушка же краснеет от того, что он знает ее имя. Сет как бы невзначай задевает ее, когда проходит мимо.

— Привет.

Фиона улыбается и подносит свой медальон к губам, согревая серебро своим дыханием. Они оба несколько секунд наблюдают за принтером, будто бы желая, чтобы он печатал быстрее. Девушка неосознанно покачивается на своих высоких каблуках, словно разогревается для гонки.

— Наш принтер на ремонте, — произносит Сет. — Он древний: все еще использует чернила. Вот почему я зашел к Желтым.

— Оки-доки, — отвечает она.

— Однако, не все так плохо, — произносит он. — Ведь я увиделся с тобой.

Она хохочет. Отсмеявшись, Фиона кладет руку на бедро и говорит:

— Это не сработает, знаешь ли. Я понимаю, что ты пытаешься сделать.

Из-за краски, прилившей к ее щекам, веснушки становятся невидимыми.

— В самом деле? — интересуется Сет. — И что же?

— Пытаешься выведать секреты Желтых.

Он придвигается к ней ближе.

— Ах, так у вас есть секреты?

— Есть, — отвечает она. — И мы собираемся победить в этом квартале.

Ее огромные груди вздымаются и опадают под некрасивой блузкой с огуречным узором.

— У вас нет шансов, — говорит он, потирая руки. — Красные настолько впереди, что Желтым уже не догнать.

— Но вы ошибетесь, — произносит она с насмешливой серьезностью. — Мы просто ждем. У нас запланировано нечто крупное. Будут проданы тысячи упаковок.

— Хорошо бы, — говорит Сет.

Принтер перестает печатать, знаменуя конец разговора.

Девушка собирает распечатанные листы формата А4 и прижимает их к груди. Она делает вид, что у нее в руках чрезвычайно секретные бумаги, но Сет знает, что это просто ее последние снимки из отпуска на Бали.

— Ты идешь на тимбилдинг в пятницу? — интересуется она. — Я слышала, что мы собираемся отправиться на поиски сокровищ в 4D лабиринте.

«Я скорее воткну себе вилку в глаз».

— Конечно, — отвечает он. — Ну, если ты пойдешь.

— Да! Да, я пойду.

— Тогда я буду там, — обещает Сет.

— Супер!

— Супер.

Он улыбается и подмигивает.

Мужчина поворачивается лицом к принтеру и активирует печать со своего «Тайл». Принтер жужжит и начинает выплевывать страницы. Фиона по-королевски машет ему на прощание и уходит. Он ждет несколько секунд, читая идиотские плакаты на стене, а затем идет обратно в свой офис, оставляя пустые страницы в лотке принтера.

***

Бетти проверяет дверные замки в пятый раз. Они заперты, но повторяя эту процедуру, она чувствует себя в большей безопасности. Ей приходится делать много вещей, чтобы почувствовать себя комфортнее.

Она сидит перед темным экраном телевизора, и понимает, что пульт не работает. Бетти слегка трясет его и пытается включить его снова. Затем открывает заднюю крышку и проверяет на месте ли батарейки. Вытаскивает их, вставляет обратно. Экран все равно пуст. Бетти встает, чтобы проверить провод, и видит, что он не воткнут в розетку. Женщина берет штепсель и тянет его к стене, но останавливается, когда читает оранжевую наклейку на розетке: «Не смотри телевизор». Записка написана ее почерком.

Да, телевидение не приносит ничего хорошего. Ей и вправду стоит избавиться от него, но аппарат был дорогим, а Бетти испытывает отвращение к пустым тратам. Из-за голосов она не может больше смотреть телевизор. Они говорят ей, что нужно делать. Звезды мыльных опер, ведущие ток-шоу, дикторы новостей. Голоса сообщают ей, что какие-то ублюдки пытаются ее убить, взорвать здание, в котором она находится, уничтожить страну. Они вынуждают ее писать людям письма, говорить им, что они в опасности. Политикам, местным знаменитостям, в авиакомпании.

Полиция уже была здесь. Они были весьма разгневаны, пока она не показала им бумагу от врача, которую хранит в своем лифчике. Бумага уже сильно истерлась. Теперь голоса говорят с ней напрямую.

«Барбара, — они недавно принялись называть ее Барбарой. — *Следующий автобус, на котором ты поедешь, будет заминирован, и тротил будет подписан твоим именем».* Тогда она перестала ездить на автобусах. Общественному такси и частным извозчикам

также не стоило доверять. Они могли отвезти тебя куда угодно, и больше никто тебя не найдет.

Исчезнуть. Она щелкает пальцами. Все так просто. *Щелк, щелк.* Женщина стала ходить пешком, затем бегать. Бетти добирается до работы потной и с блестящим от влаги лицом. Из-за бега она теряет много веса. Также возникли проблемы с едой. Она не может бегать с продуктами, так что ей приходится закупаться ежедневно. Но это мучительное для нее занятие: слишком много людей вокруг. Психолог советует ей делать покупки онлайн. Все так делают. Но это значит назвать незнакомцам ее адрес и время, когда она будет дома. Даже, если люди, работающие в магазине, безобидны, информацию можно перехватить.

К сожалению, проблема не только с закупкой, но и с продуктами в целом. Дверца холодильника выглядит подозрительной, будто кто-то другой открывал ее. Злоумышленник. Она пытается понять, какую еду они отравили, но никогда не может остановиться на чем-то одном. Как только йогурт с белой клубникой оказывается в мусорной корзине, подозрительным начинает выглядеть чеддер, а затем папайя, черный хлеб, арахисовое масло, фета. Дорогие, выглядящие безвредными, яйца, вегетарианские хот-доги, ачар из зеленого манго, оставшееся басмати. Все это отбраковывается и завязывается в черный пластиковый пакет. Процесс выбрасывания продуктов причиняет женщине боль. Она ненавидит оладьи, но готовит их раз в неделю.

Иногда она проверяет шкафы: не только открытые продукты в холодильнике кажутся потенциально опасными. Когда к ней в голову приходят мысли, названия, она тут же избавляется от всего, что с этим связано. На прошлой неделе это был «Бильхен» — ей в голову пришли картинки, на которых фабричные роботы загрязняют обработанную пищу, запечатывая ее в аккуратные маленькие упаковки, готовые к употреблению. Как будто кто-то кричит ей: «Бильхен! Бильхен!». Как приступ паники, связанный с брендом. После ей приходится проверять каждый ящик и пакет в шкафу, чтобы выкинуть все с логотипом «Бильхен». Не так много всего остается.

Женщина выбирает одинокую банку с нутом, рассматривает этикетку и открывает старой открывалкой. Она протирает вилку краем своей спортивной кофты и ест прямо из банки. Консервы относительно безопасны. Бетти тянется за кошерной солью, но прежде чем успевает взять щепотку, замечает, что упаковка уже вскрыта. Она тут же начинает думать о мышьяке, цианиде, разбрызганном смертельном вирусе. Так и не воспользовавшись

приправой, она ставит банку на место. Дважды моет руки и прыскает на них дезинфицирующим средством.

Забрав банку с нутом с собой, Бетти обходит квартиру, проверяя все окна. По пути она еще раз проверяет замки, пересчитывая их. В процессе обхода она слышит какой-то посторонний шум. Царапание, шуршание. Кто-то пытается войти внутрь? Входная дверь заперта? Ледяной пот стекает по спине.

У ее ног раздается визг, и Бетти подпрыгивает от испуга. Ее бигль отбегает от нее с болью в глазах.

— Ох, прости, — говорит она, идя к собаке, чтобы обнять ее и пожалеть. — Мне так жаль, моя девочка. Хорошая девочка, хорошая девочка. Слова успокаивают ее.

Иногда, если она говорит достаточно громко, то может заглушить голоса. Но не на публике. Она не должна разговаривать сама с собой на людях. Ей больше не нравится находиться большом скоплении людей. Иногда ей приходится показывать людям справку: ей это тоже не нравится, не нравится их взгляд.

Присев на корточки, она кормит собаку нутом и начинает отсчет снова.

С обратной стороны двери напевают. Крупный мужчина в комбинезоне полирует коридорный паркет.

Запись в дневнике
Вествилль, 12 декабря 1987 года

В новостях: *«Группа офицеров полиции была обстреляна из движущейся машины борцами за свободу в Соуэто. Два офицера полиции убиты, четверо ранены. В Мельбурне, Австралия, пытаются понять причину резни на Квин-стрит: почему двадцатидвухлетний Фрэнк Виткович убил восемь человек в здании почты, а затем спрыгнул с одиннадцатого этажа. «Microsoft» выпустили «Windows 2.0»».*

Что я слушаю: *U2 — «Where the Streets have no Name».*

Что я читаю: *«Томминокеры» Стивена Кинга.*

Что я смотрю: *«Цветы на чердаке». Я читала эту книгу раньше, но теперь, когда у нас есть дети, мы считаем ее слишком страшной. П. придется выключать свет!*

На этой неделе мы привезли близнецов домой. Им требуется много внимания, но бывает и наоборот. Когда они оба спят, мы с П. просто сидим в гостиной и думаем, чем заняться. В иной раз, они плачут одновременно, и мы хватаемся за голову. У П. есть пара красных берушей (которые он надевает, когда сверлит), которые очень пригождаются во время купания!

Я чувствую к ним такую привязанность, что мне хочется быть с ними все время. Когда мы укладываем их на ночь, я с трудом покидаю детскую. Правда, как только я выхожу, я испытываю облегчение от того, что у меня есть время для себя, но сразу же начинаю по ним скучать. Временами, когда я не с детьми, я ловлю себя на том, что рассматриваю их фотографии. Безумие!

Мы полностью находимся в режиме выживания: спим, когда можем, принимаем душ, если можем, заказываем еду на вынос, когда у нас заканчивается лапша быстрого приготовления. Я чувствую себя настолько поглощенной кормлением и заботой о детях, что едва воспринимаю свое существование. Или, по крайней мере, та, кем я была раньше, едва существует. Я живу на автопилоте. Молочный автомат. С П. мы просто корабли, проходящие мимо ночью.

По ночам мы забираем малышей в нашу спальню, чтобы мне не приходилось вставать и кормить их каждые два часа. Когда они плачут, я просто тянусь к ним и переношу их к нам в кровать, свернувшись калачиком, пока они едят. Я чувствую сильную потребность защищать их. Мать-тигрица.

Скоро наступит Рождество! Я думаю, это будет самое счастливое Рождество.

Глава 10

Стая, смак

Йоханнесбург, 2021

Акула с зазубренными зубами плывет прямо на нее. Ее слабые глаза, скорее всего, ничего не различают в воде цвета пасмурного неба. Пилообразные зубы торчат во все стороны, будто она давно бросила охоту. Пульс ускоряется, когда акула приближается, пальцы покоятся на затворе. Рыба плывет быстро и без малейших усилий. Вода мутнее, чем она надеялась. Кирстен начинает щелкать снимки. Как раз перед тем, как акула настигает ее — будучи на расстоянии вытянутой руки — она поворачивает, чтобы избежать закаленного стекла резервуара. Супер прочное стекло.

Она делает несколько снимков акулы в профиль: огромного тела из мышц и хрящей, завернутого в черную наждачную бумагу. Ее донимает пульсирующая головная боль, она перелистывает миниатюры снимков на экране камеры, удостоверяясь, что у нее достаточно снимков в четком фокусе.

Добиться нужного освещения сложно, потому что она не может использовать вспышку: она будет отражаться от стекла. Она делает снимки с помощью «MultiFocus 3D», чтобы получить более драматичные снимки надвигающейся акулы. Снимки,

определенно, драматичны, но фотосъемка в «MF3D» всегда вызывает у нее головную боль.

Девушка ненадолго присаживается, наблюдая за бликами водного мерцания на своих руках. Давление в голове заставляет чувствовать себя так, будто стекло в силиконовой оправе вот-вот не выдержит и снесет все на пути волной из экзотических рыб, угрей и душащих водорослей.

Кирстен делает большой глоток «СиннаКолы» из баночки, которую вручает ей ее ассистент. Она провела здесь целую вечность и все еще не уверена, что получила отличный снимок. Она включает свой «Тайл» и просматривает фотографии в пиксельном виде в высоком разрешении. Сделанные ею фотографии морского конька-тряпичника, тремоктопусы и морской осы фантастические. Тремоктопуса выглядит под водой, как шелковый шарф: развевающаяся темно-бордовая накидка. Она может любоваться этим снимком часами.

Морская оса почти невидима: дым, пойманный в пузырь под водой, с элегантными серебристыми щупальцами и достаточным количеством смертельного яда, чтобы убить шестьдесят человек. Если вас в море ужалит такая медуза, гласит цифровая проекция на стекле, то вызовет такую сильную боль и шок, что вы не доберетесь до берега. Группа медуз называется стаей или смаком. Такая грациозность движений гипнотизирует. Девушка мысленно делает в уме пометку создать в будущем проект по медузам.

Ее ассистент предлагает ей глазированный пончик, но она впервые отказывается. Она неважно себя чувствует. У нее немного кружится голова, и ее подташнивает. Это утро выдалось долгим, а ей все еще нужно фотографировать модель. У Кирстен побаливают глаза, она с трудом пытается сконцентрироваться на снимках, так что она закрывает окно и какое-то время рассматривает океанариум.

Внутри царит приятная прохлада и тишина: даже дети переговариваются здесь шепотом. Кобальтовое свечение рябью расходится по полу и по посетителям, отчего все кажутся спокойными. У места четкий вкус: льда и свежей мяты с намеком на цитрус.

Кто бы мог подумать, что в Джози заработает океанариум? Это было сумасбродной идеей какой-то бисексуальной девчонки, у которой больше инвесторов, чем здравого смысла. Многие обстоятельства складываются против проекта: нехватка воды, протестующие хиппи, защитники рыб, транспортные издержки. Можете ли вы представить себе операцию по перевозке акул, дельфинов и других, находящихся под угрозой исчезновения рыб, из сонного прибрежного города в Йоханнесбург? Это было

шуткой. Только вот уже больше не шутка, теперь это акваскейп: бешеный поток денег, настоящий горшок с жидким золотом. Она оглядывает подсвеченные лица детей и их родительских пар, и ощущает укол боли. В страдающей засухой Южной Африке видеть такое количество воды кажется чем-то волшебным. Она всегда любила воду — реки, водопады, океаны, и любила плавать. Она часто задается вопросом, почему живет так далеко от побережья. Возможно, однажды, они смогут уехать на пенсии в Кейп Республику.

Когда она была подростком, прочитала статью в «Нью-Йорк Таймс» о «самом одиноком ките в мире». О животном, которое выглядело как кит, но его зов был слегка другим, что значило, что хоть кит звал и звал, другие киты не могли его слышать.

Люди, которые слышали кита, назвали его «52 Герца». Его голос находился в низком звуковом диапазоне, лишь чуть выше, чем нижняя нота на тубе, а со временем стал еще ниже. Он продолжал плавать, продолжал звать, но весь океан был темным, холодным и глухим к нему.

«Это я, — подумала тогда Кирстен. — *Китовая версия меня».*

Ее новостная лента мигает, показывая, что есть свежая новость. Девушка нажимает на нее, и ее перебрасывает на шестую страницу «Эко-новостей», местной онлайн-газеты, для которой она выполняет случайные работы. Это сатирическая карикатура на политика АНК, которого уличили во владении тайным бассейном. Он стоит в суде, робко улыбаясь, одетый только в мокрые серые трусы с желтым надувным кругом в форме утки вокруг талии. У прокурора на шее свисток, а судья сидит на кресле спасателя, которые раньше были в общественных бассейнах. Кирстен передвигает курсор, чтобы закрыть окно, когда замечает заголовок, привлекающий ее внимание.

ЖЕНЩИНА ОБНАРУЖЕНА УБИТОЙ В КВАРТИРЕ.

Это всегда было тайным страхом Кирстен: умереть старой и одинокой, поскользнувшись в душе или случайно поджарить себя током или задохнуться, подавившись вафлями из тостера, чтобы тебя обнаружил только недели спустя мужчина, борющийся в здании с грызунами. Она сканирует глазами статью, чтобы узнать насколько старой была эта женщина и, как именно она «загремела в ящик», чтобы самой любой ценой избежать подобной участи.

Но оказалось, что женщина была ровесницей Кирстен, подозревают суицид.

«Тело Бетти Вейл, — гласит статья, — *было обнаружено вчера*

ее психиатром, который забеспокоился, когда мисс Вейл пропустила несколько сеансов. Ее нашли на кухне, где она умерла, очевидно, надышавшись угарным газом. Мисс Вейл была психически нездорова, одним из ее заболеваний была параноидальная шизофрения». Далее следует еще немного личной истории женщины, а затем обычный призыв обратиться за помощью, если она вам требуется. Судебные процессы теперь стали щепетильны, когда самоубийства совершаются все чаще. На небольшой черно-белой фотографии изображена смеющаяся молодая женщина с длинными темными волосами, очевидно, до того, как болезнь взяла над ней вверх. Что-то заставляет Кирстен приглядеться. Она перечитывает статью снова. Бетти. Не может быть.

Не сумасшедшая женщина с парковки. Ей должно быть было лет сорок, по меньшей мере, и она выглядела не так, как на фотографии. Кирстен кладет пальцы поверх длинных волос женщины, прикидывая, как на ней будет выглядеть каре с челкой.

«Твоя Кирстен — моя Бетти».

— Гребаный ад, — ругается Кирстен, делая быстрый вызов Кеке.

— Я занята, — отвечает Кеке, на заднем фоне слышится шум.

— Где ты?

— На Гладиаторской Арене в Риме, ну, в фальшивом Риме. «Роман Растенбург». Пыльно, как в аду, но тут есть красивая задница в костюме гладиатора. Кожа вся такая загорелая и прочее. Убыточный Парк Развлечений превратился в съемочную площадку для второй части трилогии «Максимуса Безумного».

— Веселенькая у тебя жизнь, — говорит Кирстен.

— Что такое? — спрашивает Кеке.

— Та сумасшедшая женщина, о которой я тебе рассказывала, та, что преследовала меня на нижнем этаже парковки прошлой ночью?

— Ну, и?

— Про нее сегодня пишут в газетах.

— Ее арестовали? Отправили в психлечебницу? Избрали министром?

— Она мертва.

— Кто написал статью?

— Что?

— Какой журналист написал статью? Это было в «Эко»?

Кирстен крутит ленту и находит имя журналиста.

— Да, в «Эко». Мпуми Дладла.

— Ха! Тот еще писака. Вероятно, он даже не проводил расследования. Скорее всего, просто «поднял» полицейский отчет.

— У тебя есть его номер?

— Конечно же, есть.

***

Стоны Фионы, хоть и приглушенные, становятся громче. Сет закрывает ей рот ладонью, размазывая ее помаду и прижимая ее голову к серой с красноватым отливом металлической дверце шкафчика в комнате с канцелярскими принадлежностями, отчего она стонет еще громче. Все началось довольно невинно, или она так думала. Она пришла туда, чтобы взять несколько новых ручек, бумагу для принтера и стикеры для своего стола. Должно быть, она мечтала об этом всю неделю: Фиона Боутс имеет почти что нездоровую тягу к канцелярским принадлежностям. Это было так старомодно, даже романтично, использовать настоящие ручки на настоящей бумаге.

Она инспектировала разные виды желтых ручек, представленных на выбор, когда Сет вошел внутрь и запер дверь, напугав ее. Он использовал ее временную растерянность, чтобы пойти в наступление. Не сказав друг другу и слова, он положил руку ей на затылок и медленно ее поцеловал, несколько раз удостоверяясь, что она хочет большего. Поцелуй стал глубже, она втянула в себя живот, когда его рука скользнула по ее гладкой розовой рубашке, по ее пышным грудям. Сет использовал верное количество поддразнивания и верное количество давления. Он толкнул ее к закрытой дверце шкафчика, зажав ее тело между своим жаром и прохладой металла. Не разрывая поцелуя, он повел руку ниже, приподнял ее юбку из твида длиной до колен и погладил ее через трусики. Поначалу медленно, неспешными кругами, а затем быстрее и сильнее, пока не почувствовал, что она стала влажной. Ее руки, цепляющиеся за дверцу позади нее, стали деревянными: она перестала стонать, затаила дыхание, все ее тело напряглось, а затем ее настиг оргазм. Он поддержал ее, когда у нее ослабли колени, она вся как будто ослабела, а на ее глазах выступили слезы.

У Фионы Боутс было не так много оргазмов в жизни, а те, что были, были не очень-то яркими. Ее подруги говорили ей, что девушка должна начать удовлетворять себя сама, прежде чем сможет показать мужчине, как сделать это за нее, но ей не нравилось об этом думать. Это казалось чем-то пошлым. Кроме того, она верит, что мужчина должен интуитивно знать, как ее удовлетворить: так как она, определенно, не знает. Фиона никогда и не представляла, что оргазм может быть таким. Да еще так быстро наступить! Когда она полностью одета! Она в шоке. Одурманена. Что удивляет ее больше всего, так это то, что она расстегивает ему ремень. Этому роскошному, высокому мужчине, в канцелярской комнате, с ней! Она не смогла бы придумать

лучшую фантазию при всем желании.

***

Кирстен ощущает легкую боль в животе. «*Может быть, это овуляция*». Она проверяет «OvO» приложение на часах: 36 часов до начала, говорится там. По крайней мере, у нее будет секс на этой неделе. Она едет на лифте до второго этажа в пастельно зеленом здании в стиле арт-деко (Фисташковое Мороженое), где журналисты, редакторы, корректоры и макетчики носятся туда-сюда в офисе открытой планировки «Эко-новостей», как рой дронов.

Они переехали в это здание в центре города, когда их первоначальный офис в Чайнатауне в Сэндтоне взорвала несколько лет назад группа христианских экстремистов, называющих себя «Воскресителями». Ранее ославившиеся своей миссией запретить «Сеть», группировка с тех пор принялась терроризировать всех, кто «неуважительно относился к Иисусу». Газета опубликовала колонку дерзкого, пресытившегося жизнью журналиста, в которой он раскритиковал каждую религию по очереди, и из которой можно было экстраполировать, что он считал истово верующих слегка туповатыми. Строка о том, что восставший-из-мертвых Иисус был зомби, которого хочется обнять, в особенности разъярила группировку, и на следующий день — пуф-ф-ф! — здание «Эко-новостей» оказалось разрушено до основания. Господь поразил дерзких журналистов. Никто не пострадал (как по-христиански с их стороны), и так как «Эко» не выпускает газету на бумажном носителе, процесс работы не был нарушен, сотрудники выполняли задачи удаленно из собственных гостиных и с теннисных кортов, пока не подготовили новый выпуск.

«Воскресители» недавно принялись угрожать врачам, занимающимися лечением бесплодия, «СурроСестрам», и взрывали клиники, в которых они работали. Они называют лечение бесплодия «происками дьявола», суррогатных матерей — «СурроШлюхами», а полученные в пробирке эмбрионы (как прозаично по мнению Кирстен) — «семенем дьявола». Они опубликовали статью на «FreeSpeech.za», отражающую их образ мыслей, напичкав ее архаичными библейскими изречениями. Кирстен пыталась прочитать это, ради забавы, но от такого количества восклицательных знаков у нее заболели глаза.

Бросание зажигательных бомб в здание «Эко-новостей» это одно дело, но общественный резонанс последовал из-за их неуважительного отношения к «СурроСестрам». Без профессиональных суррогатных матерей, уровень рождаемости в Южной Африке был бы ниже уровня смертности. Одиноким

фертильным женщинам, которые вызвались добровольцами, чтобы помочь бесплодным парам, предоставляются привилегии почти во всех сферах жизни: бесплатное жилье, поездки, медицинское лечение. У каждой «СурроСестры» есть свой телохранитель и своя собственная машина. Они одеваются в модных домах, ювелиры одалживают им бриллианты, бренды из кожи вон лезут, чтобы засунуть им в руки свои продукты. Они носят значки «СС» на публике, чтобы их легко можно было увидеть и выразить подобающее уважение: противоположность алой букве «А».

Когда Кирстен достигает вершины эскалатора в офисе «Эко», никто не обращает на нее никакого внимания, так что она подходит к ближайшему столу и спрашивает, где она может найти Мпуми. Ее направляют к заваленному столу, где она оглядывается в поисках знакомых лиц, но никого не узнает. Мпуми разговаривает по телефону, одновременно печатая, так что она улыбается ему и жестом показывает, что подождет. Очевидно, это личный разговор, потому что он быстро завершает разговор и называет человека на другом конце линии «рылом».

— Привет, — смело начинает она, но он поднимает палец вверх с призывом помолчать, а другой рукой заканчивает печатать предложение.

Он перечитывает то, что напечатал, делает поправку, делает еще одну поправку, а затем ударяет по клавише сохранения.

Он поднимает на нее взгляд и моргает, как будто, чтобы освободить голову после предыдущего разговора. Мпуми крайне ухожен и одевается в стиле Софтаун шик пятидесятых годов. Ретросексуально. Кирстен бросает ему экстра большой двойной капучино, по опыту полагая, что это будет не лишним в новом офисе. Он морщит нос.

— Мило с вашей стороны, дорогуша, но я не употребляю кофеин. Как и сахар… и натуральное молоко.

Кирстен меняет его кофе на свой. Он возится со своей бабочкой.

— В два раза меньше кофеина, с добавлением стевии, соевое молоко.

Он принимает у нее стаканчик, снимает пластиковую крышечку и делает небольшой глоток.

— Так вы ангел. Я так и подумал, когда вы вошли. Вся такая огненноволосая, сексуальная и все такое, в ореоле света. Вы здесь для интервью «Феминаци»?

— Нет, — отвечает она. — Я займу всего пять минут.

— Что я могу для вас сделать?

Кирстен садится на старый потрепанный офисный стул,

придвигает его ближе.

— Насчет вашей статьи в сегодняшней новостной ленте…

— Обезьяны, которую научили разговаривать? Мои источники клянутся, что это правда.

— Нет, женщины. Женщины, совершившей суицид.

— А, — произносит он, — вы родственница? Мы не смогли найти родственников, копы тоже не смогли, так что мы взяли на себя смелость и дали ей имя. Не было ни друга, никого, кого можно было спросить. Если вы…

— Нет, — вмешивается Кирстен, — у меня есть лишь один вопрос, вопрос о том, как она умерла.

— Никаких сомнений в самоубийстве, девчуля.

— Вы уверены?

— Никаких следов взлома. В действительности, окна и двери были заперты изнутри. Суперинтенданту пришлось входить, разбив окно, у леди было что-то около десяти замков на входной двери.

Он фыркает.

— Ну, это иронично. Запереться от злодеев снаружи, чтобы засунуть голову в духовку.

— Когда вы думаете, она умерла?

Журналист опускает взгляд на кипы бумаг, разбросанных по столу, и через несколько секунд, находит голубой документ.

— Это упорядоченный беспорядок.

Мужчина улыбается ей, жестом показывая на хаос на столе.

— Только так я могу все найти.

Кеке права: это копия полицейского отчета.

Он пролистывает несколько страниц и останавливается, показывая на что-то, что Кирстен не видит.

— Предположительное время смерти вечер предыдущего дня.

— Но как они нашли ее так быстро?

— Она не появлялась на приемах у своего психиатра, не отвечала на ее звонки. Похоже, она не покидала квартиру всю неделю.

— Есть еще что-нибудь?

Зазвонил его телефон, но он перевел его на беззвучный режим.

— Не так уж много. Самоубийства стали почти эпидемией. Сука шизанулась и наложила на себя руки. Такое происходит каждый день в этом сумасшедшем городе. Поверьте мне, я видел вещи и похуже. Намного хуже. На самом деле, я помню, что подумал, какая она сознательная, что так чистенько умерла.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, знаете, она бы просто могла выпрыгнуть из окна,

перерезать запястья, приставить пистолет к голове. Вы хоть представляете, как отмывать такое?

Изображения ее родителей, напоминавших восковых кукол, всплыли перед ее глазами. Темно-красные дыры, рыдания.

— Никогда не думала об этом в этом ключе.

— Ну да, в основном суицидники — эгоистичные ублюдки. Мы называем их жертвами суицида, но, ха! Едва ли. Мужчины хуже, всегда разводят самый беспорядок. Свиньи. Кажется, им нравится драматически оставлять после себя кровь и ошметки. Оставить свою метку, как собака, писающая на дерево. Женщины более сознательны. Обычно они делают это с большим изяществом: таблетки, удушение, утопление.

— Но она жертва, — говорит Кирстен. — То есть, она была нездорова… она ничего не могла с этим поделать.

Он поджимает губы, выражая несогласие. Его телефон начинает звонить снова.

— Я могу помочь вам еще с чем-нибудь? У меня дедлайн в шесть часов вечера, а я еще не проверил факты.

Она встает, чтобы уйти, выбрасывая в мусорную корзину свой стаканчик от кофе. Кофеин притупляет ее синестезию, так что у нее возникает ощущение, что она движется в монохроме. Она все еще не верит, что обычные люди видят мир таким. Скучным.

— Не было ничего странного? Ничего, что вы подумали, могло быть странным?

Журналист почесывает голову кончиком карандаша. Качает головой, но затем замирает, прищурив глаза.

— Было кое-что… я хотел написать об этом в статье, но Эд сказал, что это лишнее. Он не хотел, чтобы все выглядело так, будто мы насмехаемся над леди.

— Что это было?

— Кое-что, что сказала копам мозгоправ. Я не опрашивал ее лично, но она сказала, что женщина страдала бесконтрольными параноидальными маниями. Она слышала, разговаривающие с ней голоса, которые говорили ей совершать разное дерьмо. Также у нее была идея фикс, что в нее вживили микрочип, я не знаю, пришельцы, иллюминаты или еще кто. У нее в задней части шеи была шишка, сколько она себя помнит, и женщина начала верить, что это отслеживающий чип. Думала, что кто-то следит за ней. Может быть, она посмотрела слишком много фильмов девяностых. Но это круто, знаете ли, поэтому я хотел написать об этом в статье. Я хочу сказать, что редакция сказала, что будет хорошо получить больше читателей, но мне пришлось утаить самую любопытную деталь. Эд временами бывает таким ублюдком.

— Так вы, в самом деле, хотите сказать, что у нее были «не все дома», и она и правда убила себя.

— Да, мэм. О, и еще кое-что…

Нахальное дерьмо называет ее «мэм», будто ей в два раза больше своих лет.

— Да?

— Там были собачьи миски… и собачья шерсть, но никакой собачьей еды, и, ну… никакой собаки.

Она уставилась на него. Его одежда только что лишилась цвета. Она фотографирует его своей миниатюрной камерой.

— Вы выглядите так, будто только что вышли с обложки журнала пятидесятых «Drum». Мне нравится ваш стиль. Спасибо вам за помощь.

— Вы же Кирстен Ловелл, верно?

Она удивлена, кивает.

— Я только что вас узнал. Мне понравилось ваше фотоэссе на тему сомалийских пиратов. Оно было реальны крутым. Потрясная работа. Эпическая вещь.

То было годы назад, откуда он знает, что снимки были ее? Эссе было тех времен, когда она была молода и безответственна, выполняя опасную работу в попытке заполнить «Черную Дыру». Это не сработало, но она выиграла несколько наград. Это помогло ей продвинуться по карьере, придало ей популярности в журналистских кругах.

— Теперь вы фрилансер? — спрашивает он.

Она кивает.

— Теперь у меня есть возможность сколько угодно паниковать из-за нестабильной занятости.

Это старая шутка. Он улыбается, с благодарностью салютует ей кофейным стаканчиком на прощание.

***

Он ждет, пока она не исчезнет на эскалаторе, а затем набирает номер.

— Она приходила.

Мужчина не знает, почему коп хочет это знать, но такова сделка. В обмен он получил копию полицейского отчета. Маутон — коп, в конце концов, резонно полагает Мпуми, пытаясь утихомирить чувство вины. Не то чтобы он был психопатом.

***

Сет читает новости, пока ждет, когда Ласка уйдет на обед. Заголовок о женщине, совершившей суицид, привлекает его внимание. Так молода, так одинока. Он чувствует укол. Он знает, что это не сострадание: просто ощущение его собственной смертности поднимает голову.

«Это мог быть ты, умирающий в одиночестве в своей квартире. Не суицид, нет, не суицид, но люди умирают постоянно, и ты можешь быть следующим. Странные несчастные случаи, обезвоживание, убийства. И кто будет по тебе скучать?»

Ласка покидает свой стол в час дня ровно каждый день, идет вниз в закусочную в американском стиле. Он заказывает сырный псевдобургер, у которого название вкуснее, чем он сам, и, определенно, ничего такого, что хоть отдаленно сексуально, о чем Сет впервые думает, когда подслушивает заказ Ласки и почти давится на смерть своим цельнозерновым пончиком с рожковыми чипсами. Удушье, падение, встреча с землей. Никто не будет по нему скучать.

Псевдобургер — это бутерброд: вариация закусочной на тему старой классики, с цельнозерновой булочкой из ржаного хлеба, с зернистым творогом, кучей зелени и ростков, черной фасолью и лесными грибами, котлетой из искусственно выращенного мяса, приправленный сальсой из помидоров и чили, и дольками сладкой картошки сбоку. Так как рыба и мясо стали дорогими, многие «бараны» перешли на альтернативу мясу. Только после подорожания, а не для того, чтобы спасти животных от забоя, и не для того, чтобы избавить тысячи коров, свиней, кур от их несчастной короткой жизни, но тогда, когда стейки стали стоить как заработная плата за неделю. Добро пожаловать в век мясофобии. Затем внезапно соя лишилась своего пресного вкуса: вегетарианство распространилось повсеместно, а стейки из искусственного мяса и бургеры с шампиньонами стали предпочитаемыми блюдами на субботних барбекю. Волосатые мужчины мололи языками и обсуждали преимущества цитрусовых маринадов над бальзамическими, попивая светлое пиво из согревшихся у огня банок.

Сет все еще ест стейки — из страуса, уток, оленины или из любой их ГМО версии. Его фаворит все еще настоящий бифштекс, он же говядина, предание крупного рогатого скота забвению. Средней прожарки: он любит мясо с небольшим количеством крови. Не то, чтобы он не жалел животных. Он просто верит, что люди находятся на вершине пищевой цепочки. Леопарды не плачут по своей добыче.

После того, как Ласка съедает свой печальный бургер, промокает свои слишком полные губы старомодной льняной салфеткой в красно-белую клетку, он идет в туалетную комнату, предположительно, чтобы вымыть руки. Затем он открывает холодильник с напитками и достает себе «СиннаКолу», которая стоит на его столе всю вторую половину дня. Сет никогда не видел, чтобы Ласка это пил, в конце-то концов, он знает, что там

в составе, но напиток стоит на его столе, покрываясь конденсатом, ровно в 13:30. Сет больше не ходит на перерывы на обед, потому что это единственное время, когда он может избежать взгляда глаз бусинок менеджера. Он с умом использует это время.

Запись в журнале
Вествилль, 24 января 1988 года

В новостях: *шесть диверсантов Африканского Национального Конгресса оказались ранеными в результате взрыва заминированного автомобиля в Булавайо, Зимбабве.*

Что я слушаю: *Джонни Кэш — «Coming to Town».*

Что я читаю: *«Ребенок и уход за ним», Бенджамина Спока.*

Что я смотрю: *«Доброе утро, Вьетнам».*

П. души не чает в детках. Ему хорошо удается успокаивать их. Он поет очень низким голосом (глупые выдуманные песенки), корчит такие смешные рожицы, и они перестают капризничать и начинают смеяться. Иногда они смеются одновременно, и это самое забавное, и мы начинаем смеяться все вместе.

Глава 11
Ледяные пальцы на ее шее
Йоханнесбург, 2021

Кирстен наблюдает, как Кеке заезжает во входную арку здания, где она живет, и вспоминает, почему у той так много поклонников обоих полов: ее прически в стиле панк, ревущий байк, глубокий непринужденный смех, и стиль одежды «да пошли вы все». Маленькая горячая штучка.

— Прости, я опоздала.

Она снимает свой шлем и обнимает Кирстен. От Кеке пахнет кожей и чем-то более женственным. Средством для волос? Вокруг них в воздухе летают маленькие пурпурные блестящие шарики.

— Никаких проблем. Вероятно, карма за мои опоздания решила отыграться.

Кирстен сама опоздала на двадцать минут.

— Там случилось кое-что, я была всего в пяти минутах езды, так что мне пришлось заскочить.

— Что-то интересное?

— Не совсем. Просто небольшая перестрелка между Афронацистами и Пантерами. Немного царапин, немного крокодильих слез, никаких смертей.

— Бог мой, расизм. Как будто сейчас шестнадцатый год.

Две группировки были крайне правого и крайне левого толка,

белые и черные соответственно. Никто не воспринимал их всерьез: в нации, которая сейчас безразлична к цвету кожи, их странные выходки заставляют всех лишь качать головой.

— Просто несколько панков искали повода, чтобы пролить кровь.

— Слишком много видеоигр.

— Я виню хип-хоп. Нет, *мараби*.

— Я виню сахар. И обработанную пищу.

— Гиперподключенность.

— «Сеть».

— Продукцию ГМО.

— Синдром дефицита внимания и гиперактивности.

— Безразличные родительские пары.

— Отсутствие телесных наказаний в школе.

— Скуку. Больше нет ничего, против чего бунтовать! Нас воспитывает государство-нянька, очень смирная, покладистая нянька, без татуировок или неподобающего пирсинга.

— Только вот у нее должно быть очень высокое либидо.

— Ха! — смеется Кеке. — Эта нянечка любит трахаться!

— И быть оттраханной, — добавляет Кирстен. — Это взаимовыгодное сотрудничество. А еще полиаморное.

— Эй, — произносит Кеке. — Не трогай полиаморию. За ней будущее.

Внутри квартиры Кекелетсо Браамфонтейн за ними автоматически закрывается дверь.

— Не слишком рано для вина? — спрашивает Кеке, бросая взгляд на настенные часы. 12:55. С гигантского постера на них смотрит Элвис Пресли.

— Я не понимаю, почему ты спрашиваешь, — говорит Кирстен.

Кеке улыбается и хватает бутылку Кофейного Вердант-Пино. Два бокала. Кирстен инстинктивно тянется за ближайшей пустой бутылкой «Тетис», наполняет ее серой водой из водохранилища, похожей на жидкий дым, и идет поливать поникшие растения Кеке. Используя складной нож своего отца, которому она теперь всегда находит применение, она срезает несколько мертвых листьев с аспидистры на кофейном столике в гостиной, и бросает их в мусоропровод для органики.

— Не то чтобы я не любила их.

Она всегда так говорит.

— Просто меня никогда не бывает дома.

После того, как в прошлом году, она выбросила давно умершее и крошащееся растение, Кирстен предложила ей завести кактусы, так как им не нужно столько ухода, но Кеке сказала, что

где-то прочитала, что шипы вредят сексуальной жизни.

— Фэн-шуй или подобное дерьмо. Какое тебе дело до растений?

Кирстен пожала плечами:

— Не знаю. Я просто присматриваю за ними.

Кеке состроила гримасу «безнадежный случай», и Кирстен швырнула в нее чем-то.

— Если бы ты знала, какими чудесными они бы были, ты бы не совершала против них раз за разом массовое убийство.

Она не выносила такое. Ее мать была такой же, как Кеке в этом отношении. Подростковый возраст Кирстен был усеян мертвыми хризантемами.

— Помимо всей этой истории с очищают-воздух-который-мы-вдыхаем, ты знаешь, что есть цветок, который становится красным, если растет над минами?

— Ладно, мисс Зеленые Пальцы.

Кеке вздохнула.

— Я поняла, никакой большой бессмысленной резни наших растительных друзей.

— Если ты так обращаешься с растениями, то я боюсь представить, как ты будешь нести ответственность за существо с настоящими чувствами. Никогда не думала завести домашнее животное?

Кеке почти задохнулась.

— Нет!

— Хорошо.

— Итак, что за срочность?

Кирстен командует бутылкой и передает Кеке бокал вина, которая в свою очередь открывает пакет со свекольными чипсами со вкусом чили и высыпает их в чашу, которую лучше бы сперва протереть. Фигура их вкуса необычна: вращающиеся плоские диски, как фрисби, но не такие твердые. Резиновые. Довольно одинаковые, рыхлые, с маленькими пиками из-за соли и теплым свечением из-за чили.

— Что-то пришло на твое имя сегодня, через офис.

В этом нет ничего необычного. Кеке и Кирстен занимаются коворкингом в одном и том же здании в бизнес центре. Как владельцам пропусков, или проще говоря: «Дозволенным лицам», им был разрешен безлимитный доступ ко всему, что им могло понадобиться в офисе, от администратора на ресепшен, курьеров, IT-поддержки, конференц-зала, совместного автомобиля и плохонького фильтра для кофе до 4D-сканера и принтера. Стабильный поток людей постоянно приходил и уходил, как и команда уборщиков, работающих двадцать четыре часа в сутки,

семь дней в неделю, чтобы каждый новый клиент получал искрящийся чистотой офис. Они снимались на час, но чем дольше остаешься, тем выгоднее цена. У них даже есть легендарная ежегодная офисная вечеринка в честь конца года.

Кеке знает кого-то в «Деск», кто придерживает для нее, когда может, премиум-офис свободным, без дополнительной наценки. Этот офис один из нескольких с холодильником и сейфом, где она может хранить свои небольшие личные вещи и чистое белье, чтобы ей не приходилось тащить их с собой через весь город на байке. Также там есть сухой душ и ячейка для сна.

— «Через офис»?

Кирстен думает, что это должно быть связано с чем-то, что она заказала онлайн и забыла об этом. Новые линзы для камеры? Кислый сок колючей груши? Секс-игрушка? Увесистая коробка полосок — тестов на беременность?

Кеке достает небольшой белый конверт, который выглядит немного помятым.

— Это оно?

— Ага. Разве это не замечательно?

Кирстен принимает конверт из рук Кеке и рассматривает. Адрес нацарапан так, будто мужчина или женщина, которая его писала, делала это в спешке. Она не узнает почерк. Спереди приклеены две цветастые марки: изображения президента, носящего слишком много губной помады, и вымершей рыбы. Печать почтового отделения идет поверх обоих рельефных изображений. Обратного адреса нет.

— Я хочу сказать, — говорит Кеке, — когда в последний раз ты видела настоящее письмо? На, ну знаешь, почте! В конверте! На нем печати и прочее.

Кирстен использует свой карманный нож, чтобы разрезать конверт. Она вытаскивает оттуда записку, одновременно с этим оттуда на ее колени падает ключ. Она поднимает его и рассматривает, она узнает ключ: ощущает, как ледяные пальцы проходятся вдоль ее шеи. Отдает его Кеке.

— Тот же, — произносит она. — Тот же ключ, который Джеймс выбросил с моста той ночью…

— Это ключ от вафельного тумблера, — замечает Кеке. — От ячейки хранения. Эта часть, — говорит она, прикасаясь к верху, — содержит какой-то чип, разрешающий доступ. Чип даст тебе войти в банк и в комнату хранения. А сам ключ позволит открыть ячейку.

Кирстен разворачивает записку и видит еще одни каракули: «СУДНЫЙ ДЕНЬ».

— Что это за нах*й?

Кеке заходит за плечо Кирстен, чтобы прочитать записку.

— От кого это? — спрашивает она.

Кирстен разглядывает подпись.

— Призрака.

***

Ровно в час дня Сет наблюдает, как Ласка спускается в столовую «Фонтес». Сет ждет пять минут. В это время три барана по очереди останавливаются снаружи его офиса, чтобы поздороваться и спросить, как у него дела. Он узнает у них тот же пустующий взгляд, что и у работников, которых он видел в кампусе: уплетающих за обе щеки маффины с ультраотрубями, играющих в сквош, бегающих трусцой, ждущих, пока заварится кофе без кофеина. Пялящиеся, с пустым выражением лица, будто зомби съело их мозг. А как только они его узнают (кольцо в брови, накрашенные веки, с прической ирокезом, в толстовке с капюшоном), они становятся внимательными и без конца его приветствуют. Их улыбки становятся широкими и открывают белые зубы, но улыбка никогда не касается их глаз.

Как только периметр чист, он проскальзывает в архив, который представляет собой просто гигантский компьютер в комнате, полной работающих вентиляторов. У него нет прав доступа, чтобы заходить в эту комнату, но дверь иногда остается приоткрытый. Очевидно, что в мире есть люди, которые не такие параноики, как он. К вентиляторам привязаны ленты разных оттенков голубого, создавая ощущение, что комната просто своего рода дизайн сцены из Атлантиды или экспериментальная реклама «Акваскейп».

Он закрывает дверь и садится за вращающееся кресло, начинает работать на машине. Файлы, которые он хочет просмотреть, хорошо защищены. Там будет уязвимость, она всегда есть, но чем больше он над этим работает, тем больше понимает, что у него уйдут месяцы на взлом. Он ударяет плоский экран сбоку.

— Еб*ная макака, — ругается он.

— Прости?

Сет поворачивается. Ласка.

— Ой, — произносит Сет.

*Бл*ть!*

На фоне шума вентиляторов, он не услышал, как Ласка вошел. Он быстро нажал сочетание клавиш, чтобы закрыть окна. Оставил ли Ласка эту дверь открытой специально: проверка?

— Это комната с ограниченным доступом, — говорит Ласка, — тебе не позволяется быть здесь.

— Я не знал, — отвечает Сет.

— Об этом говорилось в твоем Приветственном Пакете, — говорит Ласка.

Сет смотрит на него ничего не выражающим взглядом.

— Мне нужно было кое-что найти.

Это не было ложью.

— Послушай, — начинает Ласка, потирая свою бородку и барабаня пальцами по подбородку. — Я собираюсь доложить об этом… инциденте. Им это не понравится. Им это совсем не понравится. В лучшем случае мы сделаем тебе предупреждение или же устроим воспитательную беседу. Завтра лучше приходи одетым в костюм, о котором я тебя просил.

— Вы шутите? — спрашивает Сет.

Ласка начинает грубо хохотать. Сет в удивлении на него смотрит.

— Конечно же, я шучу, мистер Математик! — фыркает он, похлопывая Сета по спине. — Вам гениям, определенно, не хватает чувства юмора. Ха! Ха!

Твердой рукой он уводит Сета из комнаты и плотно закрывает за собой дверь. Раздается двойной сигнал, символизирующий, что дверь закрыта.

— Бип-бип, — произносит Ласка и снова начинает грубо хохотать.

***

Кирстен зачитывает письмо Кеке:

Кирстен/Кейт…

Я знаю, что ты не поверила мне, когда мы разговаривали. Посылаю тебе дополнительный набор ключей. ОНИ ЗА ТОБОЙ НАБЛЮДАЮТ. НЕ ПОЗВОЛЯЙ НИКОМУ ЗАБРАТЬ ИХ У ТЕБЯ. Береги себя. Сделай это ради своей матери. Несмотря на этот беспорядок, список доказывает, что она любила тебя.

СУДНЫЙ ДЕНЬ — это ключ. Боже помоги Избранным, если ты не поймешь этого. ДЕЙСТВУЙ СЕЙЧАС ЖЕ.

Б/Б.

Кеке громко присвистывает.

— И гадать не надо, какая сумасшедшая шизофреничка это прислала.

Кирстен проигрывает их разговор в уме: тени на нижнем этаже парковки, шок, зловещее предупреждение. Джеймс выбросил ключи с моста.

— Думаю, иногда полезно быть параноиком, — произносит Кеке.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает Кирстен, у нее

пересохло во рту.

— Ну, только то, что она знала, что ты не сохранишь первые ключи.

— Она сказала ключи. Она сказала, я посылаю тебе дополнительный набор ключей, во множественном числе.

Она трясет конверт, хоть и знает, что он пуст.

— Может быть, ей некогда было отправлять другой ключ, — замечает Кеке, — ну знаешь, ведь она засунула голову в духовку.

— Я не понимаю, — произносит Кирстен.

— Тогда я тебе объясню, — говорит Кеке, неся письмо к мусоропроводу. — Эта лунатичка не могла отличить фантазии от реальности, и по какой-то причине она решила вовлечь тебя в это.

Она уже собиралась бросить туда записку, когда Кирстен вскочила на ноги.

— Не делай этого, — сказала она, выхватывая записку.

— Послушай, Котенок. Она была сумасшедшей шизофреничкой. Определенно, это ставит точку в разговоре?

— Необязательно.

— Ты должно быть шутишь. Они за тобой наблюдают? Судный день?

Кирстен думала, что Кеке понимает ее «Черную Дыру», но, очевидно, что это не так.

— Она мертва, Кеке. Сказала, что они убьют ее, а теперь она мертва. Женщина верила в это в достаточной мере, чтобы найти меня. Подойти ко мне. Она даже не покидала свою квартиру, чтобы увидеться со своим психиатром, но пришла увидеться со мной. Я думаю, по крайней мере, что обязана ради нее проверить, что этот ключ открывает.

На периферии зрения она видит знакомый свитер в бело-голубую полоску оттенков кобальта и кремового. Это не имеет смысла. У нее уходит несколько мгновений, чтобы врубиться. Это свитер Джеймса. Он должен быть на Джеймсе, или дома. В их доме. Она подходит к нему, берет в руки и обнюхивает. Мармелад.

— Что это здесь делает?

— Котенок, — произносит Кеке, — я собиралась сказать тебе. Просто я хотела сначала отдать тебе письмо.

— Ладно, письмо я получила.

— Джеймс был здесь прошлой ночью.

— Что?

— Он беспокоился о тебе.

— Почему? О чем ему беспокоиться?

Она знает, что этот вопрос лицемерен.

— Он говорит, что у тебя сейчас тяжелые времена.

Одержимость твоими родителями…

— Он использовал слово «одержимость»?

— Сказал, что ты не спишь. Что ты плохо себя чувствуешь. Сама не своя. И отрицаешь все выше сказанное.

— И что он хотел, чтобы ты сделала?

— Он попросил меня приглядывать за тобой. Сказал, что знает, что ты рассказываешь мне вещи, которые не рассказываешь ему.

— Он хочет, чтобы ты шпионила за мной? Рассказывала ему то, что я рассказываю тебе?

— Он хочет, чтобы я убедилась, что ты в порядке.

— Убедилась, что я тоже не засуну голову в духовку?

— Ну, да. Я полагаю, это в приоритете. И он попросил меня… отговорить… тебя от расследования всего этого… Поиска твоих родителей. От идей сумасшедшей леди. Он просто хочет для тебя лучшего. Вы ребята вместе уже сколько? Одиннадцать лет?

— Тринадцать.

— Целая жизнь. Он сказал, что ты отталкиваешь его. И он беспокоится, что ты можешь сделать что-нибудь… опасное.

— Еб*нуться.

Она вздыхает.

— Я потеряла над собой контроль? Я так не думаю.

— Так ты и сказала, когда отправилась преследовать пиратов.

— За что выиграла награды. Что послужило началом моей карьеры.

— Котенок, никто не уважает тебя, как фотожурналиста, больше, чем я. Никто. Та история была космической. Ты заслужила каждую полученную награду. Но ты почти умерла.

— Ну, это преувеличение.

— Котенок, ты почти умерла.

— Ладно, но то было другое. Я была молода. Безрассудна.

— Так теперь сейчас ты менее безрассудна?

Кеке смеется.

— Алло? Да! Я практически домохозяйка. То есть, посмотри на меня.

— В тот день, когда ты хоть как-то станешь похожа на домохозяйку, я самолично отправлю тебя к сомалийским пиратам.

— Кеке, у меня на часах гребаное приложение «OvO». Я могу назвать тебе точную минуту своей овуляции.

— Мармелад прав, ты потеряла контроль. Что дальше? Устроишь у себя дома кружок творчества?

— Ха, — говорит Кирстен.

— Послушай, леди, я сказала твоей лучшей половинке, что

присмотрю за тобой, и я присмотрю. Но я на твоей стороне в поиске твоих родителей.

Кеке открывает холодильник и вытаскивает яркую красную коробку, которую держит для Кирстен. Она засовывает вафли в тостер и опускает рычаг вниз.

— Итак, что мы предпримем дальше?

Запись в журнале

Вествилль, 27 января 1988 года

В новостях: *партизаны открыли огонь по полицейской машине в Соуэто и ранили трех полицейских и одного мирного жителя. Вышли первые рецензии на мюзикл Эндрю Ллойда «Призрак оперы», дебютировавший прошлым вечером на Бродвее.*

Что я слушаю: *Мэн Визаут Хэтс — «Pop Goes the World» (деткам нравится!).*

Что я читаю: *«Отцовство» Билла Косби.*

Что я смотрю: «*Бегущий человек» с Арнольдом Шварценеггером.*

П. сегодня ездил в теплицы и купил несколько деревьев и растений. Он пытается сделать для нас дом максимально уютным. Я надеюсь, что он не скучает по своей старой жизни (его жене).

Я никогда не интересовалась садоводством, но сегодня мы немного поработали в саду вместе — я просто посадила несколько цветов и полила их водой, правда, и мне это понравилось. (Петунии? Анютины глазки?) Я думаю, что буду заниматься этим и дальше. Это приятная передышка от ухода за близнецами.

У них все хорошо. У меня не очень. Поначалу, я не слишком возражала против недосыпа, но думаю, что сейчас он уже перешел в хроническую форму. Это начало влиять на мой разум и память. И мою повседневную рутину: иногда я совершаю глупые поступки, например, кладу жестяную коробку с чаем в холодильник. А в другой раз открыла дверь с расстегнутой рубашкой! Я не знаю, кто был больше смущен, я или сосед! Боже мой, я сделаю что угодно за полноценный сон. Удивительно, как много всего мы воспринимаем как само собой разумеющееся! Иногда один из близнецов только засыпает, а другой начинает плакать и будит первого, а затем наоборот, и мне просто хочется сесть на пол и плакать.

Они оба хорошо кушают. Слава Богу. Иногда я чувствую себя ходячей, говорящей (протекающей!) грудью. Сэм хмурится и сосредоточенно ест с закрытыми глазками, пока не закончит. Кейт всегда голодна, начинает кушать быстро, а затем ест медленно. Она смотрит на меня своими большими серыми глазами, и я надеюсь, что она чувствует, как сильно я люблю ее.

У них очень разные характеры, даже в таком возрасте. Сэм серьезный, независимый и, кажется, что все время о чем-то думает, прорабатывает что-то в своей голове. Хотела бы я знать, о чем думают младенцы. А Кейт всегда улыбается, и ей нравится быть рядом с людьми. Они, кажется, ладят друг с другом, и это замечательно. Надеюсь, что так будет и дальше!

Иногда нас останавливают незнакомцы, чтобы полюбоваться на детей, сказать, какие они милые, спросить, кто «старшенький», сказать, что они на меня похожи, или, если П. с нами, что похожи на него.

Я каждый день говорю себе, как мне повезло. Смотрю в зеркало на свою бледную кожу и темные круги под глазами и улыбаюсь. Я научилась улыбаться через силу.

Глава 12

Да еще и вид хороший

Йоханнесбург, 2021

Сет потягивает кофе в местной кофейне, когда в его новостной ленте появляется статья «Эко-новостей». Он нажимает на прослушивание аудиоверсии, которая автоматически проигрывается в наушниках.

Срочные новости: Уильям Сорайя, спринтер из Южной Африки, выигравший золотую медаль, и любимец СМИ, этим утром был серьезно ранен в результате крушения летающего автомобиля. Сорайя, известный так же, как «Плохой Билл», не являясь новичком в погоне за адреналином (или попаданием в новости на первой полосе), летел на новом гибридном автомобиле «Волантор Стрит Легал», исполняя рекламный трюк для корпорации, которая «глубоко опечалена» из-за аварии и начала тщательное расследование обстоятельств случившегося.

«Мы проводили многократные тесты этой новой модели и были на 100 процентов уверены, что на ней безопасно летать. Мы не понимаем, что могло пойти не так, но мы найдем причину, приведшую к этой ужасной трагедии», — сказал представитель «Волантор», Мохале Мхлека.

Несмотря на невысокое количество пользователей, смертельные случаи с участием летающих автомобилей и парящих автомобилей растет. Различные группы населения пытаются добиться запрета на летающие автомобили, включая и протест этим утром с участием двух тысяч людей перед зданием Союза, а позже к ним присоединились онлайн еще шесть тысяч горожан.

«Послушайте, это то, что нам нужно довести до ума, — сказал министр транспорта Солли Нгабейн. — Мы не должны сторониться технологий. Мы должны принять прогресс. Когда

впервые появились автомобили, тоже было много аварий. Этот эпизод стал несчастливым стечением обстоятельств. Нам нужно извлечь из этого серьезный урок, а затем посмотреть в будущее и сделать этот вид транспорта настолько безопасным, насколько это возможно».

Между тем Нгабейн пообещал рабочей группе начать официальное расследование и пообещал летать на собственном «Волантор» весь месяц, чтобы доказать свою веру в продукт.

«В прошлом году Сорайя попал в новости, побив национальный рекорд, как на стометровке, так и на двухсотметровке, а также из-за своих пресловутых вечеринок, тяги к противоположному полу и из-за более чем одного инцидента с опасным вождением. Его также обвиняли в "респинге" или "респироцитировании": инъекции роботизированных красных кровяных клеток, чтобы улучшить работоспособность, но с него сняли обвинения после прохождения тщательного обследования. Это иронично, так как сейчас он может пройти лечение "респироцитами", чтобы ускорить процесс выздоровления».

Сорайя находится в отделении интенсивной терапии неизвестной частной клиники. У него сломаны кости, включая мало- и большеберцовую кости, началось внутреннее кровотечение: его позвоночник опух, но цел. Пиар-менеджер спортсмена говорит, что его состояние тяжелое, но стабильное. Как сказал сегодня министр: «Сердца и умы всех южноафриканцев с Уильямом Сорайей, и мы желаем ему быстрого выздоровления».

*«Х*йня»*, — подумал Сет. Он всегда в некотором роде ассоциировал себя с Сорайей. Они были одного возраста. У них был схожий образ жизни, хоть Сет предпочитал сумерки свету дня. У него опять возникло это беспокойное холодное чувство, почти предчувствие, что подобная судьба ждет и его. Он выбросил эту мысль из головы. Он должен взять себя в руки, поднять игру на новый уровень. Ускорить приведение плана в действие. Мужчина послал Фионе «бамп». Действовать, проявляя меньше эмоций, чем он чувствует.

SD: Что на тебе надето?
FB: ЛОЛ! Испорченный. *краснеет*
SD: Пошли мне фото.
FB: НЕТ!
SD: Хочу посмотреть на тебя.
FB: Я на собрании, на собраниях каждый день. Скукота!
SD: Сделай фото под столом. Никто не узнает.

Если он сможет уломать Фиону сделать секс-фото, это будет

хорошим знаком. Это будет значить, что (кроме того, что он увидит ее трусики) она в некоторой степени находится под его влиянием.

FB: ЛОЛ, я не могу! Очень важное собрание. Тут босс с серьезным лицом.

SD: Ты меня убиваешь.

На какое-то время она затихла, и он думает, что, вероятно, она отложила свой телефон в сторону, чтобы сосредоточиться на собрании. Он представил себе ее, сидящую прямо, слегка покрасневшую, с остро заточенным карандашом наизготовку, с умным видом кивающую своим коллегам. Но он ошибся, его «Тайл» завибрировал из-за пришедшего сообщения.

«Да, пожалуйста», — думает он, беря телефон в руки и откидываясь назад на стуле, любуясь. Шоколадно-коричневое кружево. С отделкой по краям. Превосходно. Да и вид хороший: ей, должно быть, пришлось широко раздвинуть ноги, чтобы сделать фото. Несмотря на то, что он не находил ее особенно привлекательной, он почувствовал шевеление в брюках и изменил позу.

«Thundercats» вперед.

***

Кирстен в своей квартире, ретуширует снимки из океанариума, когда Джеймс приходит домой. Она испытывает облегчение от передышки: в глазах как будто «песок» — переработала. Она сохраняет огромный «4DHD RAW TIFF» файл, над которым работала, и уже готовится его закрыть, когда ощущает теплую руку на своей спине, а затем другую на своей груди. Она поднимает взгляд, улыбается, но улыбка Джеймса угасает.

Его губы оказываются на ее: он закрывает крышку «Тайла» Кирстен. Его рука перемещается к ее правой груди: соски твердеют. Она начинает вставать, но он подхватывает ее на руки и поднимает, несет в постель. Бросает на кровать. Девушка смеется, тянется, чтобы раздеть его, но он останавливает ее, толкает на спину. Она видит, что Джеймс зол на нее. На его лице отражается редкая страсть, но она затемнена гневом. Это будет властный секс, один из ее любимых.

Он смотрит на нее, пока снимает пояс, будто собирается ее им отшлепать, но позволяет ему упасть на пол. Кирстен ощущает, как внизу живота и бедер разливается тепло. Рукой она тянется к открытой молнии, чтобы приласкать себя, но Джеймс отводит ее руку. Он хочет сделать все сам. Поднимает свою рубашку и с

жадностью впивается в вершинки ее груди, торчащие над бюстгальтером, а затем одергивает кружево вниз и посасывает торчащие соски. Она чувствует на них его зубы, его горячий рот на своей коже, закрывает глаза и стонет из-за нарастающего жара.

Джеймс стягивает ее джинсы и белые хлопковые трусики. Она хочет, чтобы он полизал ее, она сделает для него что угодно, чтобы ощутить его теплый язык на себе, знает, что кончит в течение нескольких секунд, если он так сделает. Но, нет, это ее наказание, он показывает ей, кто босс. Он хватает ее поперек талии и разворачивает, чтобы она оказалась на коленях, лицом от него.

Кирстен так отчаянно желает ощутить его внутри, что ей хочется кричать, но она сдерживает крик. Агония, блаженство. Он шлепает ее по ягодице, нежно, а затем грубее, посылая оранжевые вибрации (Секс на закате) через таз. Она почти кончает, но он вовремя останавливается. Ей хочется умолять, но девушка молчит. Она на грани оргазма. Хнычет. Прикусывает свое плечо.

Джеймс, смягчаясь, входит в нее сзади. Она кончает сразу же, ее спина изгибается, мышцы сокращаются вокруг него. Чувствует себя так, будто кровать поглощает ее. Прежде чем ее оргазм заканчивается, он начинает толкаться, пока спазмы продолжаются, и Кирстен вскрикивает. Он рычит, глубоко дышит, толкаясь сильнее, глубже. Кладет свои руки на ее. Опять ее тело становится неподвижным, напряженным, а затем обмякает, когда она вновь распадается в волнах оргазма.

***

FB: Эй, хорошие новости.

Это «бамп» от Фионы.

SD: Все твои встречи отменили и ты свободна для меня?
FB: ЛОЛ, нет, меня повысили.

Сет улыбается. Так и было запланировано, но ему приятно, что все идет так, как надо.

SD: Вот видишь? Тебе стоит посылать мне фото почаще. Повысили до кого?

FB: Директора по маркетингу в Водах. «Гидра». Да-а-а-а!!

SD: Вау. Отлично, сексуальная штучка. Дай пять.

FB: Та-а-ак счастлива.

SD: Встретишься со мной в красной канцелярской комнате через десять минут, чтобы отпраздновать?

FB: *краснеет*

SD: Это будет достойно твоего времени.

Мгновенная тишина.

FB: Увидимся через пять минут.

***

После, когда Кирстен все еще испытывает покалывающее ощущение от удовольствия, они лениво ласкают друг друга, лежа обнаженными в постели. Она вздыхает. Нечасто девушка чувствует себя такой удовлетворенной. Джеймс поглаживает ее шею, спину, талию. Его руки говорят ей, что гнев испарился, и теперь осталась только нежность. Боже, в данный момент она ощущает такую сильную связь с ним. Ничего больше не имеет значения, кроме тепла его рук на ее теле, влажного постельного белья, их переплетенных ног. Если бы этот момент мог длиться вечно.

Запись в журнале

Вествилль, 3 февраля 1988 года

В новостях: *я не знаю. Когда я просматриваю газету П., слова расплываются перед моими глазами.*

Ничего не смотрю, не читаю и не слушаю. Уровень концентрации на нуле. Когда дети начнут спать ночью?!

Мне. Надо. Поспать.

Но сейчас это больше, чем недосып. Это тьма.

Пустота. Поглотившая меня целиком.

Глава 13
Магия мессии

Йоханнесбург, 2021

Кирстен ждет, когда Джеймс уедет в педиатрическую клинику в Александре, прежде чем вытащить конверт от Бетти/Барбары. Пока он пытается спасти мир, она попытается, ну, спасти себя. Она расправляет записку на столе перед собой и пытается расшифровать ее.

Судный день. С-день. Армагеддон. Конец света. Она никогда не разбиралась в этих вещах с адским-огнем-и-серой. В то время как все в классе учили все о трио из Христа, Мохаммеда и Будды, она смотрела в окно, гадая, почему никто больше не видит то, что видит она, не чувствует того, что чувствует она.

Школьный советник по религии однажды пытался втолковать ей, что ее «Черная Дыра» была отсутствием света Христа, Божественной любви, и, если она предпримет правильные шаги и

будет спасена, тогда «дыра» исчезнет, вот так просто. Магия Мессии.

Кирстен так сильно закатывает глаза, что уже думает, что они не выкатятся обратно. Позже, ощущая его теплую руку на своей спине, она получила от него инструкцию остаться после занятий. Выражение его глаз говорило, что, если она так сделает, то уже никогда не будет прежней. Ощущая покалывание от его руки на своей коже, она первой вылетела из класса, когда прозвенел звонок.

Она поднесла записку к свету, надеясь найти подсказку. Крутила туда-сюда в своих руках. Внезапно, она почувствовала смехотворность ситуации, пытаясь найти смысл в каракулях слабоумной женщины. Она бросила взгляд на свой «Тайл». Ее новостная лента «Эко-новостей» мельком показывала новые статьи. Мужчина застрелил нескольких покупателей в универмаге «Боксбург», убив пять человек и ранив трех. Еще одна забастовка муниципальных рабочих, будто наши улицы еще недостаточно воняют.

Обычная волна грабежей и угонов, некоторые со смертельными случаями, некоторые просто доставляющие неудобство. Огненное распятие на Сэндтон-сквер, любезность «Воскресителей». Забавно, что они называют себя так, когда совершают противоположное. Свет Иисуса, не смешите мои подковы. Также рассказывается о небольшой стычке, о которой ей поведала накануне Кеке. История преувеличена изображениями зияющих ножевых ранений и осужденного насильника, которого доставили в Конституционный Суд для «зачисления» в Крим Колонии или же ИТЛ.

Когда правительство учредило Исправительные Трудовые Лагеря, весь мир ужаснулся. *«Концентрационные лагеря для преступников!»* кричали международные заголовки. *«Новый апартеид для ЮА!»*. «Подземные Крим Колонии!». Это было в начале правления Новой АНК (когда у них все еще были яйца), они были непреклонны в стремлении реализовать программу, несмотря на противодействующее интернациональное давление.

Они переместили заключенных из переполненных грязных камер на различные тщательно охраняемые фермы и шахты по всей стране, где они должны были работать. Они учились навыкам и зарабатывали денежные средства, с помощью которых оплачивали свою еду и жилье, также была обязательная система сбережений, которые им отдадут с процентами после отбывания конца срока. Деньги, сэкономленные от закрытия тюрем, идут на реабилитацию заключенных и оплату университетских сборов.

Статистика преступности снижается, и в целом это мудрый

ход: процент вынесения приговоров по-прежнему низок, но, по крайней мере, пойманные преступники в какой-то мере выплачивают свой долг перед обществом. Прекратившие свое существование фермы были восстановлены, и Южная Африка превратилась в массового экспортера товаров. Общество все еще не имеет единогласного мнения по поводу этого вопроса, но первоначальное возмущение похоже сошло на нет, вместе с торговым дефицитом.

Кирстен прокручивает ленту вниз. Табиле Сичека, министр здравоохранения, находится в Швеции для получения какой-то награды. В Южной Африке в прошлом были сомнительные министры здравоохранения, включая отрицающих существование ВИЧ, которые обещали, что сальса из свеклы и оливкового масла вылечит даже самый тяжелый случай СПИДа. Сичеке даже не обязательно добиваться успехов в своей работе, чтобы быть лучшим министром здравоохранения в истории.

Всем известно, что у нее было тяжелое начало жизни. Оба ее родителя и их родители умерли от СПИДа, ей пришлось покинуть школу в одиннадцать лет, чтобы присматривать за своими младшими братьями и сестрами. Когда «HI–Vax» оказался в разработке, она пробивала все препятствия на его пути. Она нашла финансирование, когда оно было необходимо, привлекла экспертов, ускорила процесс тестирования. Для того чтобы попасть в массовое распространение у вакцины могло уйти двадцать лет: Сичека сократила этот срок до четырех лет. Она превратила ВИЧ/СПИД из болезни, становящейся самой частой причиной смерти в Южной Африке (кроме москитов), в такую же легкую болезнь, которую можно избежать, как и коэффициент материнской смертности.

У АНК есть несколько сильных министров, но в целом их лидерство не выдерживает давления со стороны народа. Слишком много бедных людей, бедных слишком долго, слишком мало богатых, и широкая зияющая дыра между ними. Добавьте к этому дефицит обслуживания, забастовки, наносящие вред экономике, панику из-за нехватки воды и неустанные насильственные преступления, и становится неудивительно, что всякие мудаки готовы вытащить АК-47 из-за любого засранца, который скажет что-то не то. Южноафриканцы недовольны, и это находит отражение во всех сферах жизни. Очевидно, Кирстен не единственная с пустотой внутри, там, где должно быть ее сердце. Где эта Магия Мессии, когда она так нужна?

Запись в журнале
Вествилль 13 февраля 1988 год

В новостях: …*мне все равно.*

Со мной происходит что-то странное. Что-то сжимается внутри. У меня есть все, что я хочу: замечательный муж, красивый дом, два драгоценных младенца, но у меня это странное ощущение из страха и грусти. Когда я просыпаюсь утром, не хочу вылезать из постели. Я измотана и просто хочу проспать весь день. Когда я все же встаю, я как зомби. Иногда П. приходит домой, а я сижу перед телевизором в своей пропотевшей пижаме, даже не смотрю ничего, не по-настоящему, а дети плачут в своей комнате. Он злится на меня, но пытается не показывать этого, быть понимающим. Когда он так себя ведет, то со мной не разговаривает. Не хочет показывать своих эмоций. В этой ужасающей каменной тишине он занимается детьми, переодевает их, заканчивает глажку. Мне не должно быть так безразлично, но со мной что-то не так.

Он не понимает. Дни просто слишком длинные.

Я потеряла аппетит, еда больше не выглядит привлекательной. Я существую на бесконечном количестве чашек чая. Чай иногда помогает мне почувствовать себя лучше. Не уверена, дело в самом чае или просто в чем-то, к чему стремиться: угощению, перерыву в дне, простирающемуся передо мной. И бисквитам, если они есть. Горячая чашка чая и бисквит, как маленький, исходящий паром, проблеск надежды. Если и выдается (редкий) момент, когда мои руки свободны, первое, что я делаю, вместо мытья и уборки кухни, пью чай.

У меня нет энергии ни для чего, что не является абсолютно жизненно необходимым: мытье моих волос кажется невыполнимой задачей. Мысль о том, чтобы поднять руки на такое долгое время, просто кажется выматывающей.

П. обнимает меня и говорит, что любит меня, но мне нужно «освободиться от дурного настроения», ради деток. Он что, не знает, что если бы я могла, то уже сделала бы это? Он думает, что я ХОЧУ быть такой?

Я чувствую себя так, будто меня больше ничто не волнует. Не вижу смысла ни в чем. Я подавлена.

Может быть, я несу наказание за разрушение брака П. Разрушение приводит к разрушению. Я могу винить только себя.

Иногда я ловлю себя на мысли, что хочу, чтобы мы никогда не заводили близнецов. Они такие родные мне, правда, и я люблю их всем своим сердцем, но иногда просто не хочу, чтобы они существовали. Хочу, чтобы мы вернулись назад в прошлое, когда были только я и П., и мы бы ходили на концерты и ужины, спали и занимались сексом, когда хотим. Иногда, когда дети требуют

внимания, мне хочется ущипнуть их. Сильно, чтобы оставить след. Или просто шлепнуть их, когда они не перестают плакать. Я представляю красный след, который моя рука оставит на их бледных ножках. Конечно же, я никогда не причиняю им вреда, никогда не причиню. Но эти темные мысли не покидают меня. Заставляют меня ужасно себя чувствовать. Ужасной матерью.

Меня поглотило отчаянье.

Цветы, что я посадила, погибли. Они были фиалками.

Глава 14

Тимбилдинг

Йоханнесбург, 2021

Фиона с Сетом лежат обнаженными в постели отеля. Они лежат на спине, смотря в потолок, позволяя воздуху из кондиционера остудить их разгоряченную кожу. Сейчас вторая половина пятницы, и им полагается быть на тимбилдинге, но вместо этого они в третьем отеле в их списке: «Пятилистном клевере». Они решили испробовать все лучшие отели в Йобурге: осталось еще тридцать шесть.

Фиона обожает отели. Ей нравится подходить к менеджеру, возбужденной и запыхавшейся и снимать комнату на час или на полдня. Ей нравится оставлять комнату в беспорядке, красть мелкие вещицы и выходить из номера через несколько часов, с блестящими глазами глубоко удовлетворенной женщины.

Сет ожидал, что она будет другой: застенчивой на регистрации в номере, заправляющей постель перед уходом, расправляющей полотенца по пути на выход, но девушка удивила его и себя саму. Она хихикает, наполовину раздевается и произносит что-то в духе: «Боже мой, что со мной случилось?», подразумевая: «Что ты со мной сделал?».

Она все еще носит шелковые блузки в горошек, но сменила свое практичное белье на дорогое и изысканное, которое покупает ей Сет, или теперь она сама себе покупает. На ее лице все еще красуются невинные веснушки, и она часто краснеет, но без колебаний опускается перед ним на колени в его офисе, если дверь заперта, а камеры прикрыты.

Сет держит ее за руку и смотрит на медальон, что девушка носит, не снимая. Медальоны снова в моде: даже некоторые мужчины, следящие за модой, носят их, но у Сета есть ощущение, что Фиона носит свой задолго до того, как они стали снова в тренде.

— Что в медальоне? — спрашивает он.

В наши дни их используют для различных целей хранения: таблеток, флэшек, никотиновых пластырей, шагомеров, зеркал,

камер, ключей, ID, номеров телефонов.

— Он винтажный, — говорит она. — Там лишь несколько фотографий.

— Дай посмотреть, — просит он, разгибая ее пальцы, держащие медальон.

— Нет!

— Почему нет? Что ты прячешь?

Фиона хихикает.

— Ничего.

— Прячешь, — произносит он, целуя ее в нос. — Что там? Фото бывшего? Твои файлы для КГБ? Твоя настоящая личность?

Она смеется снова.

— Нет, глупый.

Девушка уступает и позволяет ему открыть медальон. На него оттуда смотрят две кошки.

— Это Кхалиси, — показывает она. — А это Киллмауски. У меня теперь есть и третья кошка, но здесь нет ее фотографии.

— Кевин? — спрашивает он.

Она шлепает его рукой, смеется, целует его. Сет закрывает медальон и кладет обратно покоиться чуть выше ее ложбинки между грудями.

— Везучие кошечки, — говорит он, подавляя желание произнести более пошлую фразу.

Фиона улыбается. Он думает: *«теперь ты в моих руках»*.

— Хотя, — начинает она.

— М-м-м? — бормочет он.

— Говоря о шпионах… Я уверена, что это ерунда… не хочу говорить этого… но, когда я просматривала отчеты по составу, просто ради интереса, ведь я пытаюсь узнать все, что только можно узнать о Водах… И я увидела, что в этом месяце «Гидра» производилась точно так же, как и в прошлом месяце. То есть, я не совсем разбираюсь в науке…

Сет приподнимает голову, ведя себя заинтересованно, но не слишком.

— Разве это ненормально?

Это как раз тот разговор, на который он надеялся.

— Я хочу сказать, процесс производства и должен же оставаться стабильным.

— Относительно стабильным, да, но эти отчеты просто копии друг друга! Как будто кто-то в лаборатории был слишком ленив, чтобы тестировать образцы, и просто копировал те же самые данные каждый месяц. То есть, если бы я была слишком ленива подготавливать отчет, я бы просто слегка меняла данные месяц от месяца.

— А другие?

— В «Тетис» и «Анахите» меньше образцов, меньше показаний, но их отчеты отличаются не намного. К примеру, магний в январе три и тринадцать, в феврале три и одинадцать. Это просто не имеет смысла.

— И в самом деле, странно, — говорит Сет, поворачиваясь набок, чтобы посмотреть на нее, поглаживая ее живот.

— Я думаю, тебе лучше провести расследование.

Фиона усмехается.

— Да, верно, маленькая Фиона Боутс против мегапорпорации «Фонтус».

Рука Сета движется ниже, чтобы приласкать ее, и она перестает смеяться.

— Возможно, это ерунда.

Она вздыхает.

— Ошибка админа.

Девушка чувствует, как кровь отливает от ее головы: никаких больше разговоров сейчас.

— Да, — соглашается Сет, — возможно.

Мужчина опускается ниже: она разводит ноги в стороны.

Может быть, она все проверит.

Глава 15
Каждая совершенная косточка

Йоханнесбург, 2021

Привлекательная женщина с платиновыми волосами сидит на парковой лавочке на детской площадке в Чайнасити Сэндтона. По всему видно, что она состоятельная. Лазерный загар, одета в SaSirro с ног до головы, несколько сдержанных украшений из белого золота, гладкой лоб беззаботного человека, но это не то, что выдает ее достаток. Она наблюдает за несомненным символом статуса: своим сыном со светлыми волосами, собранными в хвостик, играющим в песочнице рядом с детской игровой площадкой. Он держит под мышкой грязного игрушечного серого зайца, а другой рукой строит песочный замок. Ребенок, очевидно, совсем не расстается с игрушкой.

Женщина с идеальным макияжем может выглядеть, как скучающая мать-домохозяйка, но на самом деле она на рабочем перерыве на обед. Каждый год она была лучшей в своем курсе в Стелленбосском университете и бегло говорила на двадцати шести языках к тому времени, как ей исполнился двадцать один год. Она не закончила степень: за восемь месяцев до окончания обучения ведущая юридическая фирма пообещала ей огромную зарплату и партнерство с двадцатью пятью процентами, и

девушка приняла это предложение.

Она открывает сумочку, вытаскивает таблетку и закидывает ее в рот, запивая глотком «Анахиты», произнося молчаливую молитву, какой бы то ни было кампании, производящей «Траникс». Женщина должна знать название, ведь она может назвать столицу, валюту и политическое строение почти каждый страны в мире, но сегодня не может вспомнить этикетку от капсул. Она задумывается, не перегорела ли на работе: она, определенно, себя так ощущает.

Ее сын начинает робкий разговор с другим маленьким мальчиком в песочнице. Всегда обаяшка. У нее сжимается сердце: она любит его так сильно, каждый квадратный миллиметр его кожи, каждый светлый волосок, каждую идеальную косточку. Просто обожает этого ребенка. Запах его детской кожи. Вихрящиеся волосы, которые будто лизнула корова. Она так мечтала о нем, задавалась вопросом, каким он будет в десять лет, шестнадцать, тридцать. Никогда не думала, что сможет испытывать подобные чувства к другому человеку. Она росла, ощущая равнодушие к себе, чувствуя себя одинокой, ее родители винили в этом запредельный IQ, но, когда родился ее сын, этот грустный пузырь лопнул. Ее тревога и депрессия никуда не делись, но она получила молчаливые моменты радости, которые, как она думала, невозможны.

Довольная тем, что ее сын счастливо играет, она открывает свой контейнер с обедом. Эта молодая женщина зарабатывает в год четырнадцать миллионов ранд, но все еще упаковывает себе обед каждый день. Сегодня это манго, салат из листьев перца и кориандра, стручки гороха с розовой солью марки «Мальдон», гусиное карпаччо и бутерброд с маком и капустой.

Она несколько раз откусывает от бутерброда, наслаждаясь текстурой дорогого мяса, покалыванием горчицы на языке. Вскоре ее гортань начинает слегка першить. Она пытается смочить горло слюной, но ощущение не проходит. Пытаясь оставаться спокойной, она открывает бутерброд и инспектирует содержимое, заверяя себя, что самолично приготовила сэндвич, что его никак нельзя было отравить, но зуд становится сильнее, распространяясь и на ее язык.

Женщина роняет бутерброд, у нее начинается гипервентиляция легких, она нажимает экстренную кнопку на своем медальоне. Кнопка отправляет запрос на вызов вертолета и отправку записей ее медицинской истории, включая сильную аллергию на арахис в ближайший госпиталь. Ее дыхательные пути перекрылись, она хватается за горло, отчаянно втягивая воздух. Она ищет свою «EpiPen», и, когда не может найти ее, ищет

соломинку, шариковую ручку, что угодно, что можно засунуть в горло, чтобы продолжить дышать, но ее руки трясутся слишком сильно, и она теряет контроль над пальцами.

Она встает, бросается вперед, отчаянно машет, пытаясь привлечь внимание. Ее зрение становится пятнистым: искры и клубы дыма затемняют вид на ее сына. Женщина пытается позвать его, пытается позвать кого-нибудь на помощь, но уже поздно. С одной рукой, тянущейся к сыну, она оседает на коленях на траву, а затем, с посиневшим лицом, опрокидывается навзничь.

Тревожно звучит вскрик женщины, и ее окружают обеспокоенные незнакомцы. Вызывают скорую, реанимационная карета отправляется в путь, но женщина умирает в течение минуты. Светловолосого малыша не подпускают к матери. Он не пинается и не кричит, как можно ожидать, потому что немеет от шока.

Незнакомцы стоят в растерянности, опустив руки, не зная, что предпринять дальше. Просто ужасно. Какая трагедия. Они начинают мысленно сочинять истории, чтобы позже рассказать супругам и друзьям. Они думают, как корректно сообщить об этом в обновлении своих статусов в сети. Где же скорая? Им нужно позаботиться о детях, отправиться в другие места. Один из прохожих, крупный мужчина с рукой со шрамом, перестает искать пульс и уходит. Украдкой, он поглаживает мягкого набитого зайца, которого спрятал под курткой. Он забирает свою собаку, бигля, чей поводок привязал к качелям несколькими мгновениями ранее, и неторопливым шагом уходит. Вдалеке слышатся раскаты в небе: приближается вертолет. Формируя вступление к песне, начинающейся крутиться у него в голове. Он напевает… «Пинк Флойд»? И не оглядывается.

***

Фиона находится на пике, готовая сорваться вниз. Одной рукой она придерживает свои кудри, тяжело дышит, чувствует, как все ее мышцы сокращаются, замирают, а затем падает. Она летит по воздуху, по теплому воздуху, через знойную воду, а затем приземляется, ее кровь превращается в сироп. Сет кончает вместе с ней, ловит воздух так же, как и она, и держит ее, пока у нее не закончатся спазмы.

Они лежат, цепляясь друг за друга, на полу спортивной раздевалки «Фонтус». Они играли в лазертаг. Вплоть до последней жизни, нервы были на пределы, и она кричит в маску, когда кто-то валит ее на пол из тени и тащит в раздевалку.

Знает, что это он: она узнает ощущение от его рук на ее теле. Он расстегнул молнию ее спортивного костюма в обтяжку, снял с

нее одежду и грубо трахнул на одном из столов в раздевалке, наблюдая в зеркальном отражении за тем, как ее тело атакуют спазмы.

— Это становится дурной привычкой, — говорит она.

— Я нахожу такой вид тимбилдинга по вкусу.

Фиона хихикает. Она чувствует на себе его взгляд. Открывает глаза, испытывая приступ неловкости от его взгляда. Прикрывает свои все еще твердые соски.

— Ты же не собираешься испортить момент? Признаться в том, что на самом деле чувствуешь ко мне?

Она наполовину шутит, наполовину просит его это сделать. «*Боже, пожалуйста, скажи мне, что влюбляешься в меня».*

Он смеется, низким гортанным смехом:

— Это последнее о чем, тебе стоит беспокоиться.

Пока Фиона принимает душ, Сет одевается и поправляет волосы.

— Я ухожу, — кричит он через полуоткрытую дверцу душевой.

— Оки-доки, — отзывается она певучим голоском. — Увидимся позже!

По пути на выход, Сет кладет в карман ее карту доступа «Фонтус».

Запись в журнале

Вествилль, 29 марта 1988 год

В новостях: *что-то о том, что в Париже убили делегата АНК. Не уверена, просто слышала об этом что-то по радио.*

После трех (?) дней в постели П. помыл меня (помыл мне голову, аккуратно), одел меня и потащил меня к психотерапевту. Через час или примерно так, она объяснила П., что похоже, у меня послеродовая депрессия. Я знала о случаях подавленного настроения после родов: большинство женщин чувствуют некоторое угнетение после рождения ребенка (спад уровня гормонов, утомление, разочарование, и прочее), но это другое.

Простое признание в ужасных мыслях, которые у меня возникают (только, когда П. вышел из комнаты) помогло мне. Джуди (психотерапевт) задала мне множество вопросов, и мы прошлись по списку симптомов. Просто знание того, что симптомы существуют на бумаге, заставило меня почувствовать себя слегка лучше: определенно, менее виноватой. Другие матери также испытывают подобное? У меня возникло ощущение, будто огромный ворон, сидящий на моем плече, встряхнул крыльями и улетел.

Она дала мне какие-то таблетки, и мне нужно будет приходить к ней несколько раз в неделю, пока мне не станет лучше. До сеанса я ощущала так мало энергии, что мне даже было все равно на то, вообще станет ли мне лучше. Теперь я чувствую, что сделаю, что угодно, чтобы почувствовать себя лучше. П. продолжал поглядывать на меня по пути домой, я не уверена, потому что беспокоился или испытывал облегчение.

Глава 16
Привет, красавицы

Йоханнесбург, 2021

Фиона выпрыгивает из общественного такси. Она заказала в интернете нижнее белье, и непонятного вида посылка прибыла к ней на работу. Женщина прожигала дыру в ящике ее стола всю вторую половину дня. Фиона так не радовалась открытию посылки с тех пор, как выиграла корзинку забавных канцтоваров несколько лет назад. В пять часов она схватила посылку и побежала ловить транспорт до дома.

Она открыла дверь в свою квартиру, и три кошки бросились ей под ноги.

— Привет, красавицы, — приветствует она их, а они мяукают ей в ответ.

Она спотыкается, ища место, куда положить посылку, в то же время пытаясь не наступить на кошек.

В спальне женщина открывает коробку и проводит много времени, любуясь шелком и атласом. Она ощущает, как в ней нарастает возбуждение. Гул и оживление. Молодая женщина раздевается перед зеркалом в полный рост. Солнце садится, и свет, льющийся из окна, раскрашивает ее тело в бронзу. Она прикасается к своим соскам. Берет первый набор: атласный бюстгальтер с пуш-апом цвета слоновой кости, отделанный черным кружевом, и маленькие соответствующие трусики, и надевает их. По ее мнению, бюстгальтер делает ее ложбинку такой же, как у моделей в купальниках.

Она стоит и любуется своим отражением, встает под разными углами. Проводит пальцами по мягкому материалу, сначала по бюстгальтеру, потом по трусикам. Проходится пальцами по ягодицам и треугольнику спереди. Она ощущает там припухлость после полдня ожидания. Она прикасается к себе, поначалу робко, но, когда чувствует, как в ней нарастает удовольствие, она ложится на кровать и позволяет своей руке завершить начатое.

После, она лежит в свете сумерек, прислушиваясь к своему грохочущему сердцу и наслаждаясь покалыванием в теле, которое раньше связывала только с сексом с Сетом. Уже темно, когда она

слышит шум перед домом. Она хватается за край кровати. Должно быть, это одна из кошек, думает она, но спешит набросить халат. Она проверит, чтобы успокоиться. Пожурит кошечек за то, что чуть не довели ее до инфаркта. Но затем она слышит кое-что еще, что-то вроде медленных шагов, и знает, что в ее доме посторонний.

Глава 17
Конфиденциально

Йоханнесбург, 2021

КЛ: Я поняла.

Кирстен отправляет «бамп» Кеке.

КК: Бога? Иисуса? Себя? Смысл жизни?

КЛ: Нет, дурочка. Судный день.

КК: Интригует. Давай распрощаемся и отправимся туда.

КЛ: Слишком далеко ехать на твоем байке. Лимпопо. Общее такси? Я могу к часу улизнуть.

КК: Отлично. Встретимся с тобой в рядах Малемы в городе? Можем пересечься там.

***

Сет занят вкусовой диаграммой «СиннаКолы». Каждый вкус имеет специфическую форму, составленную из того, как каждый из них действует на определенные зоны неба и носа. «СиннаКола», например, имеет сложный, многослойный вкусовой диапазон, так что диаграмма очень многомерна, с пиками на некоторых уровнях и примечаниями на других.

Это не так уж отличается от работы, которую он выполнял для «Фармакс». Там он отмечал на карте процесс воздействия созданных им наркотиков, удостоверяясь, что периоды возбуждения и расслабления наступают вовремя, предоставляя максимально возможный кайф и самый мягкий «отходняк». Газированные напитки ничем не отличаются. Кроме ароматов также необходимо отметить на карте уровень газированности, показатель освежаемости и уровень эйфории от сахара и кофеина.

Мужчина почти закончил, диаграмма выглядит хорошо, если можно так сказать. Она стала бы хорошей картиной-абстракцией для красного конференц-зала. Завтра он поработает над вариантами, идеями, как улучшить фактор приятных ощущений и максимизировать задействованность всех вкусовых рецепторов, говоря на языке «СиннаКолы». Сейчас всего два часа дня, но он полагает, что хорошо поработал на сегодня. Он встает, готовясь к выражению разочарования на лице Ласки, но понимает, что того

нет на месте.

Он смотрит в обе стороны по коридору, как при пересечении проезжей части, а затем входит в офис своего менеджера, закрывая дверь с мягким щелчком. Он быстро садится за стол, ударяет по нескольким клавишам, просматривает рабочий стол. Проверяет ящики стола. В них чистота, аккуратность, организованность до степени одержимости, и присутствует один предмет контрабанды: пакетик «Бильхен БлэкСолт». Совсем не так, как должен выглядеть ящик офисного стола. Никаких просроченных батончиков, фляжек со скотчем или пачек сигарет столетней давности. А еще ничего, что помогло бы ему с его миссией.

Компьютер запрашивает пароль. Сет пытается ввести имя жены Ласки, детей, домашней таксы. Их дни рождения. Дату годовщины их свадьбы. Доступ запрещен. От отчаянья он вводит «фальшбургер». Неверно. Попытаться-то стоило. Он идет в отдел Воды, где теперь работает Фиона. Он обходит стороной ее офис и идет к лифтам, нажимает кнопку этажа лабораторий. Шагая внутрь серебристой комнаты, он снимает свой красный шнурок и засовывает его в карман. Надевает на себя синий шнурок Фионы. Пытается не выглядеть подозрительным, когда выходит из лифта и подносит карту доступа Фионы к входу в Лаборатории.

Лаборатории — это гигантский склад со стеклянными стенами, заполненный армией ботаников в белых халатах. Прозрачные двери ведут к прилегающей фабрике, создавая впечатление, что это один огромный, чрезвычайно оживленный холл из стекла. На нем надет его собственный лабораторный халат, так что он в определенной мере сливается с толпой, но все еще чувствует себя так, будто над его головой висит стрелка-указатель, выдающая в нем нарушителя, в стиле Лас-Вегаса, яркая, как конфетка, и сияющая.

Он хватает маску и распыляет на руки мгновенные перчатки. Опуская голову и идя к задней части холла, мужчина мысленно делает по пути пометки. В воздухе витает графика: жидкие 3D дисплеи, анимированные круговые диаграммы, колеблющиеся столбики для кальция и магния. Инфографический рай.

Также вокруг него происходит стерилизация ультрафиолетом, водная озонация, деионизация, обратный осмос, смягчение воды и выдувное формование бутылок из суперстекла. Тикающий баннер над его головой сообщает ему, что это оборудование производит сто тысяч литров воды в час. Ему нужно взять образец, что значит, что ему нужно попасть на фабрику. Он не знает, есть ли у Фионы такие права доступа, но в курсе, что у него может больше не возникнуть такой

возможности. Он поднимает карту к стеклянной двери…

В здании взвывает тревога, такая громкая, как будто раздается прямо в его голове. Бл*ть! Он оглядывается вокруг, ожидая увидеть охранников с наручниками, готовых отправить его в Красную Тюрьму. Он не удивится, если у них есть веселенькие камеры всех цветов радуги где-то в глубинах здания.

Он спешно возвращается к входу Лаборатории, но за ним следуют белые «муравьи». Оглядываясь через плечо, он видит лица в масках и лишенные эмоций глаза, смотрящие в его направлении. Он бросается на выход, пытается сбежать от них, стягивает с себя маску, чтобы нормально дышать. Добирается до лифта и снова и снова нажимает кнопку вызова, бросает взгляд на лестницу и решает идти по ней. Срывает с себя шнурок Фионы.

Мужчина взбегает вверх через три пролета лестницы до офисов "Цветов", делает шаг в коридор и начинает направляться к главному выходу из здания. Он потеет, тяжело дышит и задается вопросом, сможет ли добраться до выхода до того, как его застрелит один из охранников. Внезапно, целая толпа людей движется ему навстречу, как будто в отточенном хореографическом движении.

Впервые, Красные, Желтые, Зеленые и Синие безумно смешались без предубеждений. Как вибрирующие атомы, угрожающие высыпать из здания. Как будто само здание собирается изрыгнуть эту многоцветную мешанину на свои идеальные полы.

«Радужная Блевотина», — думает Сет, удивленный странной фразой. Рабочие, кажется, озадачены тем, что он движется против потока. Рабочая пчелка летит в неверном направлении. Затем, он ощущает твердую руку на своей спине, оборачивается назад, ожидая увидеть охранника, но это Ласка, улыбающийся от уха до уха во всей своей толстогубой красе.

— Сет! — произносит он, румяные щеки пылают.

— Я направлялся… — говорит Сет, делая неопределенный жест рукой.

— Нет, нет, — смеется Ласка, все еще крепко его держа, — ты идешь не туда. Это была не пожарная тревога, это была гала-тревога.

Сет не имеет понятия, что тот имеет в виду, но позволяет Ласке повести его в поток рабочих «Фонтус». Рой пчел кажется радостным. Они собираются в главном конференц-зале, массивном пространстве, заполненном стеклянными экранами, голограммами, каскадными визуализациями, затаренными холодильниками. Люди передают напитки своим коллегам, шутят, что поймали членов команды Желтых за питьем напитков

Зеленых, и наоборот. Единственным продуктом всеобщего потребления считается вода: любой имеет право пить любую из вод, свободный от вины. Все оживленно переговариваются и улыбаются, море ожидающих лиц.

Как правило, общественные собрания заставляют Сета чувствовать себя некомфортно. Как будто он покупается на что-то, становится жертвой группового мышления, это как принудительная клизма «КулЭйд» для мозгов. Белая Ворона. Теперь, крайне взвинченный, вспотевший, он лавирует в угол и проглатывает таблетку «Траникс».

Он пытается найти глазами Фиону, но не видит ее. Да и вчера ее не видел. Толпа расступается перед пришедшим высоким, красивым мужчиной, как море перед Моисеем. Все умолкают. На нем надет приталенный черный костюм (дорогой), его волосы и борода только начали седеть. Широкие плечи и узкая талия, как у супергероя.

Сет сразу же узнает его по полученному от «Альбы» инструктажу: Кристофер Уолден, основатель и генеральный директор «Фонтус», один из богатейших людей в Южной Африке, щедрый меценат. Как и у политиков, у него талант делать добрые дела на показ при любой возможности.

— Добрый день, мои любимые сотрудники.

Он сияет улыбкой. Его белые зубы — центр внимания хихикающей толпы. Учитывая его внешность, можно ожидать, что он будет разговаривать с сильным американским акцентом, но его речь поставлена в одной из частных школ Йобурга. Он делает знак ассистенту, который нажимает на кнопку на пульте управления. Изображения неформальной тематики появляются на разрозненных экранах: мексиканский пейзаж из синих небес и жестяных крыш. Обычные фотографии, используемые для манипуляции: сопливые малыши с сухой, раздраженной кожей, собаки с выступающими ребрами, флажные ленты на чахлых изгородях.

— Это пригород в Тембалихле, всего в сорока километрах отсюда. Эти люди крайне нуждаются в нашей помощи. Они едва могут позволить себе основные продукты, такие как вода, хлеб и маис. Вчера до моего сведения дошло, что пара, оставшаяся там жить, уже пять лет пыталась завести ребенка. Наконец, им было даровано это чудо.

Он сделал паузу, и на главный проектор вышло изображение жизнерадостного малыша. Намазанные вазелином ямочки младенца вызывают хор умиления.

— Это Лерато. Вчера она была госпитализирована с симптомами холеры. Мне не нужно вам рассказывать, как опасна

холера для маленького ребенка. Это произошло после того, как ее мать смешала смесь с серой водой из крана.

Толпа качает головой, щелкает языками.

— Она была в отчаянии. Деньги на еду закончились. У нее не оставалось выбора.

Он делает паузу, чтобы его сотрудники прочувствовали всю тяжесть положения.

— Но мы не будем стоять в стороне и не позволим этому случиться! — заявляет он. — Внизу находятся автобусы. Мы поедем навестить деревню Лерато, чтобы доставить гуманитарную помощь. Еду, парафин, одеяла и воду!

Комната взрывается аплодисментами и улюлюканьем.

— Вы готовы, «Фонтус»? — выкрикивает он.

Раздается волна одобрения. Глаза Уолдена сияют.

— Я вас не слышу! Я спросил, вы готовы, «Фонтус»?

— Да! — кричат все в комнате.

— Вперед, «Фонтус»! — кричит он, выбросив кулак в воздух.

— Впере-е-ед, «Фонтус»! — кричит комната в ответ, и все направляются на выход.

***

Кирстен принесла им кофейные напитки, для себя со сливками, чтобы притупить свою синестезию во время поездки в общественном такси: черный кофе с двойными сливками, экстра с сахарозаменителем для Кеке. И два пончика с ванилью и ксилитом размером с чайные блюдца.

— Ладно, леди, выкладывай, — говорит Кеке, как только они втиснулись впереди. — Куда мы едем, и как ты это нашла?

— Как наше поколение находит информацию?

— Эм-м… Гугл?

— В точку.

Они застряли в пробке. Теперь пробки — редкость, но постоянно происходят, когда Кирстен куда-нибудь спешит. Она высовывает голову из окна, чтобы увидеть, что вызвало задержку. Впереди них выстроились змейкой послушные автомобили.

— Должно быть, это было нелегко со всеми этими витающими вокруг пророчествами о Судном дне, обещающими, что вот-вот настанет последний день. Суицидники, «Постигшие истину», «Воскресители».

— Я никогда не понимала эту толпу «Конец близок», — говорит Кирстен, откидываясь на сидении.

— Я знаю, — отвечает Кеке. — Ты терпеть не можешь, когда люди утверждают очевидное.

— Именно. Конечно же, конец близок! Как только есть начало, появится и конец.

— Я надеюсь, что твой кофе с кофеином. Тебе нужна чашечка оптимизма.

— Я не имела в виду, что все так мрачно, — говорит Кирстен.

— А это можно понять по-другому?

— Да! Я хотела сказать это… не знаю, в смысле дзен. Все начала имеют конец, таков жизненный цикл.

— Так что ты хочешь сказать?

— Ничего. Я просто говорю, что это иронично. Жизнь очень коротка, а эти придурки расхаживают вокруг в своих кричащих футболках, говорящих, что «Конец Близок», они тратят время.

— Поняла тебя. Правда, им стоит прислушаться к своему собственному сообщению и жить своей жизнью. Буквально.

— Именно.

— Так значит, там были сотни глупых результатов на тему «Судного дня»?

— Тысячи! Так что я закончила тем, что начала гуглить вместо этого про душевнобольную леди.

Водитель наслаждается частым нажатием на педали. Комби рывком движется вперед, затем намертво встает, затем снова движется вперед в неловком танце акселератора и тормозов. Он громко разговаривает, не обращаясь ни к кому в частности. У пассажирки рядом с Кеке плохо заплетены волосы, она сверкает золотым передним зубом, подпевая панк-евангелию, играющему в ее бриллиантовых наушниках. Им приходится разговаривать на фоне ее вибрато *(прим.: вокальный прием, характеризующийся быстрым изменением громкости, высоты звука и его тембральной характеристики)*. Несмотря на притупленные чувства Кирстен, все это оживление вокруг дезориентирует ее. Наконец, они видят причину затора: несколько бригад с красными мигалками заполонили шоссе.

— Кто-то должен сказать им, что это скоростная полоса, — бормочет себе под нос Кирстен и получает грязный взгляд от попутчика.

Красные мигалки только у «СурроСистер» и ее сопровождения, их полагается уважать любой ценой и несмотря на неудобства. Водитель прикасается к шляпе, а затем к сердцу, а затем, наконец, проезжает мимо.

— Она могла быть шизанутой, но была еще и, ну… одаренной.

Кеке бросает на нее взгляд, говорящий о заканчивающемся терпении.

— Я серьезно, она была, как по их словам, «высокого интеллектуального развития».

— Кто это так сказал?

— Ее коллеги в «Пропаг8», куда мы и направляемся. Она курировала весь проект. Была био… как же там? Биоовощевод.

Кеке вытаскивает соломинку изо рта, хмурится.

— «Пропаг8» звучит знакомо.

— Это банк семян в старом песчаном карьере. Как «Свальбард» в Шпицбергене, но только местная, более здешняя версия. Они прозвали его «Хранилищем Судного дня».

— Судный день. Ха-ха.

— Первый такой банк построил Вавилов. Ботаник-генетик в тридцатых, он вырос в бедности и голоде, так что стал одержим идеей покончить с голодом. Семена пережили даже Осаду Сталинграда. И Гитлера. Только вот не все защитники.

— Умерли от голода в окружении съедобных семян? — спросила Кеке.

— Очевидно, люди лучше нас с тобой.

— А Вавилов? Стал богатым и известным героем?

— Нет. Он умер в тюрьме.

— Гитлеровской?

— Сталинской.

— Боже правый.

— Может нам не стоит так громко говорить об этом?

Кеке хихикает.

— Что там с твоей леди куку-туту?

— Согласно словам ее коллег, она была лучшей в своей области, в некотором роде гением генетики. Она виртуозно работала с геномом: изобрела все виды устойчивых к болезням и вредителям культур. Получила 99-миллионный грант за свою работу по революционному вертикальному фермерству *(прим.: Вертикальная ферма, по сути, представляет собой многоэтажную теплицу)*. Принимала участие в поразительных сессиях по «мозговому штурму», на которых поделилась своими идеями о дешевом, органическом биотопливе и дизайне для жилых зданий. И она была амбициозной. Я хочу сказать, что «Пропаг8» был ее идеей. Она боялась Судного дня.

Какое-то время они ехали в тишине.

— Так значит, ее паранойя до определенной степени работала на нее.

Кирстен пожимает плечами.

— Раньше, быть может.

Они выходят в десяти километрах южнее от «Бела-Бела». Местное такси везет их от остановки на главной дороге по пыльной дороге до гладкого фасада здания «Пропаг8».

Дизайн фасада из песчаника выглядит осевшим в грунт, создавая впечатление, что половина его находится под землей.

Он такого же цвета, как и окружающий песок и скалы, отчего сливается с ландшафтом, несмотря на то, что является единственным зданием в пределах горизонта.

Здание напоминает Кирстен поэму Шелли «Озимандия», отчего девушка улыбается. Судный день и «Ничего кроме останков». У архитектора, определенно, было чувство юмора.

Кеке идет, чтобы нажать на звонок, но стеклянные двери из дымчатого стекла расходятся в стороны, прежде чем она касается кнопки. Внутреннее помещение огромно, похоже на пещеру и пустынно. На полу мозаикой выложена цифра «8»: Кирстен понимает, что это знак бесконечности. Единственным пятном цвета является то, что похоже на сотню разных суккулентов в африканских глиняных горшках, стоящих вдоль темного стеклянного фасада.

Администратор поднимает взгляд, готовая помочь им, но Кеке жестом показывает, что они знают, куда идут, и слегка подталкивает Кирстен по направлению к двери из нержавеющей стали на противоположном конце пространства. Когда они не доходят до нее два метра, огонек на двери с писком переключается с красного на зеленый (Кашемировая Вишня, а затем Весенняя Зелень), они слышат, как механизм по другую сторону двери отпирается. Тяжелые двери расходятся в стороны, открывая обзор на высокотехнологичный лифт с непонятными кнопками. Вместо аккуратного ряда цифр, обозначающих этажи, располагающихся одни над другими, здесь встроена сложная 3D диаграмма в форме цветка лотоса.

— Цветок лотоса? — спрашивает Кеке. — Она была йогом?

— Семена лотоса жизнеспособны в течение тысячи лет, — отвечает Кирстен.

Она прочитала это, когда искала информацию о хранилище в «Сети».

Пятьдесят два пункта назначения на выбор и все без подсказки. Кеке нажимает ближайшую к ней деталь лотоса. Они вздрагивают, когда двери лифта расходятся в стороны. Когда двери открываются во второй раз, позади показывается темный коридор. Они выходят, над ними загорается свет. Кеке пританцовывает, что-то в стиле капоэйра, и включается еще больше света. Кирстен считает, что весь банк семян находится в полнейшей темноте, кроме этого небольшого освещенного участка.

В конце коридора есть еще одна дверь. Кирстен подходит к ней и протягивает ключ. Огонек по-прежнему горит красным, а дверь заперта. Они возвращаются в кабину лифта и изучают план этажа на одной из его стен.

— Ты помнишь еще что-нибудь, что читала о ее работе здесь?

Кирстен прикидывает так и эдак, пытается использовать гугл на своих часах, но сигнала нет. Она подходит ближе к карте, и одна из кнопок автоматически загорается. На ней подпись: «Sub Rosa», этаж 36. Она разжимает руку, чтобы рассмотреть ключ. Двери закрываются, и в этом раз лифт едет вниз, в глубины старой шахты.

Когда двери со щелчком раздвигаются, они выходят в месте, которое выглядит, как комната с депозитными ячейками, если бы не анимированные обои от пола до потолка. Огромные бутоны роз и цветов (Ржавый Кармин) нежно оплетают стену, как живые. Кирстен пытается сделать снимок своей миникамерой, но эта функция заблокирована. У нее возникает ощущение, будто она смотрит сквозь розовый туман. Ей стоило удвоить количество кофеина в своем кофе.

Кеке забирает у нее ключ и подходит к стене из депозитных ячеек. Ключ проворачивает уже знакомый магический фокус, и ячейка справа, чуть ниже уровня глаз, загорается голубым светом. Кеке нажимает на нее, и она плавно открывается, как ящик комода, размером с обувную коробку. Внутри еще одна коробка с отверстием для ключа, в который Кеке его и вставляет.

— Это похоже на передачу свертка, — шепчет Кеке.

— Передачу чего?

— Ох, — произносит Кеке, — не бери в голову.

Они обе заглядывают в коробку, с опаской, как будто оттуда может что-то выпрыгнуть и откусить им пальцы.

— Пусто, — замечает Кеке.

В жесте отчаяния, она засовывает всю руку в коробку и шарит внутри, просто чтобы развеять все сомнения, убедиться, что коробка полностью, абсолютно, на 100 % пуста. Но она не пуста.

— Эй, — произносит она.

Дальняя сторона кажется другой. Не из текстурированного металла, а из пластика. Она поддевает уголок ногтем и отрывает его, вытаскивает то, что оторвала на обозрение. Это небольшой пластиковый пакет, как пакет для сэндвичей, но четырехслойный и герметичный.

По дороге домой на трассе появляется белый минивэн, затем он исчезает из поля зрения, а затем появляется снова. Он выглядит как еще одно общественное такси, но без его внешних атрибутов: никаких вмятин и царапин, никаких вычурных стикеров на бампере, мехового руля или хула-девушки, свисающей с зеркала заднего вида. Вместо этого: идеальная краска, тонированные стекла. Что-то в этом тревожит Кирстен.

— Я знаю, что это может прозвучать безумно, но… этот

фургон… преследует нас? — хмурится Кирстен.

— Пожалуйста, только не начинай, — говорит Кеке.

— Серьезно, — продолжает Кирстен. — Они едут за нами последние десять минут.

Кеке оборачивается посмотреть на автомобиль, затем разворачивается на сто восемьдесят градусов и продолжает играть на телефоне. Белый минивэн агрессивно виляет и слишком близко приближается к такси. Кирстен начинает паниковать.

— Они знают, что он у нас. Они пытаются остановить нас.

— Перестань, — рычит Кеке.

Когда она возвращает взгляд на экран, их такси ударяют в бок. Минивэн поворачивает, а затем разворачивается, чтобы ударить по ним снова, отчего пассажиры кричат, а водитель хватается за шляпу и снимает ее, концентрируясь на том, чтобы удержать автомобиль на дороге.

Раздается скрежет металла, когда фургон с силой ударяет по такси, пытаясь вмять его в дорожное ограждение. Водитель такси сохраняет спокойствие, набирает скорость, возвращается на дорогу. Кеке толкает Кирстен вниз и накрывает ее собой. В них снова врезаются, еще сильнее, и они слетают с дороги, машина заваливается набок. Их водитель старательно крутит руль, чтобы они не перелетели через ограждение, затем исправляет крен и врезается в пикап, почти прокатившись по автомобилю.

Их автомобиль качается из стороны в сторону на двух колесах, а затем благополучно приземляется на асфальт. Белый минивэн уезжает. Машины вокруг лавируют и гудят, люди кричат. Внутри такси тишина, едкий запах горящих тормозов. Поблескивают разбитые стекла.

Запись в журнале
15 апреля 1988 года, Вествилль

В новостях: *бомба преждевременно взрывается возле кинотеатра Претории «Стерланд», погиб террорист и ранен прохожий. Пассажиры рейса 422 «Kuwait Airways» по-прежнему удерживаются в качестве заложников (прошло уже 11 дней), Ливанские партизаны требуют освобождения семнадцати мусульман-шиитов, сборщиков бомб, удерживаемых Кувейтом.*

Что я слушаю: *Джони Митчелл — «Chalk Mark in a Rainstorm»*

Что я читаю: *Маргарет Этвуд — «Рассказ служанки». У меня такое ощущение, будто это книга обращается напрямую ко мне, заставляя меня пересмотреть свою жизнь.*

Что я смотрю: *«Битлджус».*

Мой психотерапевт говорит, что это хорошо записывать свои чувства на бумаге, так что вот она: неприкрытая правда. Я не думаю, что таблетки помогают. Люблю детей больше жизни. Люблю, честно, они как будто живут в моем сердце. Я не могу представить жизни без них.

Но также я чувствую себя загнанной в ловушку. Я так молода, а нахожусь здесь: стираю, убираю, меняю подгузники, в то время как должна путешествовать, заводить друзей, зарабатывать деньги и просто ЖИТЬ. Я чувствую себя так, будто застряла, иногда жизнь кажется мне адом из мочи, какашек и рвоты, адом, который я не выбирала.

Я скучаю по дому и своей семье, пусть мы и не особо ладили. Мне грустно, что они не приедут навестить внуков. Я люблю П. Иногда я думаю, что, должно быть, он жалеет, что женился на мне: я не представляю, как он может находить меня привлекательной, когда я похожа на зомби с растяжками и мешками под глазами. В иной раз я думаю, что я такая хорошенькая и молодая (внутри!), что я должна была бы гулять и ходить на свидания с другими мужчинами, ходить с ними в рестораны, получать цветы и поцелуи на прощание.

Не хочу есть, потому еда в некотором роде связывает меня с землей, а я хочу быть свободной. Я вижу, что одежда стала на мне болтаться, и мне нравится иметь внешнее визуальное подтверждение тому, что я чувствую внутри.

У меня есть ощущение, что я загубила свою жизнь, что мне не для чего жить. Даже хоть я знаю, что это неправда, чувствую себя именно так, вот почему мне так тяжело вставать по утрам. А когда я встаю, дети плачут и плачут, и мне просто хочется выброситься из окна.

Всепоглощающая любовь к близнецам то приходит, то уходит. Иногда я держу одного из них на руках и укачиваю, то ощущаю такую сильную с ними связь, что думаю, что не может быть момента прекрасней. А в следующую минуту что-то происходит: я поскальзываюсь на пролитом молоке, стиральная машинка прекращает работу, Кейт рвет на мой чистый топ, Сэм начинает кричать, затем они оба принимаются кричать, на кухне начинается потоп, и я понимаю, что у нас закончились хлопья на завтрак. Я просто не могу все это вынести, и мой мозг отключается.

В такие дни у меня возникает желание просто сбежать. Оставить П. и близняшек. Не быть трусливой, но быть храброй, спасти свою жизнь. В такие дни в машине у меня возникает тревога, потому что мое тело и разум хотят вжать педаль газа до упора и уехать куда угодно, лишь бы подальше отсюда. В другую

область. Другую страну. Или даже въехать в мост. Но затем я собираюсь с мыслями, дышу и пытаюсь прислушаться к своему сердцу, которое тянется к детям, сладким малышам, моим прекрасным Сэму и Кейт, и оно говорит мне остаться.

Глава 18

Позаимствованный медицинский костюм

Йоханнесбург, 2021

Мужчина, одетый, как санитар, прикладывает, покрытые латексом пальцы, к запястью Уильяма Сорайи, нащупывает пульс. Тот медленный и ровный. Нет необходимости делать это: атлет подсоединен к множеству мониторов. Он суетится по комнате, переставляет гигантские букеты цветов и корзинки с фруктами и конфетами. Любуется медалью — первым Олимпийским золотом Сорайи — на прикроватном столике. Ее местоположение кажется отчаянной мольбой: «Однажды ты был быстрейшим человеком в мире, ты сможешь с этим справиться. Пожалуйста, очнись».

Санитар достает то, что выглядит, как ручка, из своего кармана, нажимает на нее так, будто хочет сделать запись в карте Сорайи, и протыкает ей трубку капельницы. Далее процесс будет протекать достаточно медленно, чтобы обеспечить его девяносто секундами, чтобы успеть покинуть больницу. Пока он здесь, тревога не поднимется. Он берет медаль и вскользь отправляет ее в карманы брюк, отправляясь на выход. Медаль холодит его бедро.

Для него это горькое чувство, уходить, пока его цель все еще дышит. Ощущается неправильным, особенно, после того, как авария, которую он подстроил, не закончилась смертельным исходом. Все же, есть и другие. Он идет по коридору так быстро, как только может, чтобы не вызвать подозрений. Вдыхает горячий воздух через медицинскую маску — реквизит для любого врача, санитара, пациента или посетителя больницы. Она большая и закрывает большую часть лица, что очень удачно. Больница — то место, в котором легче всего убивать. Позаимствованный медицинский костюм маскирует остальные части его тела, выдавая лишь крупное телосложение и рост. Но никто не скажет: тут был санитар со шрамом от ожога на руке.

Глава 19

Пираньи

Йоханнесбург, 2021

Сет приходит домой в полночь. Он пил в «Томми Ноккерс», и его слегка шатает. Такси подкинуло его до дома — любезность Ролло. Поднявшись по лестнице на семнадцатый этаж, мужчина

вбивает код — 52Hz — и после сканирования сетчатки глаза отпирается входная дверь. Дверь со щелчком открывается, и его приветствует Сэнди. Он показывает средний палец в сторону динамика. Он проверяет все экраны безопасности, видит, что тут никого нет.

Зная, что выпил слишком много, он пожимает плечами и наливает водку на несколько пальцев в стакан со льдом. Относит его к своему «Тайлу», чтобы проверить сообщения. Он проверял их весь день, чтобы узнать пыталась ли связаться с ним Фиона, но ничего нет.

Все, что он видит, одна новость за другой о смерти в больнице Уильяма Сорайи. Он пытается заблокировать новость в своей ленте, но она продолжает появляться у него на экране, как будто, преследуя его, как будто хочет сказать: это мог быть ты. Ты думаешь, что неуязвим? Так думал и Сорайя. Теперь он лежит в морге с множественным отказом органов, потому что именно так и происходит с такими людьми, как ты.

Невозможность связаться с Фионой только усиливает его тревогу. Он не знает, где она живет, не знает ее друзей и членов семьи, отчего становится нереально с ней связаться, если ддевушка не приходит на работу и не отвечает на звонки. Это беспокоит его: Фиона не из тех девушек, которые просматривают экран и решают ответить на звонок или нет, не из тех, кто не приходит на работу два дня подряд. Он достает ее карту доступа «Фонтус» из кармана толстовки и рассматривает ее. Он испытывает вину и вспоминает ее ясные голубые глаза, розовеющие щеки. Никто не упомянул об ее отсутствии на работе. Пираньи.

Он включает «Тайл», делает глоток водки. Зеленый кролик мерцает: чуть ранее вечером «FlowerGrrl» отправила ему «бамп».

FlowerGrrl: Эй, SD, что нового и как ты там? Думала, что «Фонтус» уже у тебя в кармане.

Он знает, что она шутит, но, тем не менее, ощущает давление с ее стороны. Провел там уже недели и не добился особого успеха. Мужчина посчитал, что Фиона станет его билетом, но она пропала без вести. Его пьянка сегодняшним вечером имела определенную цель: он хотел заглушить все чувства, которые были похожи на беспокойство о ней. Это не сработало. Чем больше он пьет, тем очевиднее становится, что впервые в жизни он о ком-то переживает.

Сет отвечает «FlowerGrrl».

SD: Делаю успехи, скоро что-нибудь найду.

Не умывшись и не почистив зубы, и все еще в куртке, он забирается в постель со скользким стаканом водки. Вынимает пузырек таблеток из кармана, высыпает две, запивает их спиртным. Неуклюже прикрывается одеялом и засыпает со включенным светом.

Снаружи здания крупный мужчина гуляет с собакой. Собака останавливается, чтобы понюхать содержимое канавы. Мужчина использует это время, чтобы осмотреть вход в здание, получше понять систему безопасности. Возвращаясь назад, он бросает взгляд вверх на квартиру на семнадцатом этаже, где все еще горит свет, расположенную на углу здания. Он увидел достаточно и издает чмокающий звук: тянет сопротивляющегося бигля, твердо, но не со злобой.

***

Часы Кирстен издают звон: это Мармелад. Ох, дерьмо, она проверяет время, а затем переводит взгляд на две пустые бутылки из-под вина на столе Кеке. Голограмма часов тикает с неодобрительным звуком. Она касается кнопки на ухе, чтобы ответить на звонок.

— Привет, извини, я опаздываю, — говорит она, ее голос хриплый ото сна.

Одаривает Кеке выражением лица «девушка в беде».

— И не позвонила, — отвечает он.

— И не позвонила. Прости.

— Я беспокоился о тебе.

— Прости.

— Когда приедешь домой? Я приготовил ужин. Четыре часа назад.

— Ах, прости! Я не знала. Ты должен был сказать мне.

Она встает, бросает в мусорную корзину два пустых, заляпанных соусом, пластмассовых контейнера от гамбургеров, которые на вкус были как пенопласт.

— Я хотел сделать тебе сюрприз. Сделать для тебя что-то приятное.

— Мне, правда, жаль. Я с Кеке.

Кеке мягко пинает ее по голени.

Она вздрагивает и подскакивает на месте.

— В «Офисе». Мы работаем над… материалом.

— Хорошо, разбуди меня, когда вернешься домой.

— Я вернусь поздно.

— Разбуди меня, Котенок. Скучаю по тебе.

Он завершает звонок. Они никогда не говорят друг другу

«Люблю тебя». Они давным-давно согласились, что эта фраза затерта до дыр и банальна. Они не станут опускать свои отношения до уровня клише. То, что между ними, гораздо выше.

— И как сильно ты накосячила? — спрашивает Кеке.

— Он приготовил для меня ужин-сюрприз.

Кеке бросает взгляд на время на своем телефоне.

— Ой.

— Он хотел сделать для меня что-то приятное.

— Дважды ой.

— Так, где мы были? — спрашивает Кирстен, но Кеке странно на нее смотрит.

— Что?

— С каких пор ты врешь Джеймсу?

— Что? Я не врала. Я не вру.

— Мы работаем над «материалом»?

— Ну, — произносит Кирстен, — мы и работали, в некотором смысле. Разве не так?

Кеке надувает губы, Кирстен ее не убедила.

— Ты та, кто говорит, что у всех есть, что скрывать. Может быть, это то, что есть скрывать у меня. И, поверь мне, чем меньше Джеймс знает, тем лучше.

Они возвращаются к решению задачки, над которой трудятся всю ночь: пытаются понять код, который нашли в пластиковом конверте из банка семян. Это список штрих-кодов, которые, когда сканируются, преобразуются в цифры по восемнадцать чисел в строке.

100380199121808891
104140199171209891
20290199142117891
20201199161408891
101250199160217891
201250199160217891
1010199112016891

Они все начинаются с чисел 10 или 20, все содержат 1991 в одном и том же месте около середины, и оканчиваются на 891. Чем больше вина пьет Кирстен, тем больше цифры начинают светиться своими цветами. Это отвлекает. По этой причине, она никогда не была хороша в математике.

— Я не знаю, сколько еще смогу смотреть на них, — говорит она, потирая шею, которая стала побаливать после автомобильной аварии. — Ты уверена, что не знаешь никаких гениальных-математиков-взломщиков-кода?

Кеке качает головой.

— Не-а.

Они перепробовали все, что только пришло в голову, от простого алгоритма, где «а» равно «1», до квадратов и простых чисел, и всех поисковых систем, которые вспомнили. Кирстен играет с «Манящей кошкой» Кеке *(прим.: распространенная японская фигурка, часто сделанная из фарфора или керамики, которая, как полагают, приносит ее владельцу удачу)*. Если нажать на пупок, то с другой стороны, как крошечный хвостик, появится USB-порт. Тайное место для хранения информации.

«Манэки-нэко, — думает она, — *японская кошка, приносящая удачу».* Приносит достаток владельцам. Она пожимает лапку из твердого пластика и ставит обратно на стол Кеке.

— Слушай, у нас выдался суматошный день, мы сегодня вечером никуда не продвинемся, — Кеке вздыхает и встает. — Езжай домой к Мармеладу и помирись с ним.

Кирстен начинает было протестовать, но понимает, что Кеке права.

— Кроме того, — говорит Кеке, надевая свою кожаную куртку. — Мне нужно потрахаться.

***

Как только Кирстен отпирает входную дверь, она ощущает запах жареной курятины, ее любимой. Джеймс оставил для нее тарелку на кухонной столешнице: сочное бедро, обжаренный на масле картофель и сваренная в сиропе золотистая свекла. Она снимает пальцами липкую корочку с курицы и начинает есть. Ужин идеальный, вкус: волнистая кривая с несколькими маленькими точками, отскакивающими от нее, заканчивающийся колеблющейся линией. Она устала, ощущает больше, чем усталость. Летаргию.

Она закоченела, когда залезает в постель рядом с Джеймсом, и не уверена, стоит ли его будить. Девушка придвигается к нему ближе, едва касается его, пытаясь понять, насколько глубоко он спит.

— Спасибо, — шепотом говорит она, — картошка была вкусной.

Он что-то бурчит, поворачивается и притягивает ее к себе в объятья. Теплая, сонная рука скользит ей под верх пижамы, поглаживает ее спину, а затем устраивается под ее трусиками, на изгибе бедра. Она трется об его руку, медленно, ритмично, но останавливается, когда понимает, что он уснул.

Несколькими часами спустя Кирстен просыпается от испуга. В ее голове круговерть из цветов: зеленого, серого, коричневого, желтого. 7891. Она настолько хорошо знает комбинацию, но

откуда? Сосна, Пепел, Полированный Меранти, Английская Горчица. Каким-то образом она знает, что это часть ее. Затем она понимает. Она отправляет «бамп» Кеке, несмотря на то, что сейчас два часа ночи.

KD: Цвета в обратном порядке!

К удивлению, или нет, Кеке отвечает.

KK: Чем ты там занимаешься? ЛСД *(прим.: ЛСД— наркотик, вызывающий галлюцинации)*?

KD: Должно быть, желтый/коричневый/серый/зеленый.

KK: Тебя пора класть в спецучреждение. Спокойной ночи и удачи.

KD: Не 7891, а 1987, год моего рождения. Думаю, что вся последовательность написана в обратном порядке. Там написано 60217891, это дата моего рождения, наоборот. 6 декабря 1987 года. Эта дата указана дважды, на пятой и на шестой строчке. Это должно что-то значить. Я знаю цвета, но их тяжело увидеть, когда они написаны наоборот.

KK: Что насчет других цифр?

KD: Без понятия.

KD: Но все же.

Глава 20
Игрушечная гонка

Йоханнесбург, 2021

Несмотря на позднюю ночь, Сет уже в офисе. В теории, он пытается настроить свою трехмерную математическую модель вкуса «СиннаКолы», но у него пульсирующая головная боль, а пропуск Фионы прожигает дыру в его кармане. Он запивает свою тревогу несколькими таблетками и покидает офис, направляясь прямиком к крылу здания, где располагаются Воды. Он проходит мимо офиса Фионы. Ему приходится оглянуться во второй раз, так как он видит Фиону, сидящую за своим столом. Облегчение ощущается всплеском воды на его лице.

— Фиона! — окликает он.

Брюнетка за столом поднимает на него растерянный взгляд.

— Привет?

Это не Фиона. Выглядит похожей, более худой, более привлекательной.

— Ох, — произносит Сет, делая шаг назад и рассматривая новое имя на двери. — Ты не знаешь, где Фиона?

— Я не знаю Фиону, — отвечает узурпаторша. Механическая

улыбка, вишневая помада на губах — от нее так и веет Степфордом. — Могу я помочь вам чем-нибудь?

Она предельно вежлива: хочет, чтобы он ушел.

— Это ее офис, — произносит Сет в недоумении.

Она смотрит на него и хлопает ресницами, уже не улыбается.

— Больше нет.

Несмотря на свое благоразумие, Сет подходит к главной стойке администратора. Администратор выглядит встревоженным.

— Фиона Боутс, — называет он, — она не приходит на работу, и мне интересно, знаете ли вы, где она.

Мужчина теребит пальцами волосы, стучит по планшету, изображая веселое недоумение.

— Никаких записей о Фионе, работающей здесь, — отвечает он.

Сет хочет притянуть его за бабский галстук и ударить в лицо. Он изо всех сил пытается успокоиться. Ему не стоит быть здесь и задавать вопросы, привлекая к себе внимание.

— Проверьте еще раз, — просит он.

Мужчина продолжает свои постукивания, прикладывает инфобот отдела кадров к уху.

— Боутс, — произносит он, — Фиона.

Через мгновение он завершает звонок.

— Оказывается, мисс Боутс уехала в бизнес-поездку. В Азию. Ее возвращение ожидается не скоро.

— В Азию? — бормочет Сет. — Это лучшее, что вы можете сделать?

Увидев взгляд Сета, администратор делает шаг назад, несмотря на стойку, которая их разделяет. Он бросает беглый взгляд на армию охранников. Сет отступает. У него есть пять, может быть, десять минут, прежде чем кто-то, наделенный властью, поймет, что о нем необходимо позаботиться.

Он бежит в крыло Воды и использует карту доступа Фионы, чтобы войти в лабораторию, спешит надеть маску. Как только он входит на фабрику, ему становится легче затеряться среди гигантских сосудов с водой, он устремляется мимо датчиков, графиков, тикающих циферблатов. Фиона сказала ему, что кран в конце всех бочек и клапанов, чуть раньше розлива, тот, откуда наполняются тестовые образцы.

Сет забирает пробу «Анахиты», заменяя ее пустой пробиркой, и убирает образец в карман. Затем он проходит в секцию «Тетис», а затем «Гидры», и повторяет процесс. Камеры повсюду.

Как только он выходит из лаборатории, бросает маску в мусорную корзину, взбегает по лестнице к своему офису, чтобы забрать свой «Тайл», но сразу же ощущает, что его кто-то преследует. Он ускоряет шаг. Уже собирается повернуть в свой офис, когда видит их: трех охранников, вооруженных до зубов и готовых наброситься на него. Доберманы, завидевшие кролика. Они уже собираются его схватить, когда перед ними на пути встает Ласка.

— Нет, нет, — произносит он. — Говорю же вам, возникла какая-то ошибка.

Причинение вреда невинному сотруднику «Фонтус» будет иметь последствия.

— Чей приказ? — требовательно спрашивает Ласка, его рубашка с белым воротником туго натягивается на спине, когда он вступает в борьбу с громилами, когда они пытаются обогнуть его, но Сет уворачивается от их хватки.

Он стремглав бросается в свой офис и запирает двери. Хватает свой рюкзак и выпрыгивает из окна на узкий балкончик. Со всех ног бежит к задней части здания и спускается по перфорированной металлической лестнице пожарного выхода. Как только его ноги соприкасаются с землей, он угоняет гольф-карт «СиннаКолы», садится в него, срезает расстояние через беседку, отправляя в полет подносы с закусками на завтрак и бокалы с коктейлями «Бакс Физ». Официант во фраке стоит столбом с отвисшей челюстью. Сет поворачивает за угол, ведущий к сквош-кортам, едва с ним разминувшись.

Он слышит преследователей за своей спиной, они едут на турбо-картах с мигалками. Они проезжают мимо бассейна, череды ресторанов, мини поля для регби. Это как играть в копов и грабителей в «Игрушечном мире». Он видит выход, но на той скорости, что они приближаются, они остановят его до того, как Сет туда доберется. Пуля со свистом пролетает мимо его головы. Другая врезается в его карт. Игрушечная гонка, но с настоящими пистолетами и пулями.

Звучит глухой хлопок, и его карт вихляет и опрокидывается, катится кубарем, Сет вываливается из него. Он встает, ориентируется в пространстве, замечает, что у него идет кровь из головы. Ощупывает образцы с водой, чтобы убедиться, что они целы. Три охранника выходят из своего транспорта и наставляют на него оружие отточенным движением. Тестостероновое трио. Скоро прибудут и другие. У Сета нет выбора: он тянется в кобуру на лодыжке и вытаскивает свой пистолет. Они все начинают выкрикивать ему приказы, заглушая друг друга.

— Опусти свое оружие! — кричит тот, что со светлой

короткой стрижкой.

— Это ты опусти свое еб*нное оружие! — кричит Сет, снимая пистолет с предохранителя.

Никто не двигается.

— Предупреждаю вас, мистер Деникер, мы используем против вас силу, если вы не пойдете с нами.

— Мы просто хотим поговорить, — вторит другой.

Сет отступает назад, по направлению к выходу. Мужчины напрягают руки, каждый хочет сделать выстрел. Несостоявшиеся посредственности с зудящимися пальцами: опасно.

— У вас есть семьи, дети, — кричит он им. — Мне, бл*ть, терять нечего. У меня никого и ничего нет. Лишь вам есть, что терять.

Они не спускают с него взгляда. Затем, медленно, самый молодой из них опускает пистолет. Другие кричат на него, ругают, но мужчина засовывает свой пистолет обратно в кобуру на бедре и отходит назад.

— Вы двое: вы готовы сделать ваших жен вдовами ради еб*нной бутиллированной воды?

Они ничего не отвечают, но продолжают приближаться, пока он медленно движется к выходу. У Сета нет выбора: он нажимает на курок и посылает пулю в ногу светловолосого. Мужчина вскрикивает от боли, падает на землю, направляет свой пистолет на Сета, нажимает на курок, промахивается, стреляет и промахивается снова. Теперь пустой, пистолет упавшего мужчины беспомощно щелкает в направлении Сета, мужчина испускает рев недовольства. Брызги слюны на солнечном свете. Другой мужчина не знает, что делать. Он выглядит шокированным от вида крови и, кажется, не хочет стрелять и не хочет быть застреленным. Его пистолет все еще поднят, но наставлен под плохим углом.

— Скажи им, чтобы открыли выход, — приказывает Сет.

— Нет! — кричит светловолосый ежик.

Он протянул руки в сторону, будто желая удержать другого мужчину. Сет направляет пистолет в сторону бедра невредимого мужчины.

— Подожди! — выкрикивает мужчина, — подожди, — и бросает оружие вперед, на траву, начинает говорить по рации.

— Мы схватили подозреваемого. Дай отбой тревоги и открой выход. Повторяю: подозреваемый задержан, все чисто.

В ответ слышится подтверждение.

Сет подбирает брошенный пистолет.

— Дай мне свою карту доступа, — требует он.

Мужчина повинуется. Он размышляет о том, ради чего или

кого живет этот мужчина.

Тридцать секунд спустя, Сет выходит из владений «Фонтус» и растворяется в цветастом потоке утренних тук-тук и такси. До настоящего момента он не был уверен, что «Фонтусу» есть что скрывать.

Глава 21

Красные отпечатки пальцев

Йоханнесбург, 2021

Кирстен отрывает глаза от экрана, чтобы подумать, и видит папку, которую собрала о своей матери. Она открывает ее, просматривает жуткие иллюстрации, рассеченные фигуры на бумаге, свидетельство о рождении на папирусной бумаге, видит цвета. Она думает, что это конец папки, но затем снова находит вырезку из журнала, ту, что была в рамке на складе. Милый ребенок, но не она. Дата на обратной стороне гласит: 1991 год.

Она откладывает папку в сторону и вбивает в поисковик гугла: 1991 год. Она просматривает южноафриканские сайты: крикет в Южной Африке подвергся санкциям, продолжилось политическое насилие, Надин Голдимер получила Нобелевскую Премию по литературе. 1991 год желтый, коричневый, коричневый, желтый. Цвет не очень красивого цвета. Она не может представить, чтобы этот год выдался для кого-нибудь счастливым.

Даты рождения, если это даты рождения, думает Кирстен, все довольны близки по времени. От 1986 до 1988 года: максимум два года разницы. Итого, семь людей, рожденных примерно в одно и то же время. А второй набор дат содержит везде 1991 год. Ее часы звонят, заставляя ее подпрыгнуть. Она включает свой «ТайлКэм» и отвечает на звонок.

— Привет, — улыбается она.

Девушка рада видеть Кеке, а вот Кеке не улыбается в ответ.

— Послушай, ты в беде.

— Какой?

— Ты должна покинуть свой дом.

— И кто теперь параноик? — смеется Кирстен.

— Рви оттуда когти, Котенок. Список, это… в некотором смысле… отравленное письмо-цепочка. Это не просто список. Это список целей.

— Помедленнее, Кеке. Ты выглядишь так, будто страдаешь манией.

— Меня поблизости, бл*ть, нет, Кирстен, выслушай меня. Ты в списке.

— Серьезно, тебе надо успокоиться.

— Кто-то желает тебе смерти. Тебе нужно покинуть квартиру.

— Ты говоришь ерунду. Зачем кому бы то ни было желать мне смерти?

— Марко… он разгадал этот сумасшедший алгоритм и соотнес даты с недавно умершими людьми. Они умерли в течение последних нескольких недель. Люди, рожденные в эти годы, цифры в конце строчек, они мертвы. С первой, второй, третьей, четвертой строчки, они все мертвы, в таком порядке. Шизофреничка была на третьей строчке. Уильям Сорайя на второй. А до него, музыкант в ванне.

В ней разгорается паника: змеевидные отростки желтого дыма (Больной Лист). Бетти/Барбара говорила что-то о музыканте.

— Музыкант в ванной? — спрашивает она.

— Он утонул.

— В ванне?

— О, Бога ради! — кричит Кеке. — Просто уйди ты нах*й уже из этого дома!

— Но все это какая-то бессмыслица!

— Послушай меня, Котенок. Номер четыре — женщина в парке. Мертва. Ты номер пять. Ты следующая в списке.

— Я следующая в списке.

— Ты или человек с такой же датой рождения. Ты пятая или шестая.

— Подожди, ты хочешь сказать, что сумасшедшая леди была права?

— Поговорим об этом после. Иди в полицейский участок. Я встречусь с тобой там.

— Ладно.

— Ладно?

— Подожди. Нет. Она сказала никаких копов, Бетти/Барбара сказала никаких копов.

— Ну, тогда просто выбирайся оттуда. Они знают, где ты живешь. Двое из них были убиты в собственных домах. Уходи и отправляйся куда-нибудь, где много людей.

— Но ты сказала… номер четыре была убита в парке?

— Боже правый, Котенок, я задушу тебя сама.

— Ладно. Хорошо. Я отправлюсь в безопасное место.

Даже, если это просто какое-то глупое недопонимание. Неважно. Даже если это лишь для того, чтобы у Кеке не случился сердечный приступ.

— Хорошо, — говорит она, — я ухожу.

Когда она встает, неожиданная мысль почти сбивает ее с ног.

— Что насчет чипа? — шепотом спрашивает она.

— Какого чипа?

— Микрочипа. Сумасшедшая леди сказала, что у нее в голове был отслеживающий чип.

Недавним трендом стало то, что чрезмерно опекающие своих детей мамочки, стали вживлять чипы детям в шею, но это стало легальным лишь несколько лет назад. Руки Кирстен взмывают к голове. Она пытается ощупать свой скальп, но ей мешают это сделать волосы.

— Трекер? Это же невозможно, верно?

— Нет. Я не знаю. Я просто хочу, чтобы ты покинула это место.

— Но, если ты права насчет списка, тогда Бетти/Барбара была права, и она рассказала мне о чипе. Что значит, они найдут меня, где бы я ни была. Я нигде не в безопасности.

— Да, — отвечает Кеке, — если она была права.

— Но ты сказала, что она была права.

— Я не знаю, что говорю!

— Мать твою, Кеке!

— Версия с чипом кажется невероятной, но даже если это правда… Допустим, в твоей голове чип. Что ты сможешь с этим сделать?

— Оставайся на связи, — говорит Кирстен и убегает к шкафчику в ванной комнате.

Она хватает бритвенную машинку Джеймса. Она садится перед экраном и проводит жужжащей бритвой от основания своего черепа до лба. Кеке испускает шокированный возглас: почти рыдание. Масса красных локонов лежит на полу к тому времени, как Кирстен заканчивает свою работу. Жужжание останавливается, Кирстен лыса. Она пробует ощупать голову снова на предмет странностей.

— Такие вещи могут… перемещаться, — говорит Кеке в сильных эмоциях, — он может быть, где угодно.

Пальцы Кирстен замирают на затылке. Чуть ниже середины есть уплотнение, бугорок. Она нервно сглатывает. Кирстен не верила, что он существует, до этого момента. А теперь вот он, под ее пальцами.

— Кажется, нашла. Что теперь?

Кеке смотрит на нее глазами размером с блюдца. Они обе знают ответ.

— Дай мне позвонить Джеймсу, — просит Кеке, — позволь ему это сделать. У него есть нужные… инструменты.

— Ты и вправду веришь, что он поверит во все это? — кричит Кирстен. — Что я в списке киллера и что у меня еб*нный отслеживающий чип в голове? Мне нужно вытащить его сейчас.

Сейчас же!

Она убегает в свободную комнату и начинает копаться в вещах Джеймса. Это комната, которую они используют для хранения ее фотографического оборудования и его медицинских инструментов, тут всегда беспорядок. Она не может найти скальпель.

Пока она ворошит вещи, из заднего кармана его докторской сумки выпадает белый конверт. Поначалу, она не обращает на него внимания, сосредоточенная на своих поисках, а затем замечает, что на конверте написано ее имя и адрес. Адрес этой квартиры. Она теперь вспоминает, что не так давно, когда она зашла сюда и натолкнулась на него тут, он подпрыгнул.

— Ты меня напугала, — сказал он, засовывая белый кусок бумаги в свою докторскую сумку.

— Прости, — сказала она, забирая линзы с подоконника. — Просто хотела взять это.

Она больше об этом не думала, кроме, может быть, того, что заметила, они были крайне вежливы друг с другом: плохой признак в отношениях.

Девушка кладет конверт в карман и продолжает искать что-нибудь острое, пока не обыскивает каждую сумку. А затем вспоминает о карманном ноже в своей сумочке. Она торопится обратно к своему столу, открывает его и со щелчком выдвигает лезвие.

— Нет! — шепчет Кеке, закрывая глаза. — Ты не можешь!

Кирстен хватает бутылку водки и немного хирургической ваты. Она протирает лезвие и затылок. Подносит нож к своему обстриженному скальпу, нащупывает бугорок и делает глубокий вдох. Она трусит, опускает нож и делает большой глоток водки, а затем еще один, и пытается снова. В этот раз она сделала надрез до крови, разрезав кожу, как раз над чипом. Она ждет, пока не завершит разрез, прежде чем закричать от боли. Кеке закрыла глаза, но кричит за компанию. Кирстен пытается вытащить его, но у нее трясутся пальцы, и они скользкие от крови. Она сдается и вытирает их об джинсы.

— Пинцет! — советует Кеке.

Несмотря на слезы, застилающие глаза, Кирстен находит пинцет в своей косметичке, обрабатывает его спиртом и начинает копаться им в ране. Каждое движение острого металла в ране посылает оранжевые потоки боли вниз по ее шее и спине. Она чувствует себя так, будто вся кровь отхлынула от ее головы и что она вот-вот упадет в обморок, но затем она подцепляет что-то, что, она надеется, является чипом, и вытаскивает это. Она подносит пинцет к камере, и там, в ее увеличителе видно, что это

крошечный микрочип в стеклянной капсуле. Предательская крошечная вещь, размером с рисовое зерно. Теплая жидкость течет вниз по шее Кирстен, а затем между лопаток. Кирстен шатает в кресле. Она подносит вату к ране, чтобы остановить кровотечение, а затем отрывает кусок пластыря и наклеивает на рану.

— Выпей еще водки, — советует Кеке, но Кирстен чувствует слишком сильное головокружение, ей хочется сохранить ясность мышления.

— Я нашла это, — констатирует Кирстен.

Ее речь смазана из-за болевого шока и алкоголя. Конверт покрыт красными отпечатками пальцев. Она пытается открыть его своими трясущимися руками. И сдается.

— Я не знаю, куда пойти.

— Иди куда угодно, просто выбирайся оттуда!

— Мне нужно предупредить других людей в списке.

Запись в журнале
Вествилль, 2 июля 1988 года

В новостях: *заминированная бомба взорвалась рядом с входом на стадион «Эллис Парк» в Йоханнесбурге. Два человека убиты, 37 ранены. Бомбы, бомбы, бомбы. В каком мире будут жить наши близнецы?*

Что я слушаю: *Трейси Чапмен. Влюбилась в нее после просмотра бутлегеровской видеокассеты с ее потрясающим выступлением на праздничном концерте в честь семидесятилетия Нельсона Манделы на стадионе «Уэмбли». Говорит о Революции!*

Что я читаю: *«Радикальное Садоводство: Политика, Идеализм и Восстание в Саду» (Джордж Мак-Кей).*

Что я смотрю: «*Кто подставил кролика Роджера?»*

Я не знаю дело ли в таблетках или в сеансах с моим психотерапевтом или просто в том факте, что близнецы стали спать по ночам, но я чувствую себя НАМНОГО ЛУЧШЕ! Я почти что чувствую себя снова собой. Это как глотнуть воздуха после долгого глубокого погружения в холодное черное озеро.

П. нанял помощницу по хозяйству, чтобы помочь мне с детьми. Она приходит по вторникам и четвергам, стирает и убирается (обычно с одним из близнецов, устроившимся на спине!). Это дает мне время и пространство, чтобы просто «пожить». Кто знал, что для этого тоже нужно время? Но этим я и занимаюсь. Я работаю в саду, читаю книги, а затем вновь чувствую готовность к материнству. Я больше не чувствую себя подавленной.

Ощущаю себя лучше, выгляжу лучше, я даже как-то надела

новое платье и пошла с детьми на прогулку. Снова чувствую голод, мне нравится готовить и есть.

П. рад меня баловать. Он купил мне одежду и красивое ожерелье, и мы даже наняли нянечку на вечер и пошли на ужин, как раньше. Я ела вырезку и картофель со сметанным соусом, а П. наблюдал за тем, как я ем так, будто никогда не видел, чтобы кто-то ел стейк.

Мой психотерапевт говорит, что у меня будут хорошие и плохие дни, пока мне будет становиться лучше, и вскоре хороших дней станет больше плохих. Я думаю, это начинает сбываться.

Я посадила новые цветы (в этот раз аронник), они красиво цветут зимой вместо того, чтобы погибать, как другие однолетние растения. Также посадила кое-что еще. П. говорит, что теперь у меня зеленые пальцы. Я смеялась. Это было приятно.

Глава 22

«ЦОЦИ»

Йоханнесбург, 2021

Сет находится в общественном такси, направляющемся к его квартире. Его попутчики образовывают вокруг него широкое пространство, пока он пытается остановить кровь, текущую со лба. Ему повезло, что водитель его впустил. Женщина с жемчужным клатчем и в толстых очках цокает языком и тихо называет его «цоци». Он отправляет «бамп» в «Альба».

SD: Кое-какие проблемы здесь, место в «Ф» скомпрометировано.

FlowerGrrl: Что тебе нужно?

SD: Проверку безопасности и проведение «зачистки», КАК МОЖНО СКОРЕЕ, у меня дома. Я удаленно отключил доступ с помощью сетчатки глаза.

FlowerGrrl: Отправила, свяжусь с тобой, когда будет подтверждено, что все чисто. Тебе нужен телохранитель?

SD: Ха. С каких это пор у «Альбы» хватает бюджета на наем телохранителей?

FlowerGrrl: Беспокоюсь о тебе. Это можно организовать.

SD: Со мной все будет в порядке.

FlowerGrrl: Самые знаменитые последние слова.

SD: Надеюсь, что не ПОСЛЕДНИЕ.

FlowerGrrl: И я! Опасность следует за тобой по пятам. Не знала, что у тебя есть/чувство/юмора.

SD: Обхохочешься. Еще мне понадобится кто-то/ лаборатория, я принесу образцы.

FlowerGrrl: Отлично. Найду здесь кого-нибудь, КАК

МОЖНО СКОРЕЕ.

У Сета останавливается кровотечение.

***

У Кирстен останавливается кровотечение. Она включает душ и не ждет, когда вода согреется, прежде чем плеснуть на лицо, шею и спину, а затем быстро вытирается полотенцем, оставляя потоки из красного и розового позади (Красный Мрамор). Набрасывает на себя свежую одежду черного цвета и надевает свой спортивный костюм. Хватает сумку, но оставляет свой «Тайл». Уже в дверях она вспоминает о конверте и идет забрать его, засовывает в сумку вместе с чистым пластырем и карманным ножом. У нее нет времени все обдумать, она просто уходит.

Глава 23
Почерк ее похитителя

Йоханнесбург, 2021

Кирстен подносит свои часы к экрану, чтобы банкомат мог их просканировать. Она снимает своей ежедневный лимит в десять тысяч ранд, надеясь, что сможет прожить на эти деньги пару дней. Автомат благодарит ее за операцию и выплевывает двадцать душистых банкнот по пятьсот ранд. Наличные деньги неудобны, но она не может оставить за собой «хвост» по использованию кредитки. Она оглядывается через плечо, высматривая что-либо подозрительное, но все, кажется, занимаются своими делами и живут своими жизнями, не догадываюсь о том, какой стала ее.

Она ловит общественное такси до торгового центра «Мбали» в Гайд Парке. Она не может придумать ни одного безопасного места, но, когда водитель такси останавливается перед торговым центром для другого пассажира, Кирстен выпрыгивает наружу, оставляя микрочип спрятанным в сидении.

Обычно она терпеть не может торговые центры, но пока что бездушное пространство и ослепительное освещение кажутся хорошей идеей. Полированные полы, персонал магазинов, которые слишком устали, чтобы улыбаться, и шопоголики-зомби с выбеленной искусственным светом кожей. Киллер не станет шпиговать ее пулями перед всеми этими людьми, верно? Все же, она осторожна, держит голову опущенной и идет вдоль витрин магазинов, глазея на оконные стенды и ничего перед собой не видя. Она хватает маску с вращающегося стенда и использует ее, чтобы прикрыть лицо.

***

Сет гуляет, чтобы убить время и подышать свежим воздухом,

он в двадцати минутах ходьбы от дома. Тук-туки и мототакси сигналят ему, проезжая мимо, предлагая подвезти. «Альба» только что подтвердила, что их команда «зачистки» вошла в его квартиру, так что к тому времени, как он туда доберется, они уже завершат свою работу. Это просто мера предосторожности: насколько он знает, никто в «Фонтус» не знает его адреса, но он родился с врожденным чувством паранойи, которое сохраняло ему жизнь и (относительно) помогало до сих пор оставаться невредимым. Какого х*я происходит в «Фонтус», что они убрали Фиону и натравили на него вооруженных охранников? В его голове вихрем проносятся цифры, когда он начинает думать о файлах, к которым получил там доступ, графиках, выводах, все кажется в порядке. Что же это такое, что они так отчаянно желают скрыть? Он скоро узнает: ему нужно отнести образцы в штаб «Альба».

***

Адреналин выветривается, и Кирстен ищет место, куда присесть, но к ней пристает «Квинбот», она же Степфордская Жена. Несмотря на то, что Кирстен обходит ее стороной, бот-манекен принимается идти за ней следом.

— Привет, Кирстен, — говорит она. — Как вы? Замечательный день?

— Господи, — говорит Кирстен в маску. — В самом деле?

— Извини. Привет, Господи. Как вы? Замечательный день?

— Оставь меня в покое, — просит Кирстен.

— Господи, не желаете примерить это платье от «СаСирро»? В него вшит корсет, который подчеркнет вашу замечательную фигуру.

— Нет.

— Мерцающий подол добавит грации вашим движениям, а…

— Нет, спасибо, меня это не интересует.

— Господи, если вы посмотрите на детали, вы увидите…

— Перестань называть меня Господи.

— Я просканировала ваши параметры. У вас превосходная фигура. Так платье будет на вас выглядеть.

Степфордская Жена становится немного выше, ее бюст уменьшается, а талия раздается на несколько сантиметров. Линия ее живота становится мягче, а икры становятся более обрисованными. Ее волосы втягиваются в скальп. Кирстен ускоряет шаг, но бот не отстает.

— Оставь меня в покое, — говорит она. — Брысь!

Она оглядывается вокруг, чтобы понять, есть ли у них зрители.

— В него вшит корсет, который…

— Отвали нах*й! — кричит она, и несколько шопоголиков-зомби оборачиваются на нее посмотреть.

Бот останавливается и отодвигается назад. Ее широкая, нарисованная помадой, улыбка никуда не уходит.

— Спасибо за ваше время, — произносит бот. — Всегда рады вас видеть.

— Еб*нные боты, — бормочет Кирстен, припускаясь вперед. Последнее, что ей нужно, так это устроить сцену.

— Не пропадайте! — кричит бот ей вслед.

Боты-манекены всегда подвергаются жестокому обращению: их лапают, уродуют, взламывают, берут в поездки на троллейбусе, которые всегда оканчиваются какой-нибудь аварией, засовывают в мусоропроводы, похищают, обезглавливают. Кирстен немного их жаль.

Она находит парящую скамейку снаружи магазина «Токинг Тиз». Кажется, этот магазин несет политическую тематику: обычно их тематика более легкомысленна. Четыре футболки в оконной витрине говорят ей, посредством довольно простой анимации: «Остерегайтесь Сети», «Бойкотируйте Бильхен», «Запретите летающие авто» и «Молитесь за мир в Палестине». Она предпочитает более непринужденные футболки с красивыми проработанными рисунками, либо рассказывающие шутку. Однако с футболками-шутилками есть одна проблема: чтобы услышать ключевую реплику, нужно пройти рядом с человеком.

Девушка открывает письмо, которое нашла в кейсе Джеймса. Ее имя нацарапано на наружной стороне конверта.

«Дорогая Кирстен, — гласит письмо почерком ее похитителя. *— Когда ты узнаешь правду, ты не поверишь, что мы любили тебя, но мы любили по-своему. Невыносимо желать рассказать тебе правду, потому что это подвергнет тебя опасности, но правда выплывет наружу, я уже чувствую, как она рвется из меня, будет лучше, если ты будешь предупреждена. Твой приемный отец, мужчина, притворяющийся моим мужем на протяжении тридцати лет, услышал, как мы только что говорили по телефону и…*

Может быть, он думает, что они пощадят его, но я считаю иначе…

У меня мало времени (я знаю, они будут здесь с минуты на минуту), кто может поручиться, что никто ничего не рассказал… я не могу быть единственной, кто чувствует себя так. Гнойником, который вот-вот лопнет.

Детали не важны. Пожалуйста, знай, что мы и правда верили, что делаем правильную вещь.

Это важно Что ты должна знать, так это то, что я только

что скомпрометировала «ячейку», и если ты не уедешь сейчас же, тебя удалят из программы — убьют.

Боже мой, что мы наделали?

Как только ты будешь в безопасности, свяжись с ЭДОМ МИЛЛЕРОМ в Мелвилле. Он мой партнер по жизни/моя душа. Мы были вместе на протяжении двадцати шести лет. Он ничего не знает о «ПГ», я в это его не посвящала, но у него есть для тебя пакет. Там все, что тебе нужно знать о том, почему тебя похитили. Тебе нужно это прочитать, чтобы понять, почему мы сделали то, что сделали.

Тебе нужно избавиться от отслеживающего чипа (вживлен в кожу на твоей голове). Тебе нужно уехать из страны. Просто садись на самолет, улетай куда-нибудь, на время. Тебе нужно сделать это так, чтобы не знала полиция. И нужно сделать это немедленно. Они устранят всех в нашей «ячейке», всех семерых детей, которых мы похитили. Прилагаю список других. Я отправила его и сделала дубликат для единственного человека, которого я (не должна была, но все же) знаю по программе, Бетти Вейл (Барбара). Я дала ей твой адрес. Не доверяй никому в «ПГ», но мне пришлось рискнуть. Предупреди их тоже, если можешь.

Кирстен, один из них твой брат-близнец.

Мне жаль. Правда. Мы выбрали тебя, потому что ты особенная. Вы все были особенными. Боже, прости меня, и, Боже, помоги тебе. БЕГИ».

Кирстен впадает в ступор. Все, что она видит на листке это слова «похитили», «брат-близнец» и «БЕГИ». У Кирстен звонят часы, вырывая ее из состояния шока. Это Кеке.

— Привет, Котенок, — говорит она, — как ты? Эй, не бери в голову. Ты жива. Это самое важное.

— Да, — отвечает Кирстен, приспуская маску. — Наверное, так. Я в…

— Воу-воу! Не говори мне, где ты.

— Конечно. Я покупаю прокладки.

— Хорошо.

— У тебя для меня что-нибудь есть?

— Готова, чтобы твой довольно интересный день стал еще… интереснее?

— Куда уж интереснее.

— Что такое? — спрашивает Кеке.

— Что такое? — переспрашивает Кирстен.

— Что ты узнала? — спрашивает она.

— Мне нужно собраться с мыслями, — отвечает Кирстен, пытаясь мыслить логически. — Сначала ты.

— Итак, ДСП Хакербой Гений нашел еще одного человека в списке.

— Где он? В Йобурге? У тебя есть адрес?

— Откуда ты знаешь, что это он? Да, ты права, он родился в той же клинике, что и ты.

— Я знаю, — произносит Кирстен.

— Подожди, что?

— Просто продолжай, — просит Кирстен.

— Пока Марко взламывал какое-то противозаконное налоговое дерьмо, чтобы найти его адрес, я проверила другие имена в списке и, они — ты — все были рождены в одной клинике.

— Что это за клиника такая?

— Именно так я и подумала, так что я проверила ее, и согласно гуглу и Национальной Ассоциации Здравохранения, ее никогда не существовало.

— Никогда не существовало.

— Все верно.

— Значит… я была рождена матерью без матки в клинике, которой не существовало.

— Эм-м… все так, — соглашается Кеке. — Иными словами…

— Иными словами, — говорит Кирстен, — она не была моей матерью, а это мое ненастоящее свидетельство о рождении.

— Похоже, что так, да.

— Меня похитили ребенком, — наконец, шепотом произносит Кирстен. Сцапали. Утащили.

Кеке говорит снова: Кирстен пытается добавить звук.

—…но у меня есть такое ощущение, что все только начинается. Очевидно, что кто-то сделает все, чтобы сохранить в тайне что бы это ни было. Добудь одноразовый телефон, и мы можем встретиться. Попробуем найти этого парня вместе.

Семь людей в списке, все с поддельными сертификатами о рождении. Первые четыре в списке: мертвы. Пятый, шестой и седьмой еще живы: оранжевый, розовый, зеленый (Кожура Грейпфрута, Пальчики младенца, Камуфляж).

— Котенок? Алло?

— Нет, это опасно. Оставайся на месте и продолжай искать.

— Ты хоть позвонишь Джеймсу? Я не буду так волноваться, если он будет с тобой.

Джеймс спрятал от нее письмо. Кирстен проигнорировала вопрос.

— Пришлешь мне «бампом» координаты этого парня?

— Спрашиваешь. Береги себя!

На данный момент опасность не так остра, и ее озаряет

понимание: у нее есть брат-близнец. Невероятно. Но разве не чувствовала она это крошечной, одинокой частью себя все это время? «БЕГИ» гласит письмо. Бл*ть. Нах*й побег. Она найдет своего близнеца.

***

Сет не получил известий от «Альба», так что он ждет снаружи, уверенный, что скоро получит «зеленый» свет. У него все еще осталось несколько патронов в пистолете, прохладном, но успокаивающим в его ладони. Он держит голову низко опущенной, а капюшон поднятым. Скрывается в толпе пешеходов, но какой-то урод идет ему на встречу.

Он притворяется беспечным, снимает пистолет с предохранителя. Человек приближается и приближается, Сет переводит палец на курок. Когда человек оказывается в метре от него, Сет, наконец, поднимает глаза и готов стрелять.

Вспышка света, его мозг лихорадочно пытается понять, что только что произошло. Его застрелили? Он выстрелил? Он не помнит, как нажимал на курок. Но никто не пострадал, его шокирует красивая женщина перед ним: загнанный взгляд и обритая голова.

— Сет Деникер? — спрашивает она, запыхавшись.

— Кто ты?

Они не встречались прежде, но он чувствует, как будто знает ее. Все тело Кирстен гудит. Лицо этого мужчины, его присутствие сотрясают ее, она чувствует себя так, будто прикоснулась к оголенному проводу. Вспыхнула мгновенная электризующая физическая связь.

Сет парализован магнитным полем этой знакомой незнакомки.

— Я… — начинает она.

Это, на самом деле, правда? Но она знает, что да, без сомнения. Она видит это и ощущает каждой клеточкой тела.

«Ты моя параллельная жизнь, — хочет сказать она. *— Я всегда чувствовала, как твое существование эхом отдается во мне».*

Она стягивает с лица маску.

— Я твоя сестра-близнец.

Запись в журнале

Вествилль, 6 Декабря1988 года

В новостях: *Диверсионная мина взрывается в Департаменте Внутренних Дел в Бракпане. Бангладеш разорен циклоном 2 декабря — 5 миллионов человек остались без домов, тысячи мертвы.*

Что я слушаю: *Пэтти Смит — «Dream of Life».*

Что я читаю: *Южноафриканское Руководство по Садоводству*

авторства Кейт Кирстен.

Что я смотрю: *«Крепкий Орешек». Обожаю Брюса Уиллиса!*

Сад взорвался цветом. П. говорит, что не может поверить, что это тот самый сад. Я так горжусь им. Погода в Дурбане идеальна: тут достаточно тепла, чтобы все росло и цвело, и достаточно дождей для полива. Алламанда, бугенвилия, мандевилла, свинчатка. Теперь я понимаю смысл выражения «богатство красок». Мы с детьми каждый день проводим много времени в саду.

Помимо сада, сегодня был большой праздник! Близнецам исполнился ГОДИК! Мы отвели их на «Кухню Майка», и им обоим принесли бесплатные детские блюда: немного чипсов с кетчупом, а потом перевернутый рожок мороженого с нарисованным на нем лицом клоуна. Кейт такая сластена и обожает мороженое, так что эта часть понравилась ей больше всего. Она сказала «зеленый, зеленый» (хоть мороженое было белым). Официантка пропела им «С Днем рождения тебя» и вручила красные шарики с ленточками (свой шарик Сэм сразу же прокусил, и тот взорвался). Это было так мило, на его мордочке было такое шокированное выражение лица, он посмотрел на нас, не зная, хочет ли рассмеяться или заплакать.

Это был замечательный день. Пока дети кушали, П. накрыл мою руку своей и посмотрел на меня этим ищущим взглядом, будто проверяя, куда подевалась та ужасная безразличная девушка, и я улыбнулась ему самой своей яркой улыбкой. Та часть меня скрыта в глубине меня, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы удержать ее там.

Глава 24
«A Little Less Conversation»

Йоханнесбург, 2021

Сет почесывает голову костяшками пальцев. Очевидно, что эта женщина сошла с ума, одного взгляда на нее достаточно, чтобы это понять: остриженная голова, потеки крови. Ну да, у него тоже текла кровь на голове, но… этот лихорадочный блеск в ее глазах. Она кажется пугающе знакомой. Нет, не знакомой, а похожей. Смотреть в ее радужки с крапинками все равно, что смотреть в зеркало в какой-то параллельной вселенной.

— Ты, что?

— Твоя сестра. Близнец. Я думаю.

— Ты *думаешь*?

— Для меня это тоже в диковинку. Я все еще не знаю, что с нами произошло, или, что происходит, но я знаю, мы оба в

опасности.

— Послушайте, леди…

Он поднимает руку вверх и делает шаг назад.

— Я знаю! Я знаю, что мои слова звучат, как бред сумасшедшей. Я также подумала о предупредившей меня женщине, а затем она оказалась мертва.

— Кто оказался мертв?

— Это неважно. То, что ты должен знать, так это то, что есть… список… и люди, указанные в списке, оказываются убиты, по порядку, мы следующие.

Слишком много просмотренных летом, ужастиков.

— Херня, — произносит он, а затем: — кем?

Кирстен вытаскивает клочок бумаги из сумки и передает его Сету, который старательно избегает соприкасаться с ней руками. Он смотрит вниз, а затем на нее.

— Лотерейный билет?

— Это штрих-коды. Людей. Посмотри на пятый и шестой. Это мы — видишь наши даты рождения? Все, кто выше нас в списке, убиты.

— Что произошло в 1991?

— Я пока не знаю.

— Где в списке женщина, та, что к тебе подошла?

— Номер четыре.

— Так значит, я пятый, а ты шестая?

— Так ты веришь мне?

— Нет, но я от природы параноик, и мне нравятся системы, и, когда я слышу, что кто-то пытается убить меня, я уделяю этому факту внимание.

Умом Сет понимает, что история надуманна, но что если она и правда его близнец? Его кровная сестра? Стоящая здесь и уверенная в своей правоте. Между ними безошибочно угадывается связь. Вопреки здравому смыслу, он снова ставит пистолет на предохранитель.

Кирстен разглядывает его лицо, хочет к нему прикоснуться, но внезапно, он хватает ее за руки и швыряет на землю. Когда она открывает глаза, рядом с ней падает тело, туда, где она стояла. Как в замедленной съемке она наблюдает, как по направлению к ней течет темная маслянистая жидкость, и как раз перед тем, как она ее коснется, Сет оттаскивает ее от нее и ставит на ноги.

Мертвый мужчина на земле молод, двадцати с чем-то лет, одет в черное, его волосы намазаны гелем и торчат вверх, как колючки, а на глазах темные тени. Он лежит с открытым ртом, уставившись в небо, его нога согнута под неуклюжим углом. Сет склоняется над теплым теплом и обыскивает карманы. Кирстен

хочет спросить его, что он делает, но, кажется, лишилась дара речи. Сет не находит кошелька. Он видит блестящий медальон и заглядывает внутрь: там светится маленький зеленый кролик.

— Бл*ть, — ругается он, — бл*ть!

Он срывает медальон, убирает его в карман, хватает Кирстен за руку, и они скрываются в темном переулке.

В нескольких кварталах к югу, запыхавшейся Кирстен удается поймать такси. Прежде чем они сядут в него, Сет уделяет время проверке лицензии водителя.

— Ты хорош в этом, — выдыхает Кирстен, когда они садятся внутрь.

— Хорош в чем?

— В том, чтобы быть параноиком.

— Ха.

Кирстен называет водителю адрес «Офиса».

— Я бы не стала, — она показывает в сторону водителя, — проверять.

— Ну, для меня это в порядке вещей.

— Быть параноиком в порядке вещей?

— Ага.

— Плохое детство?

— А разве у кого-то детство бывает иным?

Кирстен колеблется.

— Я думала, что бывает.

— А твое? — спрашивает он.

— На самом деле, если быть честной, я не помню большую часть своего детства, особенно, ранние годы.

— Я тоже. Наш мозг запрограммирован так, чтобы забывать плохое.

— Так значит ты из тех людей, у которых «стакан на половину пуст».

Он пожимает плечами.

— Зависит от того, что в стакане.

Кирстен ерзает на месте, крутит кольцо на пальце, отчаянно желая рассказать ему о микрочипе, зная, что каждая минута, пока тот остается под его кожей, это минутное преимущество, которое они теряют, но ей нужно взвесить последствия. Лишь еще полчаса, пока я не покажу ему какие-нибудь доказательства. До этого времени я должна удержать его рядом. Вместо этого, она рассказывает ему о Кеке.

Сет наблюдает за тем, как разговаривает Кирстен, узнает себя в беспокойных движениях ее рук, покручивании кольца на ее пальце. Он испытывает желание сделать то же самое, но подавляет это побуждение. Вместо этого он высыпает таблетку.

Она смотрит, как он делает это, и, не задумываясь, тянется за своими таблетками. Она забыла принять их. Она откручивает крышечку с пузырька, но прежде чем успевает высыпать таблетку, он выхватывает пузырек из ее руки.

— Что это? — требовательно спрашивает он.

Она в шоке.

— Эм-м, — мямлит она, — пренатальная добавка.

Сет изучает этикетку: *Доктор Ван дер Хивер, написано там, Пренатальная Добавка, по 1 в день.*

— Пренатальная? — спрашивает он, — ты…

— Да. То есть, нет. Давно пытаюсь забеременеть. Безуспешно.

— Где ты это взяла?

— Полегче, — говорит она, — мой парень приготовил это для меня. Он врач.

— Ненавижу докторов, — говорит Сет.

— Как и я. Забавно.

Сет убирает ее таблетки себе в карман. Кирстен позволяет ему это сделать.

— Как давно ты знаешь этого парня?

— Джеймса? — смеется она. — Вечность.

— Как давно?

— На тринадцать лет дольше, чем я знаю тебя.

Бетти/Барбара сказала не доверять даже людям, которых любишь. А Джеймс спрятал от нее письмо. Она не знает, что это значит, и очень хочет, чтобы Мармелад сейчас был с ними, но какая-то мысль не дает ей покоя, предупреждая быть осторожней.

Они приезжают в «Офис» и решают подниматься по лестнице, чтобы не попадаться на глаза. Кирстен ведет Сета в постоянный офис Кеке.

— Кеке! — зовет она, оглядываясь вокруг.

Комната выглядит какой-то не такой: здесь царит привычный беспорядок, но комната имеет другой цвет. Она ощущается так, будто по ее телу льется холодная вода.

— Здесь кто-то был?

Сет хмуро смотрит на выдвинутые ящики стола и пол, усеянный бумагами.

— Сложно сказать. Обычно тут беспорядок, но что-то ощущается неправильным.

— Прости?

Кирстен проверяет сейф: он пуст. «Тайл» Кеке исчез.

— Может быть, что-то напугало ее, и она убежала, — говорит Кирстен, скорее, чтобы успокоить себя. — Может быть, она прячется, ждет от нас новостей.

Она набирает номер Кеке, и они оба подпрыгивают, когда

бестелесный голос начинает петь из под стола. Элвис Пресли «A Little Less Conversation». Кирстен шарит по полу и находит телефон Кеке.

— Бл*ть, — ругается она. Кеке оставила бы множество вещей в спешке, но никогда не телефон. — Они схватили ее.

Тут все ее контакты. Что более важно: приложение, отслеживающее ее сахар.

Сет корчит гримасу.

— Элвис? Да ладно?

Пока она сидит на полу, она замечает манеки-неко с флеш-накопителем. Слава Богу. Они не поняли, что это флешка. Она протягивает ее вверх Сету, нажимает на пупок статуэтки, чтобы выдвинулся «хвостик».

— Они оставили ее флешку.

Он принимает статуэтку и подсоединяет к своему «Тайл».

Кирстен использует свой карманный нож, чтобы открыть запертый холодильник. Как только она открывает дверцу, видит инсулиновый набор Кеке, и по ней прокатывается еще одна волна холодной воды. Она зажмуривает веки, отсекая свет в холодильной камере, желая, чтобы инсулин исчез, но он все еще там, когда она снова открывает глаза. Она кладет набор на стол перед Сетом.

— У нас есть семь часов, чтобы ее найти.

— А?

— Осталось семь часов, — говорит она, — прежде чем Кеке… станет очень плохо без ее инсулина.

Она произносит «очень плохо», но имеет в виду: «умрет», просто не может произнести этого вслух.

— Они диабетик? — спрашивает он.

Кирстен не отвечает. Она садится обратно на пол и на какое-то время закрывает глаза. Через несколько минут Сет опускается на колени рядом с ней. Он мягко прикасается к ее плечу.

— Кирстен? Я думаю, мы кое-что нашли.

Глава 25

Семеро, что были похищены

Йоханнесбург, 2021

Есть две папки на флеш-накопителе манэки-нэко Кеке. Первая названа «Семеро, что были похищены», и в ней находится семь старых, отсканированных архивных газетных статей, датированных 1991 годом. Вторая папка, «RIP», содержит четыре свежих PDF-файла с «Эко. Новостей».

Они начинают просмотр с папки «RIP». Кирстен сразу же узнает первую статью. Она читала ее неделю или около того

назад, на месте съемки в океанариуме, о Бетти/Барбаре, найденной мертвой в своей квартире.

— Это она… была… она, — комментирует Кирстен. — Сумасшедшая женщина, давшая мне ключ.

— Ключ? — спрашивает Сет.

— Ключ, который открыл депозитную ячейку в банке семян, в которой оказался список. Посмотри на дату ее рождения, цвета указаны в обратном порядке.

Сет смотрит на нее, нахмурив брови.

— Ты и вправду странная.

— Послушай, — просит она и показывает ему, что дата рождения Бетти/Барбары указана в обратном порядке на третьей строке списка.

— Так значит, одна из дат — дата нашего рождения, — замечает он. — Что с другими?

Они открывают следующую статью. Статья об известном композиторе, обнаруженном мертвым в ванной своим любовником. Сет хмурится.

— Помню, видел эту статью несколько дней назад.

«Утонул, — гласит статья, — *очевидное самоубийство, хотя любовник с этим не согласился, сказав, что им было ради чего жить. Они собирались пожениться: поездка в Париж была запланирована на весну, после скромной свадьбы в Патерностер. Найдя посиневший труп, любовник разнес всю квартиру, уничтожая все улики, которые только могли существовать. Он заверял всех, что с этим делом что-то не чисто: самая дорогая сердцу вещица Бланко пропала: антикварная клавиша из слоновой кости из пианино Роджера Уильямса. Бланко подарил ее ему по случаю обручения. Любовнику потребовалось успокоительное, к нему не относились как к подозреваемому. Музыкант мертв, их будущее унесло прочь несколькими дюймами серой мутной жидкости (Мытье посуды в холодной воде)».*

— Это мог быть суицид, — говорит Сет.

— Он был первым в списке.

Сет колеблется, а затем открывает следующий документ. На экран выходит фотография светловолосой женщины, смеющейся в сторону камеры. *«Руководитель высшего звена умирает перед сынишкой-малышом»*. Статья об успешной корпоративной предпринимателе, которая случайно проглотила вещество, содержащее арахис — источник неизвестен — впала в анафилактический шок и умерла на детской площадке напротив своего офиса. Люди на площадке пытались реанимировать ее, но у нее отекли дыхательные пути и реанимационные меры не принесли результата. Светловолосого ребенка сначала забрали

врачи, затем полицейский, назначенный на дело, и, в конце концов, муж, который вышел с поля для гольфа и услышал о смерти жены по радио на пути домой из паба. Четвертая статья была об отказе органов у Сорайи. Сет почувствовал свою связь с Сорайей. Совпадение?

Они переходят ко второй папке: здесь фотография неуклюжего маленького мальчика, малыша, одетого в коричневый костюмчик, сидящего на стуле от фортепиано перед детским пианино.

«Ребенок-Бетховен похищен», — гласит заголовок.

— Утонувший композитор, — произносит Кирстен.

Сет открывает другие архивные статьи: все они — истории о похищениях. Пропал малыш, светловолосый, двух лет, говорящий на четырех языках.

«Кто-нибудь видел Бетти Шумен?». Смазанный снимок не очень красивого хмурящегося ребенка, одетого в старомодную одежду. Бетти/Барбара.

«Ребенок похищен из яслей», — гласит следующий заголовок. Статья о Джереми Бонде, двухлетнем малыше, украденном с детской площадки за несколько минут до того, как туда пришли родители, чтобы забрать его.

Сет читает пятую статью:

«Субботняя Звезда», Июль 1991

Малыш похищен, пока его отец занимался покупками.

Трагедия случилась сегодня в мирном городке в одном из самых невероятных мест. Юный Бен Якобс (14 месяцев отроду) сбежал из детской коляски в универмаге «Зеленые Акры», порт Элизабет.

«Он всегда был таким шустрым*, — сказала нам его мать, не переставая плакать. — *Он начал ползать в восемь месяцев, ходить в десять. Он носился вокруг, как кролик на батарейках "Дюрасел"».

Малышу Бену удалось выйти из магазина, пока его отец стоял в очереди, чтобы купить для него одежду.

«Такое случалось постоянно*, — рассказывает миссис Якобс, — *его дядя прозвал его Сейчас-Ты. Сейчас ты видишь его, а сейчас его нет. Мы даже испробовали одну из тех ужасных вещиц*, — говорит миссис Якобс. — *Эти поводки для малышей, но он […] устраивал истерику. Он ненавидел их».

Как только отец мальчика заметил, что коляска пуста, он покинул очередь и начал его искать.

«Поначалу, я не слишком беспокоился*, — говорит он, — *Бен постоянно так пропадал, и мы всегда находили его».

Но затем он увидел, как странная женщина у входа в универмаг поднимает ребенка на руки.

«Я начал кричать на нее, и звать Бена, но она не посмотрела на меня, поспешила прочь […] и исчезла в толпе. Я принялся бежать за ними, и тогда-то меня и схватили охранники».

Мистер Якобс, сам того не понимая, все еще держал при себе товары из магазина, когда выбежал в двери, подняв тревогу. Охранники, которые не знали о похищении, увидели, как он «принялся делать ноги» и схватили его. Когда он, наконец, смог объяснить ситуацию, ребенок уже исчез.

Полиция начала обширный розыск. Они просят, чтобы люди высматривали все подозрительное.

***«Мы уверены, что найдем его и вернем домой», —* утверждает мистер Якобс. Именно после этих слов мистер Якобс разразился рыданиями.**

Должно быть, это Уильям Сорайя. Бен/Билл. Они открывают последний PDF-файл.

«Обсервер», 21 Мая 1991

Своровали

Трагедия с участием близнецов потрясла пригород Дурбана.

После изнурительных 48-часовых поисков пропавших малышей Чапман из Вествилля, Квазулу-Натал *(прим.: провинция ЮАР)*, в условиях непривычно холодной погоды, Южноафриканская полиция прекратила операцию в два часа утра… Кареглазых близнецов, Сэмюэл и Кейт (3), последний раз видели в саду перед домом их родителей, перед тем, как миссис Энн Чапман вошла в дом, чтобы ответить на телемаркетинговый звонок по телефону. Менее чем через минуту дети, по словам матери, «испарились».

Поисковая группа прочесала район, а также близлежащую реку, куда миссис Чапман, якобы, водила детей плавать и устраивала пикники. Энн Чапман, страдающая ПРД или послеродовой депрессией, была допрошена, несмотря на то что дайверы не нашли ничего инкриминирующего. Мистер Патрик Чапман стоит на стороне жены, утверждая, что они оба «крайне встревожены» из-за поиска близнецов. Надломленным голосом на камеру он призвал всех, у кого есть информация, выступить вперед. В ЮАП, столкнувшись с нехваткой доказательств и уже

остывающим следом, пообещали, что продолжат искать, но, кажется, не питают особой надежды найти детей, живыми или мертвыми.

Кирстен и Сет, побледневшие, стоят под флуоресцентным светом офиса, смотря друг на друга и громко переговариваясь, пока обрабатывают поступившую информацию.

— Черт побери, — одновременно произносят они.

— Сэмюэл и Кейт, — произносит Кирстен. — Сумасшедшая женщина — Бетти/Барбара — называла меня Кейт.

— Сэмюэл и Кейт, похищенные в три года, становятся Сетом и Кирстен.

— Перевезены в другую область и разделены.

Кирстен качает головой. Это не имеет никакого смысла.

— Подожди, там написано «кареглазые».

Она смотрит в зеленовато-голубые глаза Сета, которые зеркально похожи на ее (Шум Моря).

— Должно быть, они изменили цвет наших радужек лазером. Удалили коричневый пигмент. Это достаточно легко сделать.

Она размышляет о своих биологических родителях, Чапманах, и чувствует себя потрясенной. Через что они, должно быть, прошли. Через что прошли они с Сетом. Она ощущает подавляющее чувство потери из-за жизни, которая у нее должна была быть, которую у нее отняли, а сейчас вот он здесь, стоит перед ней: недостающий фрагмент ее паззла.

— «Черная Дыра», — произносит она. — Наконец-то, она обрела смысл.

Он с недоумением смотрит на нее и моргает. У нее есть ощущение, что он понимает: может быть, он тоже чувствует «Черную Дыру», но та заполнена другим.

— Я никогда… не ощущал связи… с моим отцом, — говорит он. — Никогда не видел свою мать. Никогда не чувствовал, что он на самом деле хочет, чтобы я был рядом, не понимал, почему они вообще меня родили.

— В точку, — соглашается Кирстен. — Но зачем похищать ребенка, которого не хочешь? Конечно же, психически нездоровые люди, отчаянно желающие ребенка стали бы, не знаю, больше любить ребенка?

Сет молчит.

— Что-то не сходится, — подмечает Кирстен. — Слишком много всего сразу. Я пока не могу с этим справиться.

Она делает движение, чтобы провести руками по волосам, но ощущает лишь колючую кожу на голове и пластырь сзади. Понимает, что все это время не выпускала нож из руки, и кладет

его на стол. Он бросает на него взгляд и прищуривает глаза.

— Чей это нож? — спрашивает он.

— Этот? — спрашивает она. — Моего отца… ну, кем бы он ни был… мужчины, который притворялся моим отцом двадцать восемь лет. Почему ты спрашиваешь? Что не так? Из-за чего ты так разволновался?

— Кем был твой отец? Чем он занимался?

— Кем был мой отец? Я не знаю. Он был исследователем, работал в лаборатории, был трудоголиком, который вместо того, чтобы уделить внимание жене и дочери, читал научную литературу. Я все еще на самом-то деле не знаю, чем он занимался. Пожалуйста, может, ты скажешь мне, почему тебя так взволновал этот нож?

— Из тебя плохая Нэнси Дрю, да?

— Что?

— Ты даже не справлялась об эмблеме?

— Нет. Зачем? И кто, бл*ть, эта Нэнси Дрю? Я гребанный фотограф, а не одна из «Ястребов». Все это… — она сделала жест рукой, обводя всю комнату, —…это какой-то ебанный цирк, это для меня ненормально, ладно?

Он смотрит на нее в упор, затем сверлит глазами эмблему на ноже, в уме прикидывая, видел ли нечто подобное. Ничего не приходит в голову.

— Ты узнаешь его, логотип, я же вижу.

— Да, узнаю, — отвечает Сет. — Но… это невозможно. Это городская легенда, миф. Их не должно существовать.

— Я не понимаю.

Сет показывает на эмблему в форме ромба. Он обводит угловатую «Г» в левой части и «П» в правой.

— Ребята в «Альбе» с ума сойдут, когда я покажу им это.

Кирстен бросает взгляд на нож, а затем на него. Она впервые видит его улыбку.

— «ПГ», — произносит он. — Это проект «Генезис».

Глава 26

Не-рептилоиды

Йоханнесбург, 2021

— Ладно, — произносит Кирстен, — нет никакого нормального способа сказать это, так что, вот: мне нужно вырезать микрочип из задней части твоей головы.

— Воу, — говорит Сет, — только я начал думать, что мы поладили.

— Сумасшедшая леди…

— Теперь ты говоришь о себе в третьем лице.

— Другая сумасшедшая леди, Бетти/Барбара, сказала, что знает, что они отслеживают ее, потому что она чувствует микрочип под кожей на голове. А убийца… убийцы… те, кто пытаются убить нас, знают, где мы живем. Знали, где была та леди, взявшая своего ребенка в парк.

— Послушай, — говорит Сет, качая головой, — это не может быть правдой. Технология производства отслеживающих чипов не существовала тогда, когда мы были детьми. Подожди, так поэтому у тебя текла кровь? Ты пыталась найти еб*нный микрочип?

— Не пыталась, я нашла его!

— Покажи мне, — просит он.

— Я спрятала его в такси. Он может быть, где угодно.

Он обводит глазами офис, а затем их закатывает. Она все это время знала, что он не поверит ей.

— Потом ты скажешь мне надеть шапочку из фольги.

— Вообще-то, это не такая уж плохая идея.

— Ха, — произносит он.

— Я тебе не сказки тут рассказываю.

— Ладно, но ты не станешь вырезать его этой штукой. Я кое-кого знаю.

— У нас нет времени валять дурака! — кричит Кирстен.

— Послушай, — просит он, — мне нужно съездить в «Альбу». Это не обсуждается. Они смогут удалить чип. Изучить его. А еще нам нужны патроны и оружие для тебя.

— Что, бл*ть, такое «Альба»? Что насчет Кеке?

— Мы сможем найти твою подругу, когда узнаем больше информации. Чип — это единственное, что у нас есть на данный момент.

Кирстен поражает неожиданная мысль.

— Хакербой Гений, — произносит она. — Контакт Кеке. Его номер должен быть в телефоне Кеке. Он может найти, что угодно: так мы тебя и нашли.

— Ты думаешь, он что-нибудь узнает?

— Он знает больше, чем на этой флешке, — отвечает Кирстен. — Она попросила его нарыть информацию.

Сет засовывает свой «Тайл» в рюкзак.

— Позвоним ему по пути.

— Что такое проект «Генезис»? — спрашивает Кирстен, когда они спускаются вниз по пожарной лестнице.

Сет качает головой.

— Рассказывать особо нечего. То есть, слухи ходили годами, но я не думаю, что кто-то в них верил.

Кирстен вспоминает своего отца: тяжелые очки в стальной

оправе, потускневшей от времени. Большие руки, плохо сшитые брюки, пятна от яичного желтка на галстуке. Ей трудно представить, что он был участником какой-то тайной организации. Только если он не хорошо это скрывал, очень хорошо скрывал.

— Это немного напоминает «сингулярность»… никогда не произойдет, но все же пугает до чертиков.

Он бросает на Кирстен взгляд, как будто, чтобы составить о ней суждение, решить, можно ли ей доверять.

— Когда я начал работать в «Альбе»…

— Ты все еще не ответил мне, что это.

Он останавливается на шестой площадке. Заключенный в клетку свет мерцает за его головой, слабое питание.

— «Альба» немного напоминает «Бойцовский Клуб». Первое правило «Альбы»: никогда не говори об «Альбе».

— «Бойцовский Клуб»?

— Ты хоть читаешь книги? Ты знаешь, что у любознательных мышей больше нейронных связей?

Единственная книга, которую она прочитала от корки до корки, это коллекционное издание «Гензель и Гретель», которое подарил ей Джеймс. От нее не ускользнуло жестокое совпадение.

— Не считая того, что мы, вероятно, сегодня вечером умрем, — говорит Кирстен, — так что я думаю, что все правила летят к черту.

— Ну да, это второе правило.

— Ха.

— Серьезно, — заверяет он, держа ее за руку, — никому нельзя о них знать, ты понимаешь?

Они снова отправляются в путь.

— «Альба» — это краудфаундинговая *(прим.: сбор средств от общественности на благое дело)* подпольная организация: бунтарская группа инженеров, ученых, биологов, генетиков… Мы ставим эксперименты в сфере биотехнологий, но по большей части мы расследуем деятельность других организаций, подобного толка.

— Ты биопанк?

— Технически, я химинженер, но, да, биохакер, химактивист… по сути, мы подкованные в технологиях Правдоискатели.

— Ты ищешь компромат.

Сет кивает.

— Мы представляем собой технопрогрессивное движение, которое выступает за открытый доступ к генетической информации. Мы играем с ДНК… только законными методами…

но наша цель, причина, по которой мы существуем — проникнуть и разоблачить то, что мы называем «черными клиниками» — мегакорпорации, использующие биотехнологии для неблагих целей.

— Например?

— Мы ищем все, что кажется подозрительным: компания может вызывать сомнения в этичности своей деятельности, заниматься нелегальной практикой или пытаться осуществлять какой-либо вид контроля над социумом.

— Та хирургическая клиника… в Саксонвольде. «Табула Раса».

— Они покупали абортированные эмбрионы из гинекологических клиник и делали инъекции стволовых клеток в лица пациентов.

— Ты разоблачил их?

— «Альба». Коллега… ей пришлось выкачивать жир из бедер домохозяек целый год, прежде чем ее подпустили к их лицам. У нее ушел еще один год, чтобы раскрыть черный рынок стволовых клеток. Мы также разоблачили «Риббер Ранч», «ИксМанкиДи» и «Слимонейд».

Кирстен слышала о них всех за прошедшие несколько лет: их грязные секреты были раскрыты, а тех, кто в них участвовал, затаскали по судам.

— Особенность удивительных вышедших из-под контроля технологий,— говорит Сет, — состоит в том, что они помогают легче встать на сторону зла. Правительство не может издавать законы достаточно быстро, чтобы успевать запретить их. «Альба» — самозваный, независимый сторожевой пес.

Они ускоряют спуск по лестнице.

— Итак, слухи о проекте «Генезис» ходили постоянно. Их считали, чем-то вроде, ну, «черной клиники». Человеческой версией расы «Рептилоидов»: огромным тайным сообществом, контролирующим мир. Предположительно, они повсюду, особенно, на позициях у власти.

— Теория «Королева-рептилоид» *(прим.: конспирологическая теория Дэвида Ике, Ике считал королеву Англии, засланным представителем расы рептилоидных пришельцев-оборотней)*, но никаких рептилоидов.

— И они местная организация. Это группа, действующая в Южной Африке.

— Так значит «Нэнси», скорее всего, рептилоиды. Или, если тебе так угодно, не-рептилоиды. Ты знаешь, что я имею в виду.

— Согласно слухам, несколько членов проекта «Генезис» стратегически поставлены на ключевые политические должности.

— Президент?

— Я всегда думала, что она выглядит, чем-то похожей на рептилию.

Они добрались до парковки, мотоцикл Кеке припаркован на обычном месте. Кирстен открывает место для хранения в задней части байка, достает оттуда надувной шлем и ключи и упаковывает инсулиновый набор в рюкзак Сета. Она предлагает Сету шлем, но он от него отмахивается. Она надевает шлем, морщится, пока он надувается, и застегивает ремешок под подбородком.

— Но ты в это не веришь? Я думала, что тебе нравится элемент заговоров, учитывая твою предрасположенность к паранойе.

— Я не знаю. До сегодняшнего дня, я думал, что, если бы они существовали, у нас бы уже были какие-нибудь доказательства.

— Теперь у нас есть нож.

В угловой части парковки загораются фары машины. Кирстен и Сет быстро перемещаются в тень колонны. Автомобиль набирает скорость, его шины визжат на гладком бетоне. Он обдувает их порывом теплого воздуха, проносясь мимо них. Затонированные стекла. Кирстен отпускает руку Сета.

— «ПГ» может значить, что угодно, — говорит он. — Это может быть название любимого паба твоего отца. «Перекуси Говном». «Пьяная Группа». «Пинта Гериатру».

— «Пить Горилку».

«Пошел Гыбачить».

«Пальцы Геленые».

«Прайд Геев»?

— Он не слышал о слове «стиль».

Они садятся на байк Кеке, и Кирстен заводит мотор, набирает скорость. Она нажимает на педаль газа плавно, пытаясь прочувствовать рычащую между ее ног машину.

— Вот только я видел уже эту эмблему, этот ромб.

— Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что это единственная зацепка, которая у нас есть.

Глава 27

Треснувший кобальт

Йоханнесбург, 2021

Раздается громкий визг, как будто кто-то резко ударил по тормозам, и байк уходит в боковое скольжение, со скрежетом улетая с дороги, и врезается в стационарный объект, размером четыре на четыре метра. Вращающиеся цвета, жар и гудрон, кувыркание, а затем неподвижность. Левая рука Кирстен

вспыхивает болью. Она осторожно прикасается к ней другой рукой. Синий свет (Треснувший Кобальт). Сломана.

На Сете не было шлема.

— Ох, Боже мой, — произносит она, пытаясь повернуться, чтобы на него посмотреть, но он тоже придавлен к гудрону. — О, Боже мой. Сет? Сет?

Она не узнает свой голос. Пытается выползти из-под байка, но ей удается сдвинуть его лишь на дюйм. Девушка оглядывается в поисках помощи, но улица пустынна. Сет стонет и подносит руки к голове.

— Ты в порядке? — спрашивает она незнакомым писклявым голосом.

Он какое-то время ничего не говорит.

— Зависит от того, что ты под этим подразумеваешь.

Кирстен громко вздыхает и ложится на землю.

— Ты можешь говорить, это значит, у тебя есть пульс. Это уже что-то.

Он встает, пытается обрести равновесие, некоторое время шатается на ногах, а затем понимает, что Кирстен придавило байком. Он подходит к ней сбоку и освобождает ее. Как только она перекатывается в безопасное место, он с грохотом опускает байк.

— Что-то случилось, — замечает он, — с байком. Я слышу.

Мужчина опускается на колени, чтобы рассмотреть поближе, выявить следы саботажа, но он не знает, что конкретно ищет. Ему всегда нравилась мысль купить байк, но еще больше ему нравилась мысль оставаться живым.

— «Донорциклы», — говорит Кирстен, морщась. — Джеймс говорит, что так их называют в СП *(прим.: скорая помощь)*.

— Мило, — комментирует Сет.

Используя одну руку, Кирстен сдувает шлем, открывает отделение в задней части байка и вытаскивает их вещи. Она проверяет инсулиновый набор Кеке. Три из пяти ампул разбиты.

— Давай попробуем поймать такси, — говорит она, похромав в сторону главной дороги.

Левая штанина ее джинсов висит у колена на ниточке, ее икра кровоточит, будучи оцарапанной об гравий. Ее обритая голова в синяках и грязи: во время движения она поддерживает свою раненую руку другой.

— Ты выглядишь так, будто только что вышла со съемок «Терминатора 8», — замечает Сет.

— Ты тоже отлично выглядишь, — отвечает она, жестом показывая на его снова кровоточащий лоб.

Она подхватывает ткань одной рукой. Снимает с себя

рубашку, под которой топик, и завязывает ее узлом. Сет передает ей свою толстовку, чтобы она ее надела.

— У тебя сломана рука?

— Я не знаю. Похоже на то. Никогда раньше не ломала руку.

Сет не может сказать того же о себе.

— Боль синяя. Разных оттенков. Прямо сейчас она цвета Бирюзовой Морской Пены. Как мне кажется, это значит, что она сломана.

— Ты одна из тех людей, — произносит Сет. — Тех, которые видят точки на курице.

Она смотрит на него исподлобья.

— Тех людей, которые ощущают фигуры на вкус, — поясняет он.

— Ощущают фигуры на вкус, ароматы, чувствуют запах слов, видят звуки… да. У меня шарики заехали за ролики. И у меня нет границ между отдельными чувствами.

— Так вот почему ты им понадобилась, — говорит он.

— Ты о чем?

— Все похищенные дети обладали неким талантом, какой-то способностью, чем-то, что их выделяло. Музыкальный гений, овощевод-новатор, суперспортсмен, полиглот…

— А какой талант у тебя? — спрашивает она. — Какова твоя суперсила?

— Математика.

— Да уж, — произносит Кирстен. — Какая жалость. Ты, должно быть, вытянул короткую соломинку.

— Математика — язык Вселенной.

Она разглядывает его ирокез, накрашенные тенями глаза, и пирсинг в брови.

— Серьезно.

Такси нет, так что они ловят маршрутку. Пассажиры внутри быстро отодвигаются в стороны, когда видят состояние новых попутчиков. Даже водитель выглядит обеспокоенным. Кирстен платит ему вдвойне, чтобы он ехал побыстрее, и водитель принимает деньги с кивком. Поездка выдается спокойная. Кирстен чувствует, как ее режут взглядами, будто с нее недостаточно порезов. Во время поездки меняются несколько пассажиров: на место потеющего бизнесмена приходит женщина со светлыми дредами и в прозрачной блузке, парочка женщин в одежде, чрезмерно украшенной цветочным принтом, вцепившись в переморожeнный торт, прокладывают себе путь на выход, а внутрь запрыгивает школьница в брекетах и форме (Сушеный Василек). Кирстен ловит направленный на нее взгляд девочки и улыбается ей, но девочка быстро отворачивается.

У них уходит долгих пятнадцать минут, чтобы добраться до Парквью, и они выпрыгивают наружу, когда доезжают до Тайрон Авеню. Здесь, кажется, идет какая-то вечерняя уличная вечеринка: дорога усыпана серпантином, а над ними на невидимых нитях плывут в небе бумажные фонарики. Люди собираются группами, пьют крафтовое пиво и теплый сидр из подтекающих пластиковых стаканчиков. Вагончик с едой раздает горячие пирожки и галеты. Теплый воздух, звук, разносящийся в динамиках, смех незнакомцев. Кафе и рестораны рассаживают своих покупателей на летних террасах. Несмотря на достаточное естественное освещение, пустые винные бутылки используются в качестве подсвечников, обрастая покрытием из белого воска. Когда они проходят мимо столиков, кто-то произносит тост, и раздается звон бокалов.

— Мы на месте, — говорит Сет, жестом показывая в сторону флориста, показывающего уличное искусство, рядом с вывеской «Поллен&Пистилс».

Внутри оказывается миниатюрная девушка с прической «пучок с начесом», она стоит к ним спиной и составляет свежую цветочную композицию из гибридного зеленого аронника (Неоновый Крем). Они входят в магазинчик, звенит колокольчик, и тотчас же она цветочница бросает быстрый взгляд в зеркало на дальней стене, где видит отражение Сета.

— И входит ходячий мертвец, — говорит она, разворачиваясь с гигантской парой ножниц в руках. На ее лице гламурный макияж пятидесях: драматически подведенные глаза, ярко-красные губы, мушка на бледном от пудры лице.

— Ну, — произносит Кирстен, — я в курсе, что мы выглядим не лучшим образом.

По комнате плывет много разных цветов и запахов, и Кирстен приходится через них всматриваться и идти медленно, чтобы ни на что не натолкнуться. На дальней стене висит монументальная живопись в стиле граффити с изображением уличного цветочного рынка, и это также оказывает влияние на ее восприятие глубины.

— Я не это имела в виду, милая, — произносит она, — я говорю о том, когда Ты-Знаешь-Кто притворяется тем, кого ты зовешь другом.

— У меня не было выбора, — оправдывается Сет.

Девушка взвешивает на ладони ножницы и поджимает свои губы в рубиновой помаде.

— Серьезно, — говорит он, — происходит больше, чем ты знаешь. Группа «зачистки», которую ты послала…

Ее широко распахнутые глаза сверкают.

— Прости, — говорит он, передавая ей медальон убитого

парня.

Она опускает взгляд и вытирает лезвие ножниц о фартук в красно-белую клетку, оставляя резкие полосы ярко зеленого цвета (Свежесрезанная Трава) поперек своего торса.

— Твое текущее назначение? — спрашивает она.

— Кажется, у нас проблемы посерьезнее.

Девушка выпускает ножницы из рук, закрывает и запирает входную дверь магазина и переворачивает табличку «открыто» на «закрыто». Автоматические жалюзи ползут вниз по стеклянному фасаду. Как только жалюзи оказываются на месте, она хлопает в ладоши, и они оказываются во тьме. Она нажимает кнопку, скрытую под прилавком, и часть монументальной живописи начинает подниматься вверх.

Они следуют за ней по сужающемуся проходу, ведущему к защищенному входу, рядом с которым девушка вбивает сложный код, а затем ей приходится приподняться на носочках, чтобы заглянуть в маленький экран над панелью кнопок. Красный лазер сканирует ее сетчатку, и раздается щелчок.

Дверь открывается, являя виду просторную, выглядящую лишенной цвета, комнату с несколькими шкафчиками высотой до уровня плеч. Яркий свет, потолочные плиты из ДСП и дешевые деревянные столы из фанеры: совсем не то, что Кирстен ожидала увидеть в подземном штабе мятежного культа. Здесь присутствуют и несколько других человек, тихо работающих за своими столами. Они бросают на Кирстен, Сета и флористку невидящий взгляд, когда те втроем заходят, а затем возвращаются к своим экранам. Несколько человек приветствуют Сета кивком подбородка.

Они подходят к дальнему углу, где располагается типичная для офиса кухня: простая раковина, холодильник-бар и кофемашина. Из-за маленького пластикового стола, расположенного за углом появляется мужчина, и Кирстен и Сет оба подскакивают на месте.

— Простите! — говорит он. — Не хотел вас напугать.

Мужчина жилистого телосложения и со светлыми усами ведет себя нервозно.

— Мне не стоило так резко выпрыгивать из-за угла. Пожалуй, я прыгун. Мне кажется, я немного нервничаю. Очень нервничаю. Я не подумал. Извините.

Цветочница не представляет их друг другу, и никто не пожимает рук.

— Я лаборант, — поясняет он, вытирая ладони о поверхность брюк. — Я тот, кто посмотрит на ваши образцы.

Он говорит слишком быстро и заканчивает предложения,

прикладывая указательный палец к губам, как будто, чтобы предотвратить дальнейшую болтовню. Сет достает все еще целые образцы воды «Фонтус» из рюкзака и передает их, вместе с пузырьком таблеток Кирстен. Цветочница приподнимает брови при виде таблеток, но не задает никаких вопросов.

— Есть еще кое-что, — произносит Сет. — Я знаю, это звучит безумно, но думаю, во мне есть чип, микрочип, — он потирает заднюю часть головы, — и мне нужно от него избавиться. Мы думаем, в него встроена отслеживающая система.

Глаза мужчины становятся все шире и шире: он прижимает образцы к груди, будто в желании защитить их.

Цветочница с грохотом захлопывает ящик и бросает взгляд на Сета.

— Так значит, ты не только притащил с собой гражданскую, но еще и послал цели наши гребанные координаты GPS?

— Мне жаль. У меня не было выбора. Чип — это наша единственная зацепка. Они найдут магазин, но не смогут добраться досюда.

Она выходит, опустив голову и быстро набирая номер.

— Итак, чип, — произносит мужчина, — микрочип, он все еще в твоей… собственной голове?

А есть не его собственная голова? Его теоретическая голова?

— Да, — подтверждает Сет. — У тебя есть скальпель?

Мужчина делает глотательное движение.

— Я не могу его вытащить. Не выношу вида крови. Я падаю в обморок, когда вижу кровь. Я гемофоб. Однажды, в старшей школе, я упал в обморок на лестнице, потому что там был этот большой постер с вампиром, реклама пункта сдачи донорской крови. Тот вампир выглядел дружелюбно, он выглядел больше похожим на Носферату, чем на современных неотразимо притягательных вампиров, был дружелюбным с широкой зубастой улыбкой и торчащими клыками. Там был нарисован «пузырь», как в мультиках, с надписью: «Я хочу высосать твою кровь». И я просто упал в обморок. Прямо там, на лестнице. Потерял сознание, бамс, вот как-то так.

Затем он вспоминает о своем пальце и снова прикладывает его к губам.

Сет создает много шума, копаясь в ящиках, но не находит ничего, чем согласен был бы резать свою голову. Он вздыхает и протирает глаза.

— Ладно, — говорит он Кирстен. — Ладно, — повторяет он, уже с большей уверенностью, делая жест рукой в сторону ее сумки.

Она вытаскивает карманный нож.

— У тебя есть спирт? — спрашивает он лаборанта.

Тот качает головой. Ему в голову, кажется, приходит догадка, так как он возвращается с аптечкой первой помощи, с полупустой бутылкой виски и несколькими сэндвичами на тостах.

— Спасибо, — говорит Сет, и она подмигивает ему, но не улыбается.

Кирстен уминает половину сэндвича, его сладковатый плавленый сыр ощущается золотистой лавой на ее языке. Это одна из самых вкусных вещей, которые она ела за долгое время. Она ощущает, как по направлению к ней раскручивается коричневая спираль, и как раз перед тем, как коснуться ее, исчезает. Она тщательно моет руки, наносит дезинфецирующее средство и обрабатывает нож и заднюю часть головы Сета виски. Ее травма замедляет ее. Сет сидит за столом, а тот мужчина отворачивается, занявшись лабораторным набором, который с собой прихватил.

Своей здоровой рукой, Кирстен начинает прощупывать кожу на голове Сета. Поначалу они оба вздрагивают от этих касаний: это слишком интимное действие для двух незнакомцев. «Но мы не незнакомцы», — говорят они себе оба. Там, где они соприкасаются, остается призрачное чувство.

— Так что привело тебя в биопанк? — спрашивает Кирстен.

Она пытается отвлечь его, а он испытывает желание попросить ее делать свое дело: он не ребенок. Он чувствует прикосновение холодного лезвия к своей коже.

— В старших классах я увидел на «YouTube» видео эксперимента с применением ЛСД над британскими солдатами в начале шестидесятых. Это было ужасно. Ты их видела?

Кирстен слишком сильно сконцентрировалась на своей задаче, чтобы ответить, но Лаборант начинает посмеиваться.

— Я их видел, я их видел.

Он улыбается, кивая им, а затем сразу же отворачивается.

— ЛСД-25, — говорит он. — Кислота. Солдаты начали чудить.

Сет против воли улыбается.

— Они подумывали использовать кислоту, как один из элементов химической войны, чтобы вывести врагов из строя, так что испробовали ее на людях. Те превратились из марширующих солдат с автоматами в абсолютных дурней. Они не могли прочитать карту и заблуждались, даже хоть холм, который им надо было найти, был прямо перед ними. Просто ходили кругами и ссались. Один парень забрался на дерево, чтобы покормить птичек.

Кирстен нащупала небольшое уплотнение и быстро вырезала

его. Сет даже не вздрогнул: лишь крутанул кольцо на пальце. Эта процедура прошла намного аккуратнее, чем ее.

— Командир, в конце концов, не выдержал и упал на пол, покатываясь со смеха.

Она надавливает на рану, чтобы остановить кровотечение, затем распыляет спрей и заклеивает принесенным с собой пластырем. Кирстен ополаскивает чип под краном, а затем передает Сету, который его рассматривает.

— Я тоже не верила в это, пока не увидела свой чип.

— Кислота была очень мощной. Простой наркотик превратил мужчин, тренированных убивать, в дураков. Умиляющихся дураков. Представь себе жизни, которые можно было бы сэкономить в наших войнах. Это в некотором смысле потрясло меня. Поэтому я и захотел стать химинженером.

Он передал чип Лаборанту, который принял его с некоторым колебанием.

Тот поднес чип к свету, постучал по стеклянной капсуле ногтем, а затем близко поднес к глазам, рассматривая чип через увеличительное стекло.

— Крайне научные методы, — пробормотал Сет на ухо Кирстен, отчего она чуть не подавилась остатками сэндвича.

Он сделал глоток виски и предложил его ей. Она не стала протирать горлышко перед тем, как отпить: сейчас они дважды кровные родственники.

Лаборант положил чип на плиточный пол и наступил на него. Капсула не разбилась, так что он наступил на нее снова, в этот раз перенеся на нее еще больше веса, капсула по-прежнему не поддалась.

— Крайне любопытно, — сказал он, спровоцировав от Сета усмешку.

Лаборант повернулся к ним, не зная, почему они смеются, а затем развернулся обратно к чипу.

— Суперстекло, — бормочет он. — Супер. Стекло. Хм-м.

— Почему это любопытно? — спрашивает Кирстен.

— Потому что суперстекло появилось на рынке только в девятнадцатом году, — отвечает Сет.

— Все же, предположу, что сам чип, — произносит мужчина, — был создан в начале девяностых. Но отслеживающие биочипы были изобретены только в две тысячи седьмом, так что это не имеет смысла. Это вообще не имеет смысла.

— Это мог быть, ну, скажем, ранний прототип, — предполагает Сет. — Ребята, которые его изготовили, очевидно, обладали намного более продвинутыми технологиями, но не делились ими. В то время технологии не были открытым

ресурсом.

— Здесь есть код, — говорит Лаборант, — он может быть связан с производителем.

Он сканирует миниатюрный штрих-код на чипе и зачитывает цифры. Кирстен к этому времени уже знает эти цвета наизусть и узнает номер Сета из списка.

— «Дженикс», так тут написано.

Лаборант отдает чип обратно Сету.

— Простите меня, — говорит Сет, поднимая чип, — мне нужно в джентльменскую комнату.

Уже через мгновение они слышат, как шумят трубы в стене. Скатертью дорога!

Сет возвращается назад, как и цветочница.

— Я эвакуировала офис, а снаружи теперь охрана. Надеюсь, что они смогут остановить всех непрошеных гостей.

Она одаривает Сета строгим взглядом, а выражение его глаз близко к извинению.

— Я сообщу вам о результатах, когда они придут, — произносит она, делая шаг в сторону, показывая, что они могут идти.

Они кивают лаборанту и выходят на улицу, где все еще слишком много опьяневших к обеду придурков, расхаживающих по разбитым тротуарам и наслаждающихся музыкой и свежим воздухом. Сет и Кирстен изучают лица окружающих их людей. Мужчина, прислонившийся к сломанному фонарю с цианобактериями, здоровается с ними легчайшим движением головы. Кирстен надеется, что он один из охраны.

Перед ними плавно останавливается такси, и прислонившийся мужчина жестом показывает им садиться. Они колеблются, но затем водитель быстро мелькает перед ними визиткой: зеленый кролик. Это происходит так быстро, что Кирстен задается вопросом, а не привиделось ли ей это.

Они залезают внутрь, и Сет дает водителю адрес «Томми Нокерс». Кирстен ощущает каждую кочку на дороге: каждая рытвина посылает еще больше синих искр вверх по ее руке. Ей нужно увлечься разговором, чтобы отвлечься от боли.

— Почему зеленый кролик? — спрашивает она. — Это кажется немного, я не знаю, слишком шутливым и эксцентричным для того, чем вы ребята занимаетесь.

— Уверен, что в твоем доме не завалялось никаких научных журналов.

— Не нужно огрызаться. Я предпочитаю картинки. От этого я не становлюсь тупой. Это то, как я вижу мир, в тысячах и тысячах фотографий. Изображения постоянно витают у меня в голове, как

будто я какой-то двойной проектор в 5D. Из жизни, гиперпамяти, из органов чувств… книги слишком атакуют мои органы чувств… ты бы не захотел оказаться в моей шкуре.

— Как и ты в моей, — парирует Сет. — Я вижу формулы, повторяющиеся мотивы и уравнения во всем. Звучит, как нечто подобное у тебя.

«Мы похожи, в некотором смысле», — думает он.

— Мы похожи, — говорит она, — конечно же, похожи. Мы близнецы.

Кажется странным произносить эти слова вслух. Он находит странным их слышать.

— Когда-нибудь слышала о последовательности чисел Фибоначчи? «Золотом сечении»? — спрашивает он.

— Конечно. Это та закономерность, что продолжает появляться в природе. И в прекрасных вещах. О Фибоначчи не знаю.

— Он был математиком. Открыл свои числа, теоретически разводя кроликов.

— Теоретически разводя? Звучит скучно.

— Я не собираюсь докучать тебе.

В сломанной руке Кирстен гудят нервные окончания.

— Расскажи мне. Я заинтригована.

— Так значит, в теории ты начинаешь с пары крольчат. Когда они в два месяца взрослеют, они заводят свою пару крольчат. Итого, в первый и второй месяцы есть всего лишь одна пара кроликов, а уже в третий месяц еще одна дополнительная. Сколько всего пар? Ноль, одна, одна, две. А затем у родителей рождается еще одна пара крольчат. Три. К тому времени, первые крольчата становятся взрослыми, у них рождается пара крольчат, как и у их родителей. Пять. Затем их становится восемь, тринадцать, двадцать один, тридцать четыре, пятьдесят пять… и так далее… за год получается сто сорок четыре кролика.

— Так значит, ты просто складывал числа, прежде чем добавить их к другому числу.

— Если ты хочешь лишить уравнение всей прелести, то да, пожалуй, можно сказать и так. Так что последовательность представляет собой fn равняется fn-1 плюс fn-2, где n больше трех или n равна трем.

— Ладно, сейчас я потеряла нить разговора.

— Это неважно. Я увлекся. Вся крутость в том, что соотношение в природе проявляется само по себе. Сосновые шишки, ананасы, подсолнухи, лепестки, человеческое тело, молекулы ДНК. Например, двойная спираль имеет ширину двадцать один ангстрем *(прим.: внесистемная единица измерения*

длины, равная 10^{-10} м) и длину тридцать четыре ангстрема в каждом цикле. Также числа появляются в различных алгоритмах. Так что это удобно применять в… программном обеспечении и прочем.

— Хакерстве?

— В теории.

— Ты такой же заумный, как и твои теории.

— Приходит со сферой деятельности. Наука и прочие отрасли.

— О-о-о, «наука», — передразнивает она, улыбаясь. — Использовать странное и красивое соотношение, чтобы побеждать засранцев. Зеленый кролик.

— Тут все дело в символизме.

— Мне нравится. Вы выбрали зеленый цвет по какой-то причине? Зеленое число — это три, так что это имеет определенный смысл.

— Это дань уважения биохудожнику Эдуардо Кацу. Он создал арт-работу при помощи трансгенного зеленого флуоресцирующего кролика по кличке Альба. Они привязались друг к другу. Однажды, он закончил свое исследование, а корпорация, на которую он работал, забрала свое слово и не позволила ему взять кролика себе домой, и Альба умерла в лаборатории. Это грустно. За время, проведенное вместе, они привязались друг к другу. Корпорация стала, ну, воплощением биохулиганов, а крольчиха нашим талисманом.

— Бедная Альба, — произносит Кирстен. — Что они в нее добавили, чтобы, ну знаешь, заставить светиться?

— Зеленый Флуоресцентный Белок из гена медузы.

Кирстен думает о красивой медузе, которую видела в океанариуме, когда узнала о смерти Бетти/Барбары.

— Я не знаю, мне это кажется неправильным.

— В этом и весь смысл. Он использовал трансгенное искусство, чтобы вызвать важные социальные споры по вопросам, касающимся генетики, и о том, как они влияют и будут влиять на следующие поколения. В то время это вызвало сильный резонанс.

— А бедная Альба живет и умирает в лаборатории.

— Да.

— Это некруто.

— Некруто.

— И значит… Фибоначчи, Кац… у тебя одержимость кроликами?

— Наукой. В любом случае, это теоретические кролики.

Машина останавливается, водитель глушит мотор. Сет смотрит поверх Кирстен в окно с ее стороны и произносит:

— Мы на месте.

Она приходит в движение, но он кладет руку ей на плечо. Между ними все еще пробегает ток.

— Оставайся здесь, это займет лишь минуту.

Кирстен наблюдает, как он исчезает вниз по аллее, а затем откидывается на заднее сидение, устраивает поудобнее больную руку и закрывает глаза.

«Кеке, мы идем. Только продолжай дышать, продолжай дышать».

Роло видит идущего Сета и начинает поднимать красную веревку, чтобы впустить его в клуб. Сет жестом показывает, что не станет входить, и Роло опускает веревку на место.

— Мистер Деникер, — произносит он низким раскатистым голосом, — что я могу для вас сделать?

— Рад тебя видеть, мужик, — говорит Сет, и они обмениваются рукопожатием, после которого в гигантской ладони мужчины из племени йоруба остается пять сотен ранд. — Мне нужно увидеться с твоими… партнерами… снова. Теми, с которыми ты познакомил меня несколько лет назад.

— Хотите сделать еще одно приобретение? — вопрошает он.

— Хочу.

— Люди меняются. У них разные адреса, разные контактные номера. Вы ищете ствол или перо?

— Ствол.

— В таком случае, предлагаю связаться с Абеджайд.

Он достает свой телефон, который в его огромных руках выглядит, как игрушка, и нажимает кнопку. «Тайл» Сета вибрирует.

— Скажите ему, что это я вас прислал.

Сет поворачивается, чтобы идти, когда Роло произносит:

— Я так понимаю, мистер Деникер, за вами следят?

Глава 28
Маленький лагос
Йоханнесбург, 2021

Сет поворачивается кругом, его рука покоится в кармане, но он никого в аллее не видит. Роло показывает бровями, что злоумышленник впереди них, за углом справа, эффективно блокирует Сету выход. Роло жестом показывает вышибале внутри присмотреть за дверями, и кивает Сету головой, чтобы тот следовал за ним.

Они входят в клуб и проходят по плюшевому ковру сквозь бархатные шторы по направлению к туалетам. Внутри как будто полночь. Женщина в бикини из змеиной кожи лениво танцует у

шеста. Гости, покачивая напитками со льдом, кивают Роло, когда они с Сетом мимо них проходят. Туалетная комната большая и просторная, декорированная со вкусом в отличие от яркого интерьера клуба. Мужчина покачивается на пятках у одного из писуаров.

Они подходят к последней кабинке слева, которая всегда закрыта. Роло вытаскивает связку ключей из кармана, прищуриваясь, их разглядывает, находит нужный ключ и отпирает дверь. Там, где должен быть туалет, оказывается еще одна дверь. Он протискивается со своей громадной фигурой в узкую кабинку к двери, отпирает ее, а за ней оказывается темная улица позади клуба.

— Доброго вам вечера, сэр, — говорит он, будто не происходит ничего необычного.

— Доброго вечера, Роло.

Сет плавно скользит вдоль теней у здания, пока не добирается до автомобиля. Он подкрадывается к нему и чуть не подпрыгивает, когда обнаруживает, что автомобиль пуст. Мужчина остается внизу, сидя на корточках рядом с машиной, и вытаскивает свой пистолет. Продвигается вперед и заглядывает в машину, которая на самом деле не совсем пуста, тело водителя завалилось на бок, в его виске пулевое отверстие. Он оглядывается вокруг, но кругом лишь вечерняя тишина.

— Кирстен? — зовет он, зная, что, если убийца рядом, Сет выдаст ему свою позицию, но в этот момент ему все равно. — Кирстен?

Из-под машины выстреливает рука и хватает его за лодыжку, он вскрикивает от испуга, наставляя в ту сторону пистолет. За долю секунды до нажатия на курок, он узнает руку — женская версия его собственной руки.

— Кирстен! — шепотом произносит он.

Она начинает выползать: он пытается помочь ей. Девушка белая, как полотно, и покрыта бусинками пота. Мужчина подхватывает ее на руки, затем открывает дверцу со стороны водителя и выталкивает мертвеца на улицу. Он ищет кошелек, но карманы водителя пусты. Кирстен карабкается на пассажирское сиденье, чувствует, как теплая кровь просачивается через материал ее джинсов. Сет запрыгивает внутрь, запирает двери и нажимает кнопку зажигания. Прошло уже какое-то время с тех пор, как он сидел за рулем.

— Пристегнись, — просит он, но онемевшие пальцы Кирстен не могут с этим справиться.

Он не включает свет в салоне, пока они не выезжают на главную дорогу: он продолжает высматривать «хвост» в зеркале

заднего вида.

— Что произошло? — спрашивает он, не отрывая взгляда от дороги.

— Что произошло? Парень с симпатичным лицом вылетает из окна, а затем мозги мужчины вылетают из головы.

— Ты видела, кто это сделал?

— Он. Он видел что-то…

— Кто?

— Водитель. Видел что-то или слышал что-то. Он сказал мне спрятаться. Времени не было. Он бы увидел, если бы я побежала. Я закатилась под машину. Затем услышала выстрел, и повсюду были желтые звезды. Я видела его ноги. Убийцы. Большие. Черные ботинки, как… рабочие. Он обошел машину по кругу, так медленно. Я пыталась не дышать. Затем он пошел в направлении, в котором ты исчез.

— Один парень?

— Да. Мне так кажется.

— Должно быть, он последовал за нами от цветочного магазина.

Кирстен молчит и смотрит перед собой.

— Он поджидал меня, в аллее. К счастью, теперь мы немного впереди него.

Сет возится с панелью кондиционера. В машине нехолодно, но Кирстен трясет. Какое-то время они едут в тишине.

Кирстен пролистывает выпадающий список контактов Кеке в поисках Марко. Такого имени нет, так что она ищет ДСП, но и такого нет. Большинство контактов, кажется, закодированы, или указаны под прозвищами. ГостинаяЯщерица, Открытый СОУС, отельбарсуперзвезда. Затем она видит ХБГ и нажимает на него. Хакербой Гений.

КК: ХБГ, это Кирстен. Ты тут?
HBG: Где Кеке, с тобой?
КК: Кеке пропала. Нам нужна твоя помощь.

Он долго не отвечает.

HBG: Что угодно. Ради нее.
КК: У тебя есть новая информация, о которой ты ей еще не рассказывал? У меня ее флешка.
HBG: Не/много. Эти мудаки знают, как подчистить за собой следы.
КК: Чипы были произведены «Дженикс». Капсула из суперстекла.

HBG: Опередили/свое время.

КК: Ты можешь узнать, кто имел доступ к такого рода технологиям в ранние девяностые?

HBG: Короткий ответ: никто, но я проверю.

Кирстен смотрит на Сета, который сосредоточен на лавировании по узким дорогам, наводненными пешеходами.

— Что-нибудь есть? — спрашивает Сет.

— Он ищет. Даст нам знать, как только что-то найдет.

Дороги забиты до отказа маршрутками разных цветов и разной степени неисправности. Читая стикеры на бамперах, Кирстен думает о том, что ей следует сфотографировать их когда-нибудь и устроить выставку такси-декора в Джози. Она думает о мини-диско-шарах, хула-девушках, меховых игральных костях, свисающих с зеркала заднего вида, которые она фотографировала за прошедшие годы. Вырезанное изображение автомобильного радио, приклеено к приборной панели липкой лентой; самодельный держатель для напитков сделан из старого пластикового стакана от светлого пива сорта «Лагер», удерживаемый на месте искусно согнутой вешалкой; ручной вентилятор, прикрепленный к ветровому стеклу и подключенный к прикуривателю; пожеванное собакой изображение молодой невесты, потеющей в платье из синтетического волокна, застрявшее под солнцезащитным козырьком. Все эти вещи рассказывают свои истории.

Люди окружают их машину со всех сторон. Водители управляют транспортом одной рукой, наваливаются телом на гудки, высовывают головы из окон. В нескольких метрах от них происходит потасовка.

— Добро пожаловать на территорию «Гадаван Кура»: Маленький Лагос, — говорит он.

— Не стоит называть это место Маленьким Лагосом, — журит его Кирстен. — Это не-ПК *(прим.: не политкорректно)*.

— Нах*й ПК, — отвечает Сет. — Здесь больше всего нигерийцев — и гиен — вне территории Нигерии.

— И малавийцев. И зимбабвийцев.

— Эти ребята не считаются, — не соглашается он, — они ведут себя тихо.

— Африканское Гетто.

— Это более ПК. Более выразительно. Хорошее название.

Они достаточно долгое время не двигались, так что Сет паркует автомобиль с намерением, чтобы они прошли остаток пути пешком.

— Просто безумие разгуливать здесь, но, если мы будем

торчать в этой пробке, твоя подруга нас не дождется.

Кирстен хватает инсулиновый набор, закидывает его ручку на руку и прижимает к груди, пока они прокладывают себе путь через толпу людей. Сет нажимает кнопку блокировки авто и включает сигнализацию, но он не питает особой надежды, что машина по-прежнему будет здесь, когда они вернутся. Поблизости есть еще несколько белых оборванцев, которые выглядят местными — бедные белые, думает Кирстен, которые не так сильно выделяются, как она с ее новой укладкой аля-после-апокалипсиса, и как Сет с его накрашенными глазами и пирсингом. Она выросла в обществе, которое практически безразлично к цвету кожи, так что для нее это новое ощущение, так что она никогда так сильно не осознавала свой цвет кожи: она ощущает взгляды со всех сторон. Они проходят через неофициальный рынок, мимо нескольких киосков на обочине дороги, которые, кажется, процветают. Телефонные карточки, пышные белые хлеба, амаскопас *(прим.: южноафриканский разноцветный попкорн)*, уже бывший в использовании парафин, поцарапанные пластиковые банки с содовой, желтые коробки спичек «Лайон», полупустые бутылки с дешевым пойлом со вкусом бренди, гнилые бананы. Потрепанные банкноты в 50 ранд переходят из рук в руки, сдачу проворно убирают в теплые карманы, никогда не пересчитывают. Они лавируют в потоке людей, Кирстен прикрывает свою сломанную руку, в то время как Сет сворачивает на безымянную улицу.

Они еще несколько раз поворачивают, проходя мимо дома, в котором сейчас траур, на двери дома висит предупреждение о «Супербактерии». Стоны жильцов посылают россыпи синего порошка, исходящего от дома, и Кирстен пытается уклониться от них. Сет почти споткнулся об слепого нищего с серым молоком вместо глаз, а от зловония из открытой канализации у Кирстен начинаются позывы к рвоте у грязной, уродливой стены.

— Почти пришли, — говорит он, проверяя свой «Тайл» и хватая ее за руку, когда она выпрямляется. Она позволяет ему вести себя дальше в замусоренный лабиринт.

Они прибывают на место назначения, но там оказывается не то, что ожидал увидеть Сет. Дом, в стиле пятидесятых из кирпича и извести, вызывающе стоит среди своих соседей из рифленого чугуна. Сломанные ступени ведут на небольшую веранду цвета бургунди: кажущиеся хрупкими на солнце пластиковые стулья и синяя входная дверь. Выбитые окна, за которыми темнота, напоминают отсутствующие зубы на чумазом фасаде.

— Я ожидала… охранную систему получше… в этом месте, — говорит Кирстен, — принимая во внимания особенности их

бизнеса.

— Они часто переезжают. Предположу, что у них не всегда есть время, чтобы установить электрический забор.

Они поднимаются по ступеням и пугаются, когда что-то со спутанным полосатым мехом несется прямо на них с визгом и обнаженными желтыми клыками (Гнилой Желток). Они оба подскакивают. Животное уже в метре от них, но его отдергивает назад натянувшаяся цепь. Обезьяна.

— Боже правый, — произносит Кирстен, прижимая руку к грохочущему сердцу.

Несмотря на то, что прикована к колонне, обезьяна все равно пытается добраться до них, издавая недовольные громкие звуки. У обезьяны натерта шея от ошейника: кажется, в этом доме часто бывают гости.

— Вот и твоя охранная система, — замечает Сет.

Они стучат в дверь. Кирстен отчаянно хочется вымыть руки, она размышляет, если ли в доме водопровод. И, если у них есть водопровод, будет ли это уместно, просить разрешения им воспользоваться? Она не уверена, как себя вести в подобного рода ситуациях. Она будет улыбаться и мило попросит, надеясь, что не нарушить протокол. Позади двери слышатся шаги, и мужской голос произносит:

— Да?

— Я ищу Абеджайд, — отвечает Сет. — Абеджайд.

Дверь открывается, но внутри не горит свет и не доносится ни звука. Они принимают это за разрешение войти, и как только они переступают через порог, дверь захлопывается, и их прижимают к стене, зажав им рты ладонями, пропахшими дымом, а у их головы щелкают пистолеты.

Глава 29
Смех гиен

Йоханнесбург, 2021

Кто-то щелкает выключателем, и Кирстен бомбардируют изображения комнаты. Кадмий пылает вокруг пяти блестящих мускулистых мужчин: темнокожие, лоснящиеся, как тюлени. На них надета легкая, запылившаяся одежда, на предплечьях красуются полоски из меха диких животных, на груди кожаные безделушки, а в руках у них самые большие автоматы, которые Кирстен только видела в своей жизни. Только двое наставляют на них свое оружие: Кирстен предполагает, что двух АК-47 вполне достаточно.

Самый молодой из них обыскивает их и забирает пистолет Сета. Он выглядит смущенным, когда видит кровь на джинсах

Кирстен. У нее возникает беспричинное желание сказать ему, что кровь не ее, но у нее зажат рот. Он вырывает инсулиновый набор из ее руки, обнюхивает его и бросает на пол. Она начинает протестовать, и дуло пистолета упирается прямо ей в ребра. Сет слегка напрягается в руках удерживающего его мужчины. Не слишком сильно, чтобы его застрелили, но и не слишком слабо, чтобы его сбрасывали со счетов.

— Что у нас тут? — спрашивает мужчина.

— Парочка белых червей, — отвечает другой. Он произносит последнее слово как «чер-ВЕЙ».

— Ты коп? — спрашивает он Сета, убирая свою руку, чтобы дать ему ответить.

Животные зубы на его кожаном ожерелье постукивают друг о друга, посылая в сторону Кирстен небольшие круги. Сет смеется.

— Я думаю, все знают, что копы не суются в Маленький Лагос.

Мужчина отрывисто смеется и оглядывается на своих коллег. Они зубоскалят. Этот момент быстро заканчивается: как только он перестает улыбаться, другие перестают тоже.

— Тогда, кто ты, бл*ть, такой? — спрашивает он.

— Панк, — отвечает один из мужчин. — Еб*нный панк пришел устраивать нам проблемы.

Сет видит, что говорящий опасен: находится под воздействием чего-то — тик? «Найопи» *(прим.: южноафриканский наркотик, изготавливаемый из смеси героина, лекарства от ВИЧ и крысиного яда)*? «Белый Лобстер» *(прим.: сброшенный в воду кокаин, который вылавливают рыбаки, ловящие лобстеров)*? — он не способен сдержать свои дерганные телодвижения. Не совсем то, чего хочется от мужчины, наставившего огромную пушку тебе в лицо. Кирстен чувствует, что он убил множество людей.

«Испытывает жажду крови», — думает она. Она практически чувствует от него теплый красный металлический запах.

Мужчина в ожерелье из зубов, вероятно, лидер, прищурившись смотрит на Сета. Он вытаскивает охотничий нож из ножен на бедре и проводит им по лицу Сета, а затем проводит им по его одежде.

— Думаю, нам стоит снять с него шкуру, — предлагает тот, что склонен к насилию, чуть ли не подпрыгивая на месте. — Снять с него шкуру и скормить его долбанным гиенам.

В разговор вклинивается другой:

— Они голодны. На этой неделе не получали своих курочек.

— Ты знаешь, что это значит? — спрашивает он Кирстен, облизывая губы. — Это значит, что они съедят вас вместе с костями. Хрусть-хрусть!

Кирстен пялится на него.

— А что в этой маленькой ценной коробочке? — спрашивает придавливающий ее мужчина, пинком отправляя инсулин лететь через комнату. Другой мужчина останавливает набор ногой, как будто это футбольный мяч. Она снова пытается возразить, но начинает чувствовать головокружение, а запах руки мужчины у ее ноздрей искажает ее зрение.

— Я скажу тебе, что это, — произносит безумец, поднимая ногу. Сет пытается шагнуть вперед, но его отбрасывают обратно к стене. Мужчина прыгает на сумку всем своим весом. — Это осколки!

Он смеется.

Рот Кирстен наполняется слюной. Она пытается предупредить, но слишком поздно, и вскоре горячая рвота льется через пальцы ее стража, через ее нос, и она сгибается пополам.

Мужчина смотрит на нее в ужасе и пятится назад.

— Ты подцепила Бактерию.

— Нет, нет, — говорит она, качая головой, — я не больна, — и ее снова рвет.

Другой мужчина тоже делает быстрый шаг назад.

— Вы принесли злую магию в этот дом, — говорит он. Другие выглядят обеспокоенными, их пальцы танцуют на курках.

Кирстен злится. Она вытирает рот тыльной стороной ладони.

— Я принесла злую магию в этот дом? Вы в последнее время вообще смотрели в зеркало? От вас воняет смертью. Вы хотите содрать с нас шкуру, но говорите, что я принесла злую магию в ваш дом? Пошли вы нах*й!

Затем она поворачивается к другим.

— И вас всех тоже нах*й!

Они смотрят на нее и переглядываются друг с другом, не уверенные в том, что делать. Она сглатывает и опускает взгляд на мокрое пятно на полу.

— А сейчас я вымою руки, — рычит она, двигаясь к кухонной раковине, — только попытайтесь меня остановить.

Она находит твердый кусок мыла, чтобы натереть им руки. Кран оплевывает ее водой, а над ее головой гудят трубы. Как только ее руки снова чистые, она плещет воду на лицо и шею. Когда она делает несколько шагов назад в гостиную открытой планировки, никто не говорит ей ни слова. Она собирает набор и встает подальше от лужи блевотины на тонкий ковер, усеянный подпалинами от сигарет, надеясь, что ее не вырвет снова. Мужчина тоже моет свои руки.

— Послушайте, — говорит Сет, — меня прислал Роло. Он сказал, что мне стоит спросить Абеджайд.

— Роло тебя послал? — спрашивает лидер.

— Это первое, что бы я тебе сказал, если бы вы не набросились на нас.

— Дай мне свой телефон, — говорит он.

— У меня нет телефона, — отвечает Сет. — Я ношу панель.

— Умный, да? Тогда дай сюда свой планшет.

Сет передает ему свой «Тайл». Мужчина нажимает несколько кнопок, проверяет историю «бампов» на предмет сообщений от Роло, затем отдает планшет обратно Сету, делая другим знак опустить свое оружие, говорит что-то, вероятно, на местном диалекте, что Сет не улавливает. Агрессивный мужчина выглядит раздраженным, вероятно, от имени голодных гиен.

— Мне нужны патроны, и нам нужно что-то для нее, что-то, чем легко владеть.

— Мы не продаем револьверы для леди, — огрызается он.

— Тогда хорошо, что я не леди, — парирует Кирстен.

Он смотрит на нее, а затем снова смеется своим коротким, отрывистым смехом.

— Хорошо, — произносит он и кивает остальным.

Сет ожидает, что те просто напечатают перед ними пистолеты, или у них уже есть напечатанные, но вместо этого двое мужчин передвигают кофейный столик к стене и отворачивают ковер в гостиной, под которым оказывается огромный люк. Тяжелая дверца из древесины поддается с трудом, внизу вперемешку обнаруживается целая куча оружия на любой вкус.

Не совсем оружейный магазин, больше похоже на схрон военных времен, как кажется Кирстен, старый тайник «Умконто ве сизве» *(прим.: вооруженное крыло АНК, созданное в 1961 году для вооруженной борьбы с режимом апартеида)*. Она почти что ожидает, что руку мужчины оторвет минной ловушкой, когда тот опускает туда руки. Он жестом показывает, чтобы ему бросили пистолет Сета: он ловит его одной рукой и изучает.

— «Z88»? — спрашивает он.

— Да, — отвечает Сет.

Мужчины находит нужные боеприпасы и передает наверх несколько коробок.

— Еще, — просит Сет.

Он передает еще две.

— Еще одну.

Мужчина пожимает плечами и передает еще одну.

— Тебе надо победить целую армию? — спрашивает он, отчего другие парни усмехаются.

— Может и придется, — отвечает Сет на полном серьезе.

— А для тебя? — спрашивает он, смотря на Кирстен.

— У вас есть компактный полуавтомат? — спрашивает Сет, — например, «CS45» или что-то в этом роде?

Мужчина качает головой. Он начинает рыться в груде оружия, чтобы подыскать что-нибудь подходящее.

— Дай ей АК, — советует один из них, и другие снова усмехаются.

— Что насчет этого? Тебе он нравится? — спрашивает он, показывая ей большой серебряный револьвер Ругер. Она хмурится при виде него.

— Он работает? — спрашивает она.

— Работает, — говорит он.

— Тогда нравится.

— Мы продаем только работающие пушки, — говорит он, передавая ей патроны. — Мы как… как же это называется? За постоянных клиентов.

— Мы так и поняли, — бормочет Сет.

— Абеджайд хорошо запоминает лица, — произносит один из мужчин. Кирстен считает, что это его способ сказать, что их следующая покупка пройдет более гладко, но затем другой зловеще добавляет: — Никогда никого не забывает, — эта фраза звучит самой настоящей угрозой.

— Что это за штуки? — она указывает в сторону того, что выглядит, как бывшие в использовании губные помады.

— Тебе они не понадобятся, — говорит он, — они для леди.

Он берет одну в руки, снимает колпачок и делает вид, что красит губы, проводя широкий круг вокруг рта. Надувает губы и хлопает ресницами. На заднем фоне раздаются смешки.

— Это волшебные палочки, — говорит он. — Ты не знала, что здесь мы творим магию?

— Как это работает? — спрашивает она.

— Пошли со мной, — говорит лидер, — я тебе покажу.

Она уже жалеет, что спросила, потому что не хочет идти с ним, не хочет знать.

— Пошли, — приказывает он, и она подчиняется.

Сет идет следом за ней. Они идут по коридору в другую комнату с потрескавшейся задней дверью. Он открывает дверь, и они видят светящиеся глаза, смотрящие на них в ответ (Неоновый Зеленый). Автоматически зажигается свет снаружи, раздается громкий смех и тявканье. Пять, шесть, семь зверей бродят по травянистой земле, царапая ее и нюхая, выкатив розовые языки.

— Святой Аид, — выдыхает Сет. — Они не шутили насчет гиен.

Животные издают смеющиеся звуки. Абеджайд называет одну из них по имени: взрослую самку с глазами животного, побывавшего на войне, которая перемещается прыжками. Он свистит: в ответ раздается шесть голосов на высокой ноте, и она выходит вперед. Ребра выступают на ее боках: вероятно, она надеется, что ее покормят. У Кирстен сжимается желудок.

Абеджайж наставляет волшебную палочку на животное и нажимает кнопку, посылая длинный голубой электрический луч в сторону ее тела, отчего она, как в замедленной съемке, подскакивает в воздух и с удивленным взвизгом падает вниз на песчаную землю, где остается лежать без движения. Другие гиены паникуют и пытаются сбежать, но они находятся в замкнутом пространстве и отскакивают от садовой изгороди, ни на минуту не переставая визжать. Мужчина смеется, а Кирстен снова становится дурно.

— Видишь? — спрашивает он. — Я же сказал тебе, работает.

Животное лежит на земле и подергивается.

— Ты убил ее? — спрашивает она. — Она мертва?

— Не, — отвечает он, — она крепкая. Живучая. Как и ты.

Они берут пистолеты, патроны и помаду-тазер, платят наличными: толстой бобиной банкнот по 500 ранд. Это все деньги, которые есть у Сета, и они трижды покрывают стоимость оружия. Они проверяют тощий кошелек Кирстен и выгребают все ее деньги тоже. Никто не благодарит. В конце концов, это скорее похоже на вымогательство, чем на бизнес-транзакцию.

Сет с Кирстен пробыли в доме не больше часа, но по ощущениям несколько дней. Они выходят из дома. Обходят стороной бешеную обезьяну и сбегают вниз по ступеням, оба глубоко вдыхают грязный воздух. Тепло, Кирстен отдает Сету его толстовку, укладывает свой новый пистолет и тазер в сумку. У нее ноет рука, но адреналин в крови притупляет боль.

По пути назад улицы кажутся тише: большая часть рыночных прилавков свернули работу и переехали на другое место, как будто их и не существовало. Какое-то время они не могут найти машину, оба думают о худшем, но затем находят ее, выглядящую брошенной, на дороге, на которой они вроде бы не парковались.

Они совершают беглый осмотр: все четыре колеса на месте, двигатель и аккумулятор, кажется, тоже, а под машиной нет лужи тормозной жидкости. Кирстен открывает сломанный набор и находит единственную ампулу инсулина, пережившую нападение. Она показывает ее Сету, целует, а затем осторожно опускает в карман.

«Одна, у нас осталась одна», — думает Кирстен.

«Одной ей хватит», — думает Сет.

Кирстен видит «бамп» от Марко, просящего ее проверить чат.

HBG: Эй, есть для тебя кое-что.

Глава 30
Еб*нные мудаки с большой буквы «Е»

Йоханнесбург, 2021

КК: Извини, смогла ответить только сейчас, нас задержали.

HBG: Беспокоился.

КК: Что у тебя?

HBG: Посылаю тебе фото.

На ее экране появляется изображение: фотография трех студентов, сидящих на травянистом холме. Они выглядят, как обычные студенты: одежда в стиле хиппи, расслабленные лица, легкая аура высокомерной молодости. Два длинноногих белых мужчины в узких брюках, один в очках в толстой оправе, и молодая темнокожая женщина, смотрящая вдаль в сторону камеры. На заднем фоне виднеется какая-то университетская эмблема. Логотип. Они кажутся смутно знакомыми: она видела их раньше? Но Кирстен не может вспомнить, кто они.

КК: Получила. Студенты, примерно 1970?

HBG: Да. Есть специальный поиск конкретно для файлов

и фото, которые удаляли раз за разом. Эту фотографию удаляли свыше 6 тысяч раз. Кто-то не хотел, чтобы их нашли в «Сети».

КК: В связи с какой тематикой?

HBG: Кекс дала мне мало информации. Я искал запрещенные файлы, «Тринити». Эти трое были известны, как «Тринити», когда учились вместе. УМНИКИ. Тег продолжает всплывать.

КК: «Тринити»? Как в «Тринити Клиник»?

HBG: Похоже на то. Тогда суперстекло и «Фонтус» не связаны на бумаге, кроме очевидной бизнес связи, но копни глубже и увидишь, что они субсидируют сотни других кампаний в холдинге «Дженикс», известную как «ДжиЭнИкс Энтерпрайзис».

КК: Все принадлежат одному человеку?

HBG: Одним и тем же людям. Трем людям.

КК: «Тринити».

HBG: Зарегистрировали «Дженикс», когда еще были студентами.

КК: Какое/отношение к Кеке?

HBG: Ты.

КК:??

HBG: Кеке начинает копать/ключевые слова/угрожает кампании. Я предполагаю, у них есть хакботы, занимающиеся автомониторингом всего такого, находят источник и уничтожают.

КК: Но у Кеке не было такой информации, только список штрих-кодов.

HBG: Вуаля.

КК: Так значит, штрих-коды представляют для них угрозу. Список похищенных детей представляет для них угрозу.

HBG: Да, следовательно, ваш хитлист, + любой, кто встанет/на пути.

КК: Мы бы не узнали, что есть связь, если бы они не отреагировали на Кеке.

HBG: Они слишком осторожны.

КК: Кто эти люди на фото «Тринити»?

HBG: Я пробиваю их лица через свой «ФазиформДжи». Будет совпадение через час или около того.

КК: ЧАС? Сахарное приложение Кеке говорит, что осталось только пять часов.

HBG: Быстрее никак.

КК: Мы можем заскочить?

HBG: Кто это мы?

КК: Сет (номер 5) и я?

HBG: Не принимаю посетителей. Особенно, тех, что связаны с похищениями и мрачным жнецом.

КК: Нам больше некуда пойти.

HBG: Полиция?

КК: Никакой полиции.

HBG: Республика Кейптаун? Мексика? Бали?

Он долго ничего не пишет.

КК: Лишь до тех пор, пока мы не выясним, кто такие «Тринити» и как найти Кеке.

HBG: За вами хвост?

КК: Я так не думаю.

HBG: Ты так не думаешь? Утешает.

Кирстен выходит из аккаунта и получает координаты GPS Марко: уезжает с Сетом из Маленького Лагоса, параллельно рассказывая ему о «Дженикс». Когда она рассказывает ему о «Фонтус», он бьет по верхней части рулевого колеса.

— Ох*еть, — произносит он. У него такое лицо, как у человека только что выигравшего в лото. Или пришедшего к Иисусу. — Я так и знал!

— Ты знал, что ублюдки, ответственные за наше похищение — это те же ублюдки, на которых ты работал?

— Нет. Я просто знал, что они нечисты на руку. Знал, что они мудаки. Еб*ные мудаки. Еб*ные мудаки с большой буквы Е.

— Послушай, это предложение вообще не имеет смысла.

— Еб*ный «Фонтус».

Он с шумом выдыхает, качая головой.

— Ты все еще думаешь, что «Проект Генезис» миф?

У Сета подергивается уголок рта, но он не отвечает. Достает свой пузырек с таблетками из кармана, собирается достать таблетку, но вместо этого выбрасывает их в окно.

***

Марко барабанит пальцами по коленям, затем по столу, затем снова по коленям. Сотни тысяч лиц мелькают в его программе «ФазиформДжи» в поисках соответствия. Он не может усидеть на месте. Сует в рот пончик, но у него так пересохло во рту, что он чуть им не давится. Парень оглядывает комнату, берет в руки виниловую игрушку и делает вид, что стреляет в другую игрушку. Он имитирует звук лазерного оружия и опрокидывает вторую игрушку. В его голове толпа ликует.

Компьютер чирикает: он подобрал соответствие одному из трех лиц. Марко заглядывает в экран, остаток пончика падает у него из рук.

— «ФазиформДжи» пора тебе отдохнуть, — говорит он, — ты брешешь.

***

Берлога Марко больше напоминает бункер, чем дом. «Форт Нокс» более гостеприимный на его фоне. Кирстен изучает взглядом гигантские ворота и восьмиметровые стены, покрытые блестящей электрифицированной проволокой. Видеокамеры следят за их перемещениями у ворот. Она нажимает на кнопку интеркома, но ответа нет. Она нажимает снова.

— Ты думаешь, он передумал? — спрашивает она Сета. — Он, правда, не хочет, чтобы мы приходили.

Сет инспектирует ворота. Он надавливает на них, как будто, чтобы проверить, как крепко их держит замок, и они распахиваются. Кирстен рада — теперь они могут войти — но внезапно у нее замирает сердце. Ох. Ох, это плохо.

— Невозможно, — говорит она. — Невозможно, чтобы они его нашли. Что они добрались сюда раньше нас. Я была с ним в онлайне всего пятнадцать минут назад.

— Ты уверена, что это был он?

Они оглядываются вокруг, замечают осколки разбитого стекла на подъездной дорожке, парочку поврежденных растений. Сет направляется назад к машине, отпирает ее.

— Что ты делаешь? — спрашивает она.

— Убираюсь отсюда нах*й.

— Мы должны зайти, — говорит она, — это единственная зацепка.

— Это плохая идея, — замечает он, но все равно закрывает дверцу машины.

Как только они заходят на территорию и проходят половину расстояния до дома, двери закрываются, а запорный механизм со щелчком встает на место. Электрическая проволока, которая окружает место по периметру, начинает гудеть, как зловещее свечение. Они слышат, как лают злые псы, но бежать некуда.

— Это ловушка.

Глава 31
Несвятая троица

Йоханнесбург, 2021

Лаянье собак уже оглушительно, но никаких собак не видно. Белые пики режут глаза Кирстен, и ей приходится их прикрыть.

— Это он был онлайн, я уверена!

— Может быть и он, но с пистолетом у виска.

До Сета доходит, что это звуковая запись, проигрываемая раз за разом. В неухоженном саду должны быть спрятаны динамики. Входная дверь открывается, двери безопасности отключены в трех разных местах, из них выходит пухловатый молодой парень с кожей цвета капучино и в тонированных очках. Он поправляет их на носу и, прищурившись, рассматривает своих гостей. В руках у него игровая консоль, на которой он что-то нажимает, и лай прекращается. Другая кнопка включает успокаивающий белый шум: звуки водопада, пение птиц, раскаты грома.

— Привет, — говорит он, — простите за собак и ворота. Я запрограммировал их сам и все еще исправляю некоторые недочеты. Или исправлял. Я прокрастинатор. Параноидальный прокрастинатор.

Когда они не двигаются и не заговаривают, он подходит ближе по подъездной дорожке, бросая взгляд слева направо, как будто переходит дорогу. Его руки остаются на консоли.

— Я Марко, — говорит он Кирстен, краснея. — Очевидно.

На нем надета говорящая футболка слишком маленького размера, растянувшаяся на его рыхлом животе. На футболке простая анимация, изображающая запыхавшегося чихуахуа, который говорит: «Моя любимая частота 50,000 Гц». Когда Марко поворачивается к ним спиной, чтобы провести в дом, надпись на спине гласит: «Вы, вероятно, никогда не слышали о ней прежде».

— Входите, — приглашает он. — Мне есть, что вам показать.

Его комната — подвал — от стены до стены заставлена стеклянными экранами, мигающими огнями проекторов, процессорами, постоянным белым шумом и запахом сахарной пудры. Стены обклеены постерами с шутками динозавра тирекса, немыслимыми математическими формулами, а на одном изображена симпатичная планета. Постер гласит: «Бог создал Сатурн и полюбил его, так что обвел его кольцом».

«Чудаковатый юмор», — думает Кирстен, подталкивая Сета локтем.

— Твой типаж парня.

Он изображает гримасу «как смешно». Она замечает на стене задумчивую женщину, черно-белая фотография, и Кирстен кажется, что она знает женщину с фотографии.

— Винтажная кинозвезда? — спрашивает она Марко.

Он мгновенно останавливается, сдавливая клавиатуру своими короткими пальцами.

— Это, — говорит он, — Хеди Ламарр.

На ее лице отсутствует какое-либо выражение.

— Ламарр была выдающейся женщиной, я буду любить ее

всегда.

Ладно, это совсем не странно.

— Она была самой красивой женщиной в Европе в сороковых, снялась в тридцати пяти фильмах, в одном из которых был впервые показан женский оргазм, и была математическим гением. Она изобрела метод расширения спектра с псевдослучайной перестройкой частоты!

— Это Wi-Fi, — поясняет Сет. — Беспроводной интернет.

— Никогда о таком не слышала, — говорит Кирстен, но, тем не менее, она впечатлена, особенно, степенью его чудаковатости.

Она удивлена, что у него нет «шеи бороды» *(прим.: это уничижительный термин и стереотип для мужчин, которые проявляют такие характеристики, как социальная неловкость, неуспех или претенциозность)* или вытянувшихся пальцев, как у геймеров.

— Вы как раз вовремя, — говорит он, используя телефон, как беспроводной указатель, чтобы открыть браузер на главной странице, в котором находится фотография студентов-коллег, и, запуская программу, показывающую какие характеристики лица принимались во внимание при поиске соответствия.

— Этот «ФазиформДжи» обладает удивительными характеристиками. Вы не поверите результатам. Тому, кто эти чуваки на фото, то есть.

Он снова поправляет очки.

— Это просто глыба. Это как космос. Неудивительно, что они пытаются это скрыть.

— Марко? — сверху лестницы доносится женский голос с легким акцентом хинди.

Парень закатывает глаза.

— Не сейчас, ма! — говорит он. — У меня встреча!

— Марко? — зовет она, в этот раз ближе.

— Ма! — отвечает он. — Я занят!

Индиго в золотом обрамлении вспыхивает у подножия лестницы.

— Мне показалось, что я слышала голоса!

Она ослепительно улыбается, красивая женщина в таком ярком сари, что больно глазам. Она держит серебряный поднос, полный еды, приготовленной во фритюре. Дымчатые ленты запахов: кумина, куркумы, кардамона плывут к ним. Кирстен моргает, на короткое время ей кажется, что у нее галлюцинация. В данный момент ее рука кажется опухшей.

— Марко, тебе следовало сказать мне, что ты ждешь гостей. Я бы приготовила доса *(прим.: распространенное у народов Южной Индии блюдо; тонкие, хрустящие блинчики из чечевичной и рисовой*

муки, испеченные на круглой, литой чугунной сковороде)!

Он краснеет, подходит к ней, забирает поднос и с грохотом опускает на заваленный стол. Дизайнерская игрушка — Мураками — опрокидывается. Кирстен аккуратно ее поправляет.

— Спасибо вам, — говорит она, — я голодна.

— Это лишь небольшая тарелка кушаний, ничего особенного.

Женщина улыбается.

— Спасибо, ма, — бормочет Марко, ведя ее к лестнице. — Увидимся позже, ладно?

— Ты слишком худой! — говорит она, показывая на Сета. — Я готовлю фасоль, если хочешь, оставайся на обед.

Как только Сет замечает на блюде самосу, он громко смеется. Освежающе видеть старый культурный стереотип, имеющий место в реальной жизни. Южная Африка стала такой многонациональной, что редко можно увидеть, скажем, африканского фермера в двухцветной рубашке, носящего расческу в носках цвета хаки, или цветного рыбака с отсутствующими передними зубами. Он празднует это, поедая самосу *(прим.: жареное или печеное тесто с начинкой)*, которая жжет ему рот. Превосходно.

— Как я и говорил, — вздыхает Марко, а затем снова оживляется. — Космически.

«ФазиформДжи» автоматически открывает браузеры на трех других экранах, по одному на каждое лицо, первые две личности раскрыты: блип, блип. Программа все еще ищет соответствие для третьего лица. Через кросс-ссылки с сотнями телевизионных интервью, пиар-шоу и виртуальных новостных статей. Кирстен и Сет рассматривают найденных.

— Ох*еть, — шепчет Кирстен.

Первый мужчина, привлекательной наружности, улыбается им совершенной улыбкой.

— Это… — начинает Марко.

— Кристофер Уолден, — отвечает Сет. — Основатель и генеральный директор «Фонту-с».

— А это, — продолжает Марко, — Табиле Сичека, министр здравоохранения.

— Нет, — произносит Кирстен, не веря своим ушам.

— Третье лицо пока не находится… может быть третий человек не так хорошо известен или фотографируется не так часто, как первые двое. Может быть, он застенчивый, избегает быть в центре внимания.

— Итак, у нас есть генеральный директор одной из крупнейших, наиболее успешных корпораций в стране, и министр еб*нного здравоохранения. Промышленность, правительство, и,

вероятно, можно предположить, что какой-то академик, доктор или ученый. Способности и власть, чтобы творить, что угодно. «Троица».

— Святая Троица, — произносит Марко.

— Скорее, гребаная Несвятая Троица, — не соглашается Кирстен.

— Но мы все еще не знаем почему. Зачем им похищать детей, зачем убивать, — говорит Сет, — и почему сейчас?

— Нам нужно сосредоточиться на поисках Кеке. У нее осталось, — Кирстен смотрит на часы, — может быть, три часа, прежде чем она…

— Это если они ее еще не убили, — замечает Сет, и они оба уставились на него. Он покручивает кольцо на пальце. — Откуда нам вообще начинать?

В комнате повисает тишина.

— Марко? — сверху лестницы снова доносится голос его матери. — Марко? Может, твои друзья хотят «Манго Ласси» *(прим.: индийский коктейль из манго, молока, йогурта, сахара и кардамона)*?

— Есть один человек, который поможет нам найти штаб «Тринити», — говорит Кирстен, когда они плетутся к машине. — Кое-кто, кто не участвовал в проекте «Генезис». Кое-кто, кто хочет, чтобы свершилось правосудие.

Ворота открываются, и снова начинается лай. Как только они оказываются на дороге, Кирстен вытаскивает письмо своей матери из кармана и зачитывает его Сету.

— Его зовут Эд Миллер. Тут есть адрес. Мелвилль. У него есть пакет с информацией. Все, что нам нужно знать о проекте «Генезис», и почему нас похитили.

Автомобиль благоухает картофелем с карри и кориандром. Мать Марко не позволила бы им уйти с пустыми руками и вручила им контейнер с едой вместе с бумажными салфетками золотого цвета, несмотря на смущенные протесты ее сына.

Кирстен молчит. Она беспокоится, что они не успеют найти Кеке вовремя, или, как и сказал Сет, беспокоится, что худшее уже случилось. Слезы жгут ей глаза, но она их смаргивает и открывает окно, чтобы впустить немного свежего воздуха. Это странное для нее ощущение: слезы. Короткие линии, похожие на булавки, танцуют на верхней периферии ее зрения. Она не помнит, когда в последний раз плакала. Она вообще когда-нибудь плакала? Она глубоко дышит, сглатывает теплый свинец в горле и смотрит в окно на горизонт Чайнасити в Сэндтоне. Сет ловит себя на мысли о будущем. Он не сможет вернуться к своей привычной жизни после такого. Чем он займется? Какой будет его

жизнь?

«Если мы сегодня выживем, — думает Кирстен, — *что кажется крайне маловероятным».*

Они останавливаются на красный свет в центре делового района. Мужчина, одетый в грязные лохмотья, появляется будто из ниоткуда и заглядывает на пассажирское сиденье, пугая Кирстен.

— Боже, — произносит она от испуга, — я никогда раньше не видела попрошаек.

В руке тряпичника появляется пистолет.

Ох.

Его запястье покрыто тюремными надписями. Выпускник Крим Колонии. Другими словами: бывший преступник, или в данном случае: преступник.

— На выход, — лает он, тряся пистолетом в ее сторону.

Она пытается залезть рукой в сумку, достать свой собственный пистолет, но мужчина снимает предохранитель, и что-то говорит ей, что он без колебаний всадит ей пулю в мозг. Она поднимает руки.

— Ты, должно быть, шутишь! — кричит Сет с покрасневшими щеками. — Не сегодня! — кричит он на налетчика, — не сегодня! Ты, бл*ть, можешь угнать тачку завтра, но не сегодня!

— На выход, — говорит мужчина, его голос покрылся льдом от ноток насилия.

— Бл*ть! — выкрикивает Сет, ударяя по рулю. — Пошел ты нах*й!

Он выходит, хлопает дверью, посылая серебристую молнию через Кирстен. Пинает дверцу, пинает колесо.

— Мне нужна моя сумочка, — говорит Кирстен угонщику, — и другая сумка. Там лекарство. Я оставляю сумки, вы забираете машину.

Мужчина раздражен и оглядывается вокруг: это занимает слишком много времени. Кирстен расстегивает молнию на инсулиновом наборе, показывает его ему, но он обыскивает ее сумку сам, достает ее «Ругер», громко присвистнув, и ее пустой кошелек. Он бросает обе сумки на дорогу, и Кирстен спешит подобрать их с асфальта, берет в руки свою помаду-тазер и прячет ее в ладони. Угонщик на мгновение отвлекается, пока пытается завести машину, опускает свой пистолет. Кирстен стреляет в него из тазера, удивляется силе отдачи. Их на секунду соединяет тонкий голубой луч (Электрический Сапфир), а затем он обмякает.

— Черт побери! — ругается она.

Его пистолет с бряцаньем падает на дорогу, а его глаза

закатываются.

— Он мертв? — спрашивает она.

Сет открывает дверцу машины, вытаскивает оттуда обмякшее тело и оставляет его на обочине. От него не ускользает тот факт, что это уже второй раз, когда он достает бесчувственное тело из машины за прошедшие шесть часов. Он изучает пистолет мужчины, полуавтомат, обнаруживает, что он пуст. Бросает его в машину. Передает Кирстен ее «Ругер».

— Я не знаю, мне плевать, — говорит он. — Поехали искать Эда Миллера.

Глава 32

«Чириоз»

Йоханнесбург, 2021

Кирстен нажимает красную кнопку (Вылинявший Флаг), и раздается дверной звонок, она вздрагивает. Электростатический заряд. Это старый дом в Мелвилле с толстыми белеными стенами и зеленой жестяной крышей. Он выглядит, как резиденция художника: слегка обветшалый, слегка неопрятный, причудливо украшенный. Номер дома выложен из мозаики. Если посмотреть сквозь калитку, можно увидеть козу, сделанную из проволоки и бисера, пасущуюся в саду. Ржавые руки ветряной мельницы «Эдвенчер Гольф» медленно движутся рядом. Розовые кусты, покрывшиеся черными точками, нуждаются в обрезке.

Она снова нажимает на дверной звонок, удерживает кнопку дольше. Еще больше статического заряда, когда они слышат, что трубку подняли. Потрескивание на другом конце линии.

— Есть кто? — произносит Кирстен. — Эд Миллер? Меня зовут Кирстен Ловелл. Вы знали мою мать.

Следует пауза, а затем ворота со звуковым сигналом открываются. Он открывает входную дверь с опаской, видит Кирстен и расслабляется. Когда он замечает Сета, то снова начинает нервничать.

— Вы можете доверять ему, — говорит она.

— Откуда вам знать? — спрашивает мужчина, который, как она предполагает, является Эдом Миллером.

— Мы с ним одной крови.

Миллер некоторое время их разглядывает. Он одет в помятую гавайскую рубашку и плохо сидящие брюки-чинос. Ужасные коричневые сандалии из искусственной кожи. У него густая седая шевелюра, которая приходит в движение, когда он кивает. Он выходит, чтобы убедиться, что за ними закрыты двери безопасности, бросает взгляд по улице влево и вправо, а затем со щелчком закрывает их. Кирстен изучает его взглядом. Не может

себе представить, чтобы ее мать встречалась с хиппи.

— У вас что-то для нас есть? — спрашивает она.

— Не здесь, — отвечает он. — Слишком рискованно. Они повсюду. Я положил это в безопасное место.

Кирстен зажмуривает глаза и слышит тиканье времени, которого у нее нет.

— Это близко, — говорит он, — я отведу вас.

Его лосьон после бритья пахнет так, как нечто с кораблем на этикетке. Вокруг него витают маленькие хрустящие петельки в форме овсяных хлопьев. Он набрасывает на плечи легкую куртку и снимает связку ключей с крючка у дверей. Сет выхватывает их у него из руки, отчего тот пугается.

— Я поведу, — поясняет он.

Они садятся в машину-жук. Миллер кажется слишком высоким для этой машины, он горбится на переднем сидении. Кирстен задается вопросом, какой человек купит машину, которая настолько очевидно мала для него.

— Ох, подождите, — говорит он, постукивая по виску указательным пальцем.

Он выходит из машины, подходит к садовому сараю. Ныряет в дверной проем и исчезает в темноте. Кирстен и Сет переглядываются. Им не нужно говорить этого вслух. Они оба думают: «Бл*ть».

Миллер выходит из сарая обратно на солнечный свет. Он держит в руках пару лопат. Он держит их над головой и трясет ими, как будто выиграл гонку.

— Моя мать сказала, что мы можем доверять ему, — говорит Кирстен.

— Под словом «мать», ты имеешь в виду «похитительницу»?

Она корчит гримасу. Какой выбор у них есть?

Мужчина возвращается в машину, наклоняет пассажирское сидение вперед и убирает длинные ноги Кирстен.

— Подвинься, милая, — говорит он, сбрасывая лопаты рядом с ней.

Он подмигивает ей, а затем возвращает кресло на место и садится на него. Она пинает заднюю часть его кресла.

Сет заводит машину. Она доисторическая и дважды глохнет, прежде чем завестись. Миллер дважды ударяет по приборной панели.

— Хорошая девочка! — выкрикивает он, отчего они оба подпрыгивают.

Кирстен все еще пялится на него, пытаясь представить о чем, Бога ради, им было разговаривать. Она думала о своей «матери», как о сухой, бесполой, бежевой, раздражительной женщине. Она

не могла представить, чтобы они двое разговаривали, не говоря уже о двадцатишестилетней интрижке.

— Которой открывается дверь гаража? — спрашивает Сет, смотря на резиновые кнопки на древнем пульте.

— Ах, голубая, — отвечает он, но ничего не происходит.

Кожу Кирстен покалывает от страха, переходящего в ужас. Сет медленно тянется к пистолету.

— Я имел в виду оранжевую. Простите.

Он смеется.

— Нервничаю.

Сет нажимает оранжевую кнопку, и гаражный мотор поднимает дверь. Они все выдыхают с облегчением.

«Четвертая и пятая, — думает Кирстен, — *довольно легко перепутать».*

Мужчина отстукивает ритм своим бедром, облаченным в одежду цвета хаки.

— Налево, — направляет он.

— Куда мы едем? — спрашивает Сет.

— К укрытию, которое я придумал. Гениальное, скажу я тебе.

— Где оно? — спрашивает Кирстен. — У нас мало времени.

— Мы будем там через двадцать минут, — говорит он.

Кирстен бросает взгляд на свои часы, ощущает новый прилив адреналина. Этой поездке лучше быть полезной, или Кеке умрет. Сет вжимает вниз педаль газа.

Они подъезжают к небольшой цветочной ферме на задворках города. Охранник, кажется, узнает Эда Миллера и распахивает перед ними ворота. Металл со скрежетом ползет по песчаной земле. Миллер направляет их вдоль пыльной грунтовой дороги, и они едут, пока дорога резко не обрывается. Сет, едущий слишком быстро, ударяет по тормозам, и их немного заносит, пока они не останавливаются среди диких трав. Они оглядываются вокруг, как будто задаваясь вопросом, как они сюда попали, сидя среди бесконечного поля цветов.

Кирстен измотана, на нервах, она в грязи, ей больно, ее окружат синие небеса и цветы. Красота вокруг нее не имеет никакого смысла.

— Я не понимаю, — говорит она, — почему здесь?

— А где еще? Твоя мать любила цветы, — говорит он.

— Любила убивать цветы, более вероятно, — отвечает она. — Она убила все растения, которые у нас были.

— Ладно, — уступает он, — поправка: любила срезанные цветы. Я посылал ей цветы на день рождения каждый год. Лилии… — он шмыгает носом, — …были ее любимыми.

Кирстен помнит огромные цветочные композиции,

появляющиеся каждый год. Она всегда считала, что они от отца, но теперь понимает, что это было бы совсем не в духе их отношений: в них не было ни капли романтики. Она не помнит, чтобы они даже прикасались друг к другу. Не понимала, что держаться за руки для пары в порядке вещей, пока не увидела, как так делали чьи-то родители.

Когда прибывали букеты, ее отец жаловался на сенную лихорадку. Он выбрасывал цветы, как только хоть один лепесток становился коричневым: проверял их на этот предмет каждый день.

— Оно погребено под тем деревом, — говорит он, показывая на леопардовое дерево в нескольких сотнях метров.

Кирстен и Сет берут по лопате и закидывают их на плечи. Они, должно быть, выглядят устрашающе в своей рваной одежде, с синяками на коже и запекшейся кровью.

— Ого, — произносит Миллер, делая вид, что сдается. — Посидите там, щеночки.

— Давайте займемся делом, — говорит Сет. Солнце быстро садится.

— Серьезно, — говорит Миллер. — Мне нужно обыскать тебя, ковбой.

— Незачем, — отвечает Сет, вытаскивая пистолет из кобуры. — Я упакован. Итак?

— Ну, будь добр оставить это в машине, пожалуйста.

— Почему?

— Сынок, не обижайся, — говорит он, упирая руки в бедра, гавайскую рубашку треплет ветер. — Но я тебя не знаю и не могу тебе доверять. Пару недель назад любовь всей моей жизни была убита по причине, которую я никогда не пойму. Затем появляетесь вы двое в своей панк-одежде, говоря, что вы те люди, которых сказала мне ждать Кэрол. Я надеюсь на лучшее, но я не пойду на середину поля с кучкой незнакомцев с пистолетом. Я не вооружен. Думаю, будет справедливо попросить тебя оставить свое оружие в машине.

Сет задумывается, а затем пожимает плечами.

— Справедливо.

Он подходит к багажнику, но Миллер останавливает его, кладя руку на теплый металл.

— Он сломан, — говорит он. — Не открывал его годами. Просто положи пистолет под подлокотник.

Мужчина делает так, как просит Миллер, одаривая Кирстен быстрым вопросительным взглядом. Она едва заметно кивает. Они устремляются к дереву. Миллер идет следом.

— С какой стороны? — кричит Кирстен из-под сени дерева.

— Там, где ты стоишь! — кричит в ответ Миллер.

Близнецы начинают копать. Кирстен роет с помощью одной руки, но использует ногу, как рычаг. Адски больно. Земля тверда, как обожженная глина. Телефон Кеке пикает из-за предупреждения сахарного приложения. Код оранжевый: осталось три часа.

— Вы уверены? — спрашивает Сет, вытирая лоб. — Вы уверены, что оно здесь?

Они оба поднимают взгляд одновременно, им в лицо смотрит дуло его пистолета.

— Вы, бл*ть, шутите, — произносит Кирстен.

— Мы те, кто мы есть, как мы уже сказали вам, — говорит Сет. — Мы хорошие ребята.

— Я знаю, — отвечает он, — продолжайте копать.

Брат с сестрой знают, что он имеет в виду копать себе могилы.

Глава 33
Стартовый детский набор

Йоханнесбург, 2021

Мужчина плотного телосложения, одетый в угольные джинсы и отполированные рабочие ботинки, выглядит совершенно неуместно в ярком и красивом «БейбиКо». Он стоит перед вращающимся стендом с кружками-непроливайками, проигрывающим детские песенки, в конце которых звучит натянутый смех. Он хочет, чтобы здесь было больше посетителей, чтобы он хотя бы попытался смешаться с толпой. Яркие товары на полках, кажется, выцветают перед его глазами. Это как ходить по городу-призраку в пастельных тонах.

Он превосходно выполняет свою работу, но это не его работа: это противоположность его работе. Если бы существовала полярная противоположность тому, в чем он хорош, то это бы было оно. Но он не тот, кто отказывается от работы.

Мужчина хватает голубую силиконовую бутылочку с изображением хихикающего снеговика и бросает в корзину. Надеется, что никто, кого он знает, не увидит его здесь. Это будет сложно объяснить. Еще одна причина, по которой он хотел сделать это онлайн, но доктор сказал нет.

«Это срочно», — сказал он, и он не хочет никаких бумажных следов.

Перейдя к новому проходу, он подпрыгивает, когда «БейбиКо»-бот неожиданно появляется из-за угла. Бот настроен на клоунскую тематику: большие глаза, красный нос, гротескная нарисованная улыбка. Униформа из ярких, конфликтующих

цветов и хик-хик-хик смеха. Пугает до чертиков. Не удивительно, что этот магазин похож на кладбище.

— Поздравляю! — выдает роботизированный шоп-ассистент. — Могу я вас обнять?

— Если только хочешь, чтобы я сломал тебе руку, — отвечает мужчина.

— Беременность такое особенное время. Вы и ваш ребенок заслуживаете самого лучшего!

Мужчина пытается обойти бота, но тот блокирует ему путь.

— Чем я могу вам помочь? — спрашивает клоун, ярко светясь и продолжая жутко смеяться.

Мужчина издает рык.

— У нас отличные скидки на одноразовые подгузники! — выкрикивает машина, оживляясь. — Упаковка из сорока подгузников для новорожденных всего за девятьсот девяносто девять ранд! Покупайте две упаковки за тысячу семьдесят пять!

Мелодия атакует его слух.

Мужчина закатывает рукава, похрустывает костяшками пальцев. Разминает шею из стороны в сторону. Наслаждается быстрой фантазией, в которой ломает боту шею, повернув запястье, и тащит его тело в секцию плюшевых игрушек, чтобы позже оно напугало детишек.

Эта фантазия возбуждает его. Он глубоко вдыхает.

— Мне нужно…

Что ему нужно? Если бы он знал, он бы не стоял тут, как столб.

— Да? — спрашивает бот, отчаянно желая помочь.

Мужчина понимает, что показал шрам на своей руке и опускает рукава обратно. Такому шраму не место в «БейбиКо».

— Мне нужен… стартовый набор. Для детей.

— Вы не могли бы это повторить, пожалуйста?

— Стартовый набор.

— Извините, я не понял.

— Все, что нужно, когда… ну знаете. Ждете.

— Вам нужно все? — спрашивает бот. — С этим я могу вам помочь!

Он разворачивается и начинает снимать товары с полок, сканируя штрих-коды на своей груди. Упаковка светящихся в темноте игрушек, зубное кольцо «Инста-Айс», саморегулирующее температуру одеяло. Одеяло для пеленания с пушистыми облаками и с узором из самолетов. «БейбиКо»-бот останавливается, его голова резко поворачивается, чтобы посмотреть на мужчину.

— Вам понадобится корзинка побольше.

Глава 34
Несчастная растопка
Йоханнесбург, 2021

— Подлая змея, — ругается Кирстен, думая о двадцати шести годах лжи.

— Au contraire *(прим.: с франц. Наоборот)*, — отвечает Миллер. — Я один из самых преданных членов проекта «Генезис». Родился в нем. Во мне нет ни капли предательской крови.

— Моя мать знала? — спрашивает она.

Миллер выглядит так, будто собирается ответить, но затем качает головой.

— Все сложно.

Сет расставляет ноги, держа лопату, как меч.

— Не наглей, мальчишка, — говорит Миллер. — Копай.

— Пошел ты, — хором произносят близнецы.

Пистолет поблескивает в свете заходящего солнца.

— Где пакет? — спрашивает Кирстен.

Миллер похлопывает по карману.

— Ты никогда его не получишь, дорогуша. Все кончено.

Чтобы подкрепить свои слова, он расстегивает карман и вытаскивает пластиковый кошелек. Он открывает кошелек и вытаскивает то, что выглядит, как записная книжка, полная закладок и стикеров. Вокруг нее обмотан, как ретро-лента, шнурок от старомодного флеш-диска.

— Внутри этой книги есть все, что вам нужно знать, чтобы дискредитировать проект «Генезис», — говорит он. — Вы думаете, что я отдам это вам, панки?

До них доносится горелый запах парафина. Сине-зеленые полоски. Он облил его заранее. Превратил из книги, святого Грааля, оружия, в несчастную растопку. Кирстен представляет страницы и страницы рукописных деталей. Синие чернила на промаслившейся бумаге. Кто их настоящие родители, Чапманы. Что произошло в 1991 году. Кем на самом деле были их похитители. Почему их убили. И почему она, Сет и другие пятеро детей, были похищены.

Он бросает книжку на землю в дикие цветы. Достает спичечный коробок из нагрудного кармана, зажигает спичку и бросает на книгу. Спичка летит к земле в замедленном движении.

— Нет! — кричит Кирстен, рванув вперед.

Миллер стреляет в землю рядом с ее ногами, и она замирает на месте. Поднимает руки вверх в защитном движении. Спичка приземляется, ничего не происходит, а затем передняя обложка начинает медленно сворачиваться, поглощаемая невидимым

пламенем. Огонь набирает силу, и вскоре голодно потрескивает. Они стоят молча, наблюдая, как книжка горит, обжигая окружающие цветы. Кирстен чувствует себя так, будто горит вместе с ней.

— На колени, — приказывает Миллер. — Руки за голову.

Они падают на колени, их лица превратились в маски. Сет кладет руки за голову, но Кирстен больно это сделать. Миллер позволяет ей баюкать свою сломанную руку. Он заходит им за спину.

— Вы необязаны это делать, — говорит Сет.

— Вообще-то, обязан, — отвечает Миллер, сжимая рукоятку пистолета и помещая палец на курок. — Приказы Доктора.

Солнечный цвет окрашивает цветы в оранжевый и розовый (Верхушка Розы). Есть некая поэзия и в том, что их окружают дикие цветы, и в смерти на закате.

Миллер наводит пистолет. Кирстен тянется в импровизированную повязку, выхватывает свой револьвер, плавно изгибается и выстреливает Миллеру в плечо, отчего он отклоняется назад. В шоке он пытается восстановить равновесие, снова наставляет на нее пистолет, но она быстрее него и всаживает еще одну пулю в его корпус. Он начинает спотыкаться, все еще пытаясь застрелить ее, но не может поднять руку на нужную высоту.

Сет вскакивает на ноги, хватает лопату и выбивает пистолет из его руки. Он падает лицом вперед на руки и колени. Кровь расползается по цветам на его рубашке и по тем, что под ним. Мужчина рычит от боли, а затем приподнимается, так что оказывается стоящим на коленях среди цветов. Он замечает иронию своей позы.

— Где они? — требовательно спрашивает Кирстен, направив на него пистолет.

Он смеется.

— Зачем бы мне говорить тебе? Еще одна пуля ничего не меняет. По правде говоря, ты оказываешь мне услугу. Давай, сделай это.

Она опускает «Ругер» и пинает его в живот. Он стонет. Девушка пинает его снова. Он падает на спину и испускает протяжный ужасающий звук. Сет делает выпад лопатой, будто чтобы размозжить ему мозги.

— Отвечай нам! — кричит она, наступая ему на промежность.

Он вскрикивает, пытается защититься, так что она наступает и на его сломанную руку тоже.

Сет ждет, пока тот перестанет кричать, и произносит:

— Мы можем растянуть это на часы.

— В машине у меня есть нож, — говорит Кирстен. — Карманный нож проекта «Генезис».

— Подумай о том, какие будут ощущения, панк, — говорит Сет. — Смерть от карманного ножика.

Миллер что-то бормочет.

— Что? — переспрашивает Кирстен.

— Ладно, — говорит Миллер, — ладно.

Кровь потекла из уголка его рта.

— Вы все равно не сможете войти.

— Где они? — спрашивает она снова.

— Чайнасити в Сэндтоне. Круглое здание из стекла. Называется «Инвитро».

Кирстен пинает его снова.

— Ты думаешь, мы тупые? Ты думаешь, мы в это поверим?

— Верь, во что хочешь. Неважно. Твоя подруга уже, скорее всего, мертва. И, в любом случае, ты никогда не войдешь внутрь. Чтобы пройти через биометрический доступ, нужен член проекта. Каждый член имеет свой собственный код доступа, он должен идти в сочетании с отпечатками пальцев. Невозможно… — он закашлял кровью, —…взломать.

— Тогда ты пойдешь с нами, — говорит Кирстен.

Миллер сплевывает кровь на траву и качает головой.

— Вы, детки, не имеете понятия, с чем имеете дело.

Теперь уже вся рубашка Миллера пропиталась красным: его глаза начинают стекленеть.

— Не думаю, что он перенесет поездку, — говорит Кирстен.

— И я так думаю, — соглашается Сет, — и он нас замедлит.

Миллер наблюдает за темнеющим небом, пока Сет подгоняет машину и едет по ней через цветы: они заталкивают его на заднее сиденье. Его тяжелое дыхание сопровождается булькающими звуками. Кирстен находит в салоне под подлокотником кабельные стяжки, а Сет связывает вместе запястья Миллера, а затем его лодыжки. Кирстен возвращает Сету его пистолет, свой убирает обратно в повязку.

— Большая ошибка, сладкий, — говорит она Миллеру, — думать, что женщина будет не вооружена.

Миллер становится все бледнее по мере их приближения к клинике. Его глаза закрыты, кожа стала восковой. Его «Чириос» бледнеют. Кирстен сидит вместе с ним на заднем сидении, «Ругер» направлен ему в живот со снятым предохранителем.

«Сегодня он умрет. Я убила человека. Я больше никогда не смогу есть хлопья».

Сет едет так быстро, насколько может машина.

— Мы не сможем войти внутрь.

Кирстен смотрит из окна, будто ожидая ответа с неба. С неожиданным рычанием Миллер бросается на Сета, перекидывает свои связанные руки через голову Сета, душа его кабельными стяжками. Стяжки перекрывают весь кислород. Тело Миллера напряжено, а его вены выступили на коже из-за усилий по удушению. У него ходят желваки, зубы сжаты вместе, на губах выступила розовая пена. Сет с пурпурным лицом отрывает руки от руля и сразу же теряет контроль над машиной. Кирстен кричит и хватается за пистолет, стреляет в направлении Миллера один раз, два, три раза. Звуки выстрелов и рикошета ослепляют. Она попала в него?

Она не видит сквозь пороховые взрывы. Машина слетает с дороги. Сету удается снять петлю с шеи, чтобы сделать вдох, а затем попытаться вернуть машину на дорогу, но уже слишком поздно. Машина бешено вращается, они ударяются обо что-то, и машина взлетает в воздух. В полете она ощущает, как ее щеки приподнимаются, а рука искрится. Ощущение невесомости ужасает, а затем следует оглушительный мощный удар, в ее голове происходит короткое замыкание, и все становится черным.

Близнецы приходят в сознание одновременно. Передняя часть машина дымится: багажник распахнулся. Миллер лежит мертвым на дороге перед ними, его голая кожа испещрена порезами от разбившегося ветрового стекла. Разбитый инсулиновый набор лежит рядом с ним. Кирстен и Сет не разговаривают. Они тянутся друг к другу, касаются руками. Кирстен слышит свое дыхание.

Она начинает проверять свое тело на предмет ранений: шевелит пальцами ног, покачивает ногами, прощупывает ребра. Кроме боли в ее уже сломанной руке, она чувствует себя хорошо; или настолько хорошо, насколько можно чувствовать себя в онемении. Сет держится за шею. Он несколько раз ее прощупывает, а затем пинает дверь. У него уходит три пинка, чтобы ее распахнуть. Он выходит из машины и открывает дверь Кирстен, помогая ей выбраться.

Они обмениваются взволнованными фразами, нахмурившись, прикасаются к ссадинам друг друга. Удовлетворенные тем, что ранены не сильно, они подходят, чтобы проверить Миллера, чтобы убедиться, что он мертв. Он представляет собой красный спектр: его череп расплющен, и они видят на нем пять пулевых отверстий. Кожа покрыта кровью. Жизнь его покинула. Его «Чириос» исчезли.

Кирстен подбирает сумку с инсулином. Несмотря на то, что она атеистка, крестится и произносит быструю молитву «Сети» и любому Богу, который ее послушает. Она подходит к багажнику и тяжело выдыхает, когда видит содержимое. Делает жест Сету,

чтобы он подошел. Он не кажется удивленным. Он наклоняется ближе, чтобы лучше рассмотреть лицо трупа, которому уже не меньше суток. Избитое лицо и тело, одетое в гавайскую рубашку и чинос. Некоторые ногти отсутствуют.

Настоящий Эд Миллер.

Когда Кирстен проверяет инсулиновый набор, она обнаруживает, что единственная оставшаяся ампула разбилась. Сумка пропиталась драгоценной жидкостью. Для Кеке не осталось больше инсулина. Нет лекарства, чтобы предотвратить у нее гипогликемический шок, предотвратить впадение в кому и смерть.

Как странно, рассеянно думает Кирстен, как сахар и смерть могут быть так тесно взаимосвязаны. Она сильно прикусывает язык, чтобы подавить рыдания.

Машина больше не едет. Они пытаются поймать попутку, но никто не останавливается, увидев их внешний вид, так что парочка сдается и садится на обочине, лицом к дороге, дрожащие колени смотрят в небо. Сет приобнимает Кирстен.

— Джеймс, — говорит она.

— Что?

— Джеймс может забрать нас. У него есть машина.

По какой-то причине эта мысль наполняет Сета ужасом.

— У Джеймса может быть инсулин.

Кирстен посылает Джеймсу их координаты в режиме отслеживания.

— Пошли. Это не так далеко отсюда. Пять или шесть километров?

Кирстен проверяет телефон Кеке. Ее таймер в сахарном приложении говорит, что осталось тридцать четыре минуты.

— Кеке столько не протянет.

— Ты можешь бежать? С твоей рукой?

Даже, если они побегут, они не успеют добраться до клиники вовремя. Если они доберутся до клиники вовремя, они не смогут войти.

— Могу попробовать.

— Умница.

Они поднимаются и начинают бежать трусцой. Сет пытается поймать машину, пока они бегут. У Кирстен кружится голова, она ощущает каждый шаг, отдающимся глубоко в ее сломанной кости. Острая боль набирает и набирает силу, пока голубое свечение не затуманивает ее зрение, и ей приходится остановиться и проблеваться у придорожного плюща. Она вытирает рот и принимается бежать снова, почти падает. Пытается снова.

— Хватит, — Сет ловит ее. — Прекрати.

Она пытается вырваться, пытается продолжить бег, но он снова ее ловит, как раз вовремя, и она теряет сознание в его руках.

***

Когда Кирстен приходит в сознание, у нее уходит секунда на то, чтобы вспомнить, где она.

— Кеке? — спрашивает она, но Сет качает головой.

В сахарном приложении осталась двадцать одна минута. Когда остается двадцать минут, цифры начинают светиться красным.

— Ты сделала все, что могла, — говорит он.

Она встает, дрожа всем телом.

— Нет.

Как будто из параллельной реальности на дороге появляется белый фургон, едущий в их направлении. Сет начинает кричать, размахивать руками, как выживший на острове, пытающийся подать сигнал спасательному вертолету. Кирстен хлопает ресницами, пытаясь понять, реален ли он, или же это мираж, вызванный отчаяньем. Машина едет прямо к ним и останавливается на обочине. Водитель выходит из машины, и колени Кирстен почти снова подкашиваются.

— Кирстен! — кричит Джеймс, подбегая к ней.

— Джеймс, — произносит она, — Джеймс.

— Где ты была? Я искал повсюду!

Он кажется сердитым, но становится нежным, когда замечает бритую голову Кирстен и импровизированную повязку. Он аккуратно приобнимает ее за правый бок, целует в лоб, в щеки, в бритую голову.

— Что они с тобой сделали? — спрашивает он. — Что они сделали?

«Кто? — думает Сет. — *Кто что сделал?»*

— Я в порядке. А вот… Кеке…

Сет шагает вперед.

— Нам нужно ехать прямо сейчас.

Джеймс смотрит на него, на его лице явный шок. Он ничего не говорит.

— Это Сет. Он помогал мне, — говорит Кирстен. — Объясню все позже. Нам надо найти Кеке. Срочно. Ей нужен инсулин. У тебя он есть?

Джеймс выпускает ее из рук.

— Мы найдем.

Он подбегает к фургону и раздвигает двери. Внутри темно, там виден чей-то силуэт, сидящий на переднем пассажирском сидении: крупный мужчина. Сет и Кирстен оба останавливаются.

— Пошлите, — говорит Джеймс, подзывая их.

В мозгу Кирстен вспыхивает молния, лишая ее зрения. Какой-то ужас, ужасающее дежавю приковывают их обоих к месту. Сет качает головой, хочет задвинуть Кирстен за спину. Все тело Кирстен говорит ей не садиться в машину, но она убеждает себя: «Должна спасти Кеке». А еще: «это Джеймс, Сладкий Мармелад». Джеймс манит их снова, и в этот раз Кирстен повинуется: опустив голову, как застенчивая маленькая девочка. Сет ругается себе под нос и садится следом за ней.

Джеймс закрывает дверь и садится на водительское сидение. Пассажир смотрит в окно и не обращает на них внимания. В машине ощущается химический запах прямоугольной формы. Чистящее средство? Нет, ни одна форма не подходит. А затем она понимает: краска. Новая покраска. Джеймс уже собирается завести машину, и Кирстен называет ему адрес клиники. Джеймс и пассажир переглядываются. На миг он замирает, как будто не может решить нажимать ли на кнопку зажигания.

Мужчина ухмыляется ему, и только тогда Кирстен узнает его.

— Инспектор Маутон! — говорит она, не понимая связи.

Он поджимает губы, делает кивок, толком к ней не повернувшись. Джеймс так беспокоился о ней, что позвонил копам? Маутон согласился ему помочь найти ее?

Двигатель заводится: все двери запираются автоматически. Она пытается открыть свою дверь, но та не поддается, она знала, что так и будет. Детский замок. В воздухе витает слабый запах куркумы.

«Тайл» Сета вибрирует из-за пришедшего «бампа».

FlowerGrrl: Привет, надеюсь, ты в порядке. Надеюсь, ты получишь сообщение. Результаты внутри. Вариантов много. Уже созвала экстренное собрание с ТЗК (прим.: ТЗК — ты знаешь кем). Самое крупное разоблачение «Альба» в истории. «Фонтусу» крышка. Все твои прошлые косяки забыты. Теперь ты официально рок-звезда. Когда ты приедешь? У нас есть пара бутылочек «Моёт» с твоим именем на них.

SD: Результаты?

FlowerGrrl: Ох, ты тут! Живой.:) Отправляю отчет. Приезжай СРОЧНО!

Приходят два отдельных PDF-файла. Первый файл — отчет об образцах «Фонтус»: «Анахита» и «Тетис» — чисто, «Гидра» — с кучей красных ячеек в таблице, показывающими нарушения нормы. Сет узнает главные химические вещества: этинилэстрадиол, норгестрел, дроспиренон, местранол,

этинодиол — те же самые активные вещества, которые можно обнаружить в противозачаточных таблетках. Джеймс бросает взгляд через плечо, но продолжает вести машину.

Второй PDF-файл — анализ желтых таблеток Кирстен, тут он видит еще несколько красных ячеек. На секунду он оказывается в замешательстве и проверяет, что смотрит на верный отчет, а не на анализ «Гидры», но все верно. Красные ячейки выделяют различные химикаты, которые Сет узнает по своей работе в «Фармакс». Диазепам, Сертралин, Доксепин. Какого х*я? Это зомбирующие таблетки. Он замирает, вспомнив, что Джеймс — тот, кто подготавливал для нее лекарство.

Джеймс увеличивает скорость и лавирует среди траффика, отчего их качает из стороны в сторону в задней части машины. Он бормочет ругательства и проносится на красный свет. Ударяет ладонью по рулю.

Сет отправляет «бамп» Кирстен.

SD: Кто этот качок?
KD: Коп. Маутон. Он работал над делом моих родителей.
SD: Что за х?йня?
KD:??
SD: Знаешь те твои таблетки…
KD: Да?
SD: Транквилизаторы.
KD: Не может быть. Мне дал их Джеймс.

Кирстен роется в сумке в поисках своей волшебной губнушки и перемещает ее в карман вместе с карманным ножом. Когда вдалеке появляется вход в клинику, инспектор Маутон закатывает свои длинные рукава на рубашке. Взгляд Кирстен прикован к коже на его руке. Она крапчатая, блестящая. Шрам от ожога?

Они заезжают на самое близкое к гигантскому стеклянному входу парковочное место, Джеймс и инспектор выходят. Кирстен снова пытается открыть свою дверь, но она все еще заперта. Она дергает ручку, стучит в окно.

— Джеймс! — зовет она. — Это детский замок!

Осознание ударяет Сета как раз перед тем, как оно доходит до Кирстен, он обхватывает голову руками. Она не понимает его реакции, а затем внезапно все становится на места.

Воспоминания возвращаются к ней, как резкий удар под дых, она падает обратно на сидение, весь воздух вырывается из ее легких. Она как будто заново переживает тот момент, тот ужасный момент, когда свет ушел из ее жизни. Момент, так долго погребенный в ее подсознании, что она могла бы подумать, что

он исчез из ее памяти, но нет. Он ярок до жестокости и так отчетлив, что Кирстен может ощутить цвета на вкус.

Она играет со своим братом близнецом на изумрудной лужайке в саду перед красивым небольшим домом. Она помнит здание: шероховатую краску цвета слоновой кости, которая царапает кожу, если об нее задеть, витые решетки на окнах, потрескавшееся сласто, ведущее к светло-голубой (запах лемонграсса) входной двери. Маленький хрупкий почтовый ящик на шесте с двумя красными цифрами на нем (Леденец)… красный значит два, может быть двадцать два? Сад взрывается цветом, его так много, что у Кирстен кружится голова.

Ярко светит солнце, но сегодня невероятно холодно, они одеты в теплые ботинки и яркие курточки: куртка Сэма цвета перечной мяты, а ее мандаринового. Ее мать — ее настоящая мать — прислонилась к дверному косяку, наблюдая за ними. Она бледна и худощава в угольной водолазке поло. На ней надет садовый передник и грязные перчатки. Ее щека испачкана землей. Молодая, красивая, у нее длинная, толстая коса красных волос. Кирстен улыбается ей зубастой улыбкой, та улыбается в ответ и показывает жест «молодец». Внутри дома раздается телефонный звонок, и ее мать снимает перчатки и идет ответить.

Несмотря на теплую куртку, кожа на ее руках красная, когда она опускает на них взгляд. Сэм передает ей что-то: игрушечную лошадь. Нет, маленького пони, розового, с грязной белой гривой и хвостом. Одна из его скачущих игрушек. «ФандерКэт». Она опускает пони на траву и издает соответствующие звуки, смеется. Сэм не улыбается. Что-то привлекло его внимание на улице, и он смотрит мимо нее, хмурясь. Он встает на своих коротких ножках, игрушка все еще в его руке, прижата к круглому животику.

К ним подъехал черный комби, и неожиданно на земле появился светловолосый маленький мальчик. Он казался лишь чуть старше них. Он поманил их ручками, его милое лицо обещало что-то веселое и захватывающее. Она взволнованно залепетала, начала идти к нему, но Сэм положил руку ей на плечо, не желая, чтобы девочка шла. Брат посмотрел на мальчика, затем обратно на дом в поисках матери, но дверной проем был пуст. Кирстен продолжила идти и вскоре оказалась рядом с краснощеким незнакомцем. Сэм позвал:

— Котенок!

И побежал, чтобы поравняться с ней.

Когда он достиг дорожки рядом с комби, дверь отъехала в сторону, и гигантский мужчина напал на них, мясистые предплечья выдавили из них весь воздух. Прежде чем они поняли, что произошло, они уже борются в машине. Другой мальчик,

напуганный, кричит и запрыгивает последним, дверь захлопывается. Из света во тьму, вот так. Вот так свет в ее сердце погас. Ничего не осталось кроме темноты и испуганного плача в ее ушах. Она понимает, что звук плача исходит от нее. В темном интерьере она видит, что светловолосый мальчик-приманка тоже плачет, его лицо искажено из-за молчаливых слез.

Лицо, которое она так хорошо знает. Джеймс.

Глава 35

Последняя бескровная революция

Йоханнесбург, 2021

Джеймс открывает раздвижную дверь, заливая салон светом. Пылинки танцуют на белом свету. Инспектор Маутон стоит рядом с ним, вытащив пистолет и направив его на близнецов.

— Это необходимо? — сердито спрашивает Джеймс, его голос окрашен гневом.

Маутон игнорирует его вопрос.

— Следуйте за нами, — говорит Маутон Кирстен и Сету. — Идите тихо и никто не пострадает.

— Пошел ты, — в унисон отвечают близнецы.

Кирстен даже не может посмотреть в сторону Джеймса. Она видит, в каких местах был подкрашен автомобиль. Джеймс — тот, кто пытался сбить их с дороги по пути из банка семян. Джеймс спрятал письмо ее матери. Джеймс пытался вывести ее из строя таблетками.

Ее сердце поразила боль, будто ее только что ужалила медуза. Стая медуз, смак. Его предательство — насыщенно синий яд, распространяющийся по всему ее телу.

— Твоя подруга очень больна, — говорит Маутон. — У тебя мало времени. Если ты пойдешь с нами, мы дадим тебе лекарство, которое ей нужно.

— Беги! — говорит Кирстен Сету. — Я присмотрю за Кеке. Выбирайся отсюда.

— Ни за что, — отвечает он. — Я только нашел тебя.

— Предложение распространяется на вас обоих, — говорит Маутон. — Только один из вас бесполезен для меня.

Телефон Кеке начинает вибрировать и тревожно звенеть, счетчик в сахарном приложении дошел до нуля: «ОПАСНАЯ ЗОНА».

— Хорошо, — говорит Кирстен, — мы тратим время. Пошлите.

Маутон останавливает их, обыскивает, забирает пистолеты, в том числе и контрабандный «Ругер». Он находит карманный нож и волшебную палочку. Убирает нож к себе в карман и смотрит на

помаду в нерешительности. Уже собирается рассмотреть ее внимательнее, когда Джеймс издает нетерпеливый вздох.

— Пошли, — говорит он, — нам нужно идти.

Маутон возвращает помаду обратно Кирстен.

— Вперед.

Он толкает пару перед собой. Они входят через главный вход, который покинула здешняя охрана, и направляются к лифту. Джеймс пытается взять Кирстен за руку, но она отходит от него на максимально возможное расстояние, вжавшись в холодный угол. Зеркала, предназначенные для того, чтобы небольшое пространство казалось больше, отражают их напряженные лица, и это усиливает ее клаустрофобию.

Беспокоясь, что ее снова затошнит, Кирстен закрывает глаза и размеренно дышит в углу, облокотившись лбом о зеркало. От ее дыхания и пота зеркало запотевает, покрывая ее отражение завесой. Маутон вставляет вафельный ключ, и они начинают спуск вниз — минуя первый этаж и два этажа парковки, указанные как нижние этажи — и еще дальше, пока не оказываются глубоко под землей, Сет почти что чувствует вес земли над ними.

— Котенок, — произносит Джеймс.

«Заткнись, — хочет сказать она. — *Твои слова — отравленные стрелы».*

— Позволь мне объяснить.

— Не существует такого объяснения.

— Ван дер Хивер сказал привести тебя, или же он убьет тебя.

— И ты ему поверил?

— Я знаю, на что он способен.

— И все же ты ведешь нас к нему.

— Ты не видишь? У меня не было выбора.

Кирстен усмехается.

— Не могу поверить, что я вообще позволила тебе прикоснуться ко мне.

— Как давно ты работаешь над проектом «Генезис»? — спрашивает Сет.

— Все не так, — отвечает Джеймс. — В тот день, в восемьдесят восьмом году, когда вас похитили…

— Ты имеешь в виду, когда ты нас увел, — говорит Кирстен.

— Как сделал и сегодня, — замечает Сет. — Дежа-бл*ть-вю.

— После того дня, — говорит Джеймс, — я следил за тобой. Удостоверялся, что ты в порядке. Я наблюдал за тобой издалека. Наблюдал, как ты росла, пока рос сам. Я любил тебя — любил — с самого начала. Мы предназначались друг для друга. Ты не видишь? Мы семья. Немного необычная семья… в тот день мы

встретились…

— О, мой Бог, — произносит Кирстен, — все было ложью.

Они выходят из лифта и стоят перед массивными дверями безопасности, выглядящими, как нечто из хорошо охраняемого банка. Они напоминают Кирстен Хранилище Судного дня. Маутон вбивает код из пяти цифр и прикладывает большой палец к сканеру, зажигаются два зеленых огонька (Глаза Змеи), и дверь отпирается с коротким писком. Кирстен поднимает руку к лицу и прищуривает глаза, чтобы справиться с ярким светом.

Все вокруг белое: коридор с кучей дверей представляет собой белые плитки, покрашенные в белый стены, беленый цементный потолок. Они идут вдоль коридора и несколько раз поворачивают. Каждый угол выглядит одинаковым, и Кирстен задается вопросом, как они вообще находят путь наружу. Они крысы в 4D лабиринте. Она делает так много снимков миникамерой, сколько может. Некоторые из дверей ведут в другие коридоры, другие открываются в безлюдные лаборатории. Жужжат гигантские машины. Бусина цвета слоновой кости. Мокрый Сахар. Кокосовое Лакомство. Сотня оттенков белого, мелькающие голограммы статистики. Стекло на стекле, которое на стекле.

Работники, кажется, покинули место в спешке: Сет видит наполовину выпитые чашки чая, открытые ящики стола, сломанный степлер, брошенный кардиган. Воздухоочиститель распыляется через вентиляцию под шум моря. У Кирстен создается ощущение, что она находится на одном из кораблей-призраков, вечно дрейфующих среди вод Индийского Океана, многие из которых она исследовала и разграбила. Почему она была так увлечена историями сомалийских пиратов? Потому что все это время она знала, у нее было глубоко погребенное осознание, что она сама была похищена. Ее жизнь была захвачена, вырвана, унесена прочь. Это оставило ее пустым судном без якоря. Привидением.

— Та книга, что я подарил тебе, — говорит Джеймс. — «Гензель и Гретель». Я дал ее тебе по причине. Ты понимаешь, Котенок? Это было по причине. У меня был файл о твоих настоящих родителях. Я пытался отдать тебе его тысячу раз, но каждый раз я… Я знал, что, если отдам его тебе, мы окажемся здесь.

В конце невзрачного коридора Маутон заталкивает их в комнату. Их пугает звук лающей собаки. Бигль несется к Маутону и толкается мокрым носом ему в голень, скуля. Маутон открывает ящик, вытаскивает лакомство и скармливает его собаке. Легко похлопывает по голове, нежно треплет шерстку. Запирает пистолеты Сета и Кирстен в сейфе, полном тщательно

рассортированного оружия.

Кирстен вспоминает собачьи волосы на свитере Бетти/Барбары, вспоминает, что журналист сказал ей, что в квартире Бетти/Барбары были собачьи миски, но не было собаки. Сет поднимает взгляд и смотрит на противоположную стену, Кирстен тоже поднимает взгляд. Они стоят и смотрят.

К огромной стене приколоты, прибиты и привязаны сотни объектов. Кольца, монеты, фотографии, украшения, засохшие цветы, потертые ленты, сладости, детская обувь, старые игрушки. Как обширная арт-работа, коллаж из найденных предметов, только вот они знают, что эти объекты не были найдены, а были взяты. Особые вещи, похищенные у людей, которых он убил. Объекты любви. Не просто сувениры серийного убийцы. Не просто случайные заколки, свитеры или запонки, но знаки подлинной привязанности. Слой за слоем любви потерян.

Любовное письмо украшено старинной клавишей пианино. Грязный игрушечный кролик. Олимпийская золотая медаль. Она видит голографический фотопроектор, который она подарила родителям. Они оба чувствуют, как в них нарастает гнев. Бигль лает. Маутон выводит их из комнаты и громко стучит в соседние двойные двери. Голос внутри указывает им войти, и они вваливаются внутрь.

Комната разительно отличается от лишенной цвета «Матрицы» снаружи: мягкий свет, теплые цвета, дерево и золото, лен, органические текстуры. Это чей-то офис. Нет, даже больше, чье-то логово. Кеке лежит на кушетке, такой бледной Кирстен ее еще не видела. Она подбегает к ней, прикладывает ладонь ей ко рту, чтобы проверить дышит ли она, она дышит, но едва. Как долго она находится без сознания? Ее татуировка с нано-чернилами такая яркая, будто отчеканена, а тело покрылось потом. Джеймс вручает ей черный раскладной набор (Новые Шины), который она расстегивает. Там лежат три кристально новых ампулы инсулина. Кирстен возится с кейсом дрожащими руками, ей не удается скоординировать действия своих пальцев. В конце концов, она вытаскивает ампулу, затем ищет шприц, иглы, но не может их найти. Она даже не задумывалась об этой части: что ей придется наполнить шприц и сделать укол своей подруге. Ее дрожащие руки не приносят пользы.

— Дай я это сделаю, — говорит Джеймс.

Он находит что-то, что выглядит, как ручка на одном из боковых диванов, вставляет в нее ампулу инсулина и вжимает это в бедро Кеке. Он нажимает кнопку, и Кирстен слышит шипучий впрыск, наблюдает за тем, как ампула пустеет. Мужчина прикладывает тыльную сторону руки ко лбу Кеке, а затем

измеряет ей сахар в крови, давление и пульс с помощью своего телефона.

— Она будет в порядке, — говорит он.

Кирстен отталкивает его с пути и хватает Кеке за руку, сворачивает ее в крепкий кулак вокруг волшебной палочки и прикрывает одеялом.

— Мы бы не позволили ей умереть, — раздается голос из-за стола из вишневого дерева.

Доктор Ван дер Хивер разворачивается в кресле, и Кирстен узнает ледяные радужки позади его очков в черной оправе (Мокрая Галька).

— Вы, — произносит Кирстен. Слово имеет оттенок морских водорослей.

Доктор кивает Маутону, который заводит руки Сета за спину и защелкивает на них наручники. Джеймс вытаскивает руку Кирстен из повязки, чтобы застегнуть на ней наручники. Он делает это по возможности аккуратно, пытаясь не причинить ей боли. Она вздрагивает и сжимается от его прикосновения, как будто его кожа ее обжигает. Раздается аккуратный, металлический щелчок, идеальный квадрат цвета морской волны. Она не видит второй щелчок браслета на ее раненой руке, Джеймс пожимает эту самую руку. Она смотрит на него, но он отворачивается. Медленно она проверяет запястье, все верно: он оставил один браслет открытым.

Доктор замечает ее враждебность.

— Дорогая Кейт, не вини Джеймса, — говорит он. — У него не было выбора, он должен был тебя привести.

— Всегда есть выбор, — парирует Кирстен.

— Верно. Его вариантами было: найти способ привести вас обоих или увидеть, как вы умрете. Он видел… убедительную… работу инспектора Маутона. Он выбрал привести вас.

— Маутон был тем, кто убивал для вас? Полицейский? — спрашивает она доктора. А затем Маутона: — Ты убил тех людей? Больную женщину, молодую мать?

— Он просто следовал приказам. Крайне хорош в своей работе.

— Плюс, он может подчистить за собой, когда придет на место в качестве инспектора. Я готов поспорить, что он хорош в сокрытии своих следов, — говорит Сет.

— Лишь один из его многочисленных талантов, — отвечает доктор.

— Почему? — спрашивает Кирстен. — Почему список, почему убийства?

Доктор Ван дер Хивер умолкает, как будто подумывая

ответить или нет.

— Все сложно, — говорит он, поправляя очки на переносице.

Дыхание Кеке, кажется, становится глубже: ее кожа уже не так блестит.

— Правда в том, — говорит доктор, — правда в том, что делеция всегда последнее средство. Мы сделали все возможное, чтобы до этого не дошло. К несчастью, люди не всегда знают, что для них хорошо. Или их дочери.

— Вы имеете в виду моих родителей? Моих так называемых родителей?

— Твою… приемную мать. После тридцати лет верной службы, она внезапно решила, что хочет рассказать тебе о твоем прошлом. Она была блестящим ученым, ценным активом проекта. Ее падение было крайне неудачным. Если бы она молчала, как все эти годы… так много жизней были бы спасены.

— Включая ее?

— Включая ее. Твоего отца. И твоей ячейки.

— Что? Ячейки?

— Решение твоей матери рассказать тебе о проекте «Генезис» скомпрометировало ячейку. Мы не рискуем. Скомпрометированные ячейки закрываются, их члены удаляются из программы.

— Их убивают, — поправляет Сет.

— «Удаляются» — предпочитаемый нами термин.

— Уверена, что так, — произносит Кирстен.

— Каждое поколение, — говорит доктор, переплетая перед собой пальцы, — проект «Генезис» выбирает семь самых особенных детей, чтобы подключить их к программе. Мы очень осторожны, когда дело касается этого отбора, рассматриваются сотни детей по всей стране. Они должны соответствовать определенным — достаточно строгим — критериям. Они должны быть абсолютно здоровы, обладать высоким уровнем интеллекта, иметь особенный талант или дар. Также, во время беременности их родители должны были серьезно задуматься о планировании семьи…

— Планировать семью во время беременности? Вы имеет в виду… аборты?

— Аборты или усыновление. Они должны подписать бумаги: продемонстрировать, что они не на все сто процентов готовы растить ребенка сами по какой бы то ни было причине.

Эти слова причиняют боль и Кирстен, и Сету: их вообще не хотели заводить. Когда они узнали, что их похитили, в их сердцах загорелся маленький огонек: их когда-то любили, когда-то лелеяли, а затем их украли. Теперь огонек погас. Не одна, а две

пары родителей на самом деле их не хотели. Кирстен знает, что ей не стоит удивляться. В конце концов, в изначальной версии, родители Гензель и Гретель специально потеряли их в лесу.

— Зачем? — спрашивает Кирстен. — Зачем проект «Генезис» похищает детей?

— Проект имеет отношение к более чем семи маленьким детям. По правде говоря, программа клонотипа была лишь моим маленьких хобби, в котором другие мне потворствовали. Наше видение намного более всеобъемлюще.

— Вы хотите клонировать нас? — спрашивает Сет.

— Не клонировать вас… скорее попытаться изолировать гены, которые вы несете и которые делают вас… другими. Особенными. Затем мы сможем воссоздать эти гены в лаборатории и, ну, привить их новорожденным. Вы можете себе такое представить?

Его глаза засияли.

— Можете представить, какой может стать наша страна, если все наши граждане будут здоровыми, умными, сильными и творческими?

— Так вот чем занимается «Фонтус», — говорит Сет.

Доктор удостаивает его резким взглядом.

— «Дженикс». Евгеника. Амбициозный ублюдок.

Ван дер Хивер ерзает в кресле.

— Слово «евгеника» в последнее время потеряло свою популярность.

— Вероятно, потому что оно архаичное, расистское, этически предосудительное, — замечает Кирстен.

— То, чем мы занимаемся, не имеет отношения к расизму, — говорит он.

— Правда? — спрашивает Кирстен. — Вот почему вы используете питьевую воду в стране, чтобы практически стереть с лица земли цветное население Африки?

— Нет, — отвечает доктор, — не цветное население. Бедное и необразованное население.

— Это пост-апартеид Южной Африки. Большинство бедных людей цветные.

— Простое совпадение.

Доктор пожимает плечами.

— Многие не-белые богаты. По сути, очень богаты, разве не так?

— Совпадение? — спрашивает Сет. — У нас подпорченное наследие из-за таких людей, как вы, которые балуются социальной инженерией.

Джеймсу удается привлечь внимание Кирстен.

— Послушайте, — произносит доктор Ван дер Хивер. —

Уровень рождаемости падает во всем мире. Хорошо известно, что наиболее часто падение рождаемости происходит в развитых странах в наиболее образованных и занятых слоях общества. Мы можем даже назвать их интеллигенцией. Чем выше уровень IQ, тем меньше шансов на потомство. Также мы имеет на лицо движение Чайлдфри: у амбициозных пар в приоритете карьера и жизненный стиль, а не семья. И все же население мира бесконтрольно растет. Люди с ограниченными ресурсами, ограниченными способностями размножаются, создавая огромную нагрузку на не восполняемые мировые ресурсы.

Джеймс покачивает пальцем, чтобы привлечь ее внимание ниже, затем, едва уловимо показывает на свою рубашку, на диван, на куртку, а затем прикасается к своим волосам.

— Это грядущая катастрофа, — говорит доктор. — Так что мы трое…

— «Тринити», — говорит Сет.

— «Тринити».

Кирстен в раздражении отворачивается, но Джеймс продолжает на нее смотреть. Когда она бросает на него взгляд снова, он повторяет то же самое. Рубашка, диван, куртка, волосы. Он на самом деле дважды показывает на диван, который она в первый раз не заметила.

— Мы познакомились в университете, — говорит доктор, — на первом курсе посещали одни занятия по этике. Спорный вопрос был в следующем: нужно ли жителям Южной Африки получать разрешение для рождения ребенка? Так, в конце концов, поступают в Европе и в других странах, когда хотят принять в семью домашнее животное. Есть целый арсенал психологических тестов, домашний скрининг. Система отлажена. Весь класс взревел: конечно же, нет! Все кричали. Что насчет прав человека? Конституция! Но мы втроем вступили в спор в пользу этой гипотезы. Человеческие права на одной стороне, качество человеческой жизни на другой.

Рубашка, диван, диван, куртка, волосы.

Сет задается вопросом, как много раз доктор произносил эту страстную речь, как часто он репетирует ее в душе или пока бреется.

— Когда вода из-под крана стала непригодной для питья, до нас дошло. Это было таким элегантным решением. Добавить лекарство только в субсидируемую государством питьевую воду, а дорогую воду оставить чистой. Если привилегированные горожане пьют «Гидру» по какой-то причине и обнаруживают проблему с зачатием, у них есть средства, чтобы получить помощь. Клиники репродуктивного здоровья имеются в большом

количестве.

— Это жестоко. Варварство.

— Природа жестока, мисс Ловелл. Вы знаете, что эмбрионы песчаных тигровых акул убивают и съедают своих братьев и сестер в утробе матери? Это воплощение выживания сильнейших. Нельзя идти против эволюции.

— Дети могут быть единственным даром, имеющимся у семьи.

Доктор смеется.

— Ах, теперь вы сентиментальны. Что насчет нагрузки, которую эти «дары» создают для семьи и страны? Планеты? Что насчет тех детей, которых приходится растить при тяжелых обстоятельствах? Они идут в никуда. Прежде чем мы начали внедрять «Программу» ситуация достигла критической отметки. Сотни детей рождались каждый день, а система образования Южной Африки лежала в руинах.

— Вы знаете, к чему приводит неработающая система образования? Люди выходят на улицы. Преступники. Попрошайки. Детей нанимают, чтобы профессиональные уличные попрошайки получили больше сочувствия у водителей. Новорожденными торгуют, дают рекламу в онлайн объявлениях! Других детей оставляют на людных пляжах, бросают в мусорные контейнеры или того хуже.

— В мае две тысячи тринадцатого года я пережил личный кризис. Задавался вопросом: принесет ли моя работа изменения к лучшему. В тот месяц были найдены два брошенных младенца: один завернутый в пластиковый пакет, обожженный. Другой застрял в канализационной трубе, его мать пыталась смыть его в туалете. Здоровый младенец! И вы говорите мне о варварстве. Суть в том, что детей слишком легко найти, часто нежеланных, подвергшихся насилию, отверженных. «Тринити» поклялась прекратить их страдания. Это было — есть — крайне личное. У нас у всех есть своя история. Кристофера Уолдена жестоко изнасиловал священник в церковном лагере. Ему удалось сбежать и добраться до ближайшего дома, использовать их телефон, чтобы позвонить родителям. Вы знаете, что они сделали? Сказали ему перестать выдумывать и отправляться обратно в лагерь. Затем они позвонили священнику и рассказали ему, где он.

Доктор подошел к Маутону.

— Маутон, — произносит он с привязанностью в голосе. — Покажи им свою руку.

Впервые, Маутон колеблется, прежде чем выполнить приказ.

— Покажи им, — побуждает доктор. — Помоги им понять ту работу, что мы выполняем здесь.

Маутон сжимает зубы и закатывает рукав на рубашке, чтобы показать весь шрам от ожога. Он тянется от его запястья до подмышки. Закрученный узор сияющего вандализма.

— Дело не в одном ожоге. Этот ожог не от несчастного случая в детстве. Отец Маутона часто держал его руку над огнем, чтобы наказать каждый раз, как он плакал, потому что: «Мужчины не плачут». Свеча, газовая плита, зажженная сигарета — первое, что оказывалось под рукой. Все началось в его первый день рождения.

Маутон опускает рукав обратно. Поправляет рубашку.

— Мои шрамы не так очевидны, — говорит Ван дер Хивер, — мой отец предпочитал хруст сломанных костей. Это и психологическое насилие. Однажды моя собака, единственный друг, который у меня был, последовала за фермером домой. Мой отец пришел в ярость. Той ночью я положил для собаки дополнительную еду, ждал, когда он придет домой. Следующим утром, когда он вернулся, скачущий и лающий, счастливый видеть нас, мой отец застрелил его в голову. «Собака не была преданной» сказал он. Он сделал это, чтобы научить меня ценить верности. Мне было шесть лет.

Он переводит дыхание, приподнимает очки и потирает переносицу.

— Уверен, что вы не можете сейчас такого себе представить. Это было до вашего рождения. Детей считали… расходным материалом. Их было слишком много, большинство были рождены нежеланными. Насилие было неизбежным. Неконтролируемое размножение стало бедствием нашего общества. Я понял, когда услышал эту историю о ребенке, смытом в туалет… Я понял, что моя работа крайне важна.

Рубашка, диван, диван, куртка, волосы. Синий, коричневый, коричневый, серый, желтый.

— Вы видите? — спрашивает он. — То, что мы планировали так долго, над чем мы работали, наконец, пришло в движение. Мир и чистота. Снижая уровень рождаемости, мы искоренили серию социальных проблем. Больше нет брошенных детей. В школах теперь достаточно книг, планшетов и учителей, места для их учеников, за детьми присматривают и о них заботятся. Меньше необразованных людей означает меньший уровень безработицы, меньше совершаемых преступлений, меньше социальных грантов. Больше налогов, чтобы инвестировать в развитие страны. Лучшая инфраструктура, лучшее образование, лучшее здравоохранение.

«Синий, коричневый, коричневый, серый, желтый, — думает Кирстен. — *49981»*. Это код, понимает она: код выхода.

— Вы видите? — спрашивает он снова, в этот раз с большим нетерпением, от гордости его голос начинает дрожать. — Мы

сделали это! Мы ответственны за последнюю бескровную революцию!

Глава 36

Следующая остановка: киборги

Йоханнесбург, 2021

Кеке ворочается на диване, но снова успокаивается. Ван дер Хивер неутомим.

— Если вы всего на секунду уберете эмоции в сторону и посмотрите на результаты, морально и этически говоря, допустимо, что благополучие многих важнее благополучия небольшой группы, и поэтому жертвы должны быть принесены. Мы не варвары, кем были многие евгенисты до нас, противоположность тому, что вы о нас думаете… ничего не подозревающие пациентки просыпались от боли, только чтобы понять, что их матка удалена. Наше решение намного более гуманное. Чище. По сути, мы верим, что как только станет ясно, что здесь произошло, другие страны последуют нашему примеру, и вскоре мы получим население мира, численность которого контролируема и более эффективна.

— Следующая остановка: киборги, — произносит Сет. — Это не тот мир, в котором я хочу жить.

— Дорогой мальчик, если население остального мира продолжит расти, больше не будет мира, в котором можно жить. Мы оберегаем будущее для всех.

— Для некоторых. Для тех, кого вы считаете подходящими. Других вы вообще лишаете будущего. Сколько ячеек существует? — спрашивает Кирстен. — Сколько человеческих жизней вы украли?

— Дюжину, может быть больше. Бесконечно малая часть населения. Члены «Генезис», однако, исчисляются тысячами. Они наводнили все сферы жизни в Южной Африке.

Он поднимает ладонь к потолку, будто он какой-то пророк.

— Как еще мы могли бы это осуществить?

— Я все еще не понимаю, — говорит Сет, вероятно, пытаясь купить им больше времени, — смысл проекта клонирования. Так значит, вы изолировали некоторые интересные гены. Что потом?

— Вы мне не поверите, если я расскажу.

— Попытайтесь. В чем смысл? Создать для себя небольшую армию? Захватить мир?

— Смысл в создании превосходящей расы.

— Значит совсем не похоже на Гитлера, — говорит Кирстен.

— Наоборот, дорогая Кейт. Дело не во мне, не во власти. Я никогда не любил быть в центре внимания. Превосходящая раса

будет болеть реже, работать усерднее, станет более умной, менее склонной к жестокости, более талантливой и начнет вести более полноценную жизнь. Это все для того, чтобы сделать мир лучшим местом.

— Но как все будет работать, — спрашивает Сет, — в вашем печальном воображаемом мире? Заслуживающие того родители получат свою лицензию, а затем придут к вам, чтобы спроектировать эмбрион? Вы сделаете забор яйцеклеток и спермы и сделаете несколько небольших изменений, удалите любые генетические аномалии, добавите немного мозгов или голубые глаза. Спросите их, предпочитают они мальчика или девочку. Это сделанное на заказ ЭКО. Вы обманываете себя. Вы не делаете мир лучшим местом. Вы занимаетесь бизнесом по проектированию детей, шарлатанством. В этом нет ничего нового или достойного.

— Вы не понимаете, насколько продвинулись технологии.

Доктор улыбается.

— Ладно, значит, вы их просто клонируете.

— Клонирование теперь устаревшая технология. Оно никогда не было особенно успешным. Соотношение живых и мертвых рождений было очень плохим. Мы начали с клонирования, потому что на тот момент это была лучшая технология в нашем арсенале, но теперь… теперь у нас есть другие средства. Кроме того, клонирование все еще зависит от того, как проходит беременность и успешно ли прошли роды. Слишком много того, что может пойти не так. Слишком много переменных, которые мы не можем контролировать. Так что… мы сократили срок беременности.

— Подождите, — говорит Кирстен, — что?

— Вы сократили срок беременности? — переспрашивает Сет. — Выращиваете их теперь в искусственных матках, в лаборатории?

Кирстен представляет себе комнату, наполненную прозрачными силиконовыми матками, и ощущает тошноту снова.

— Мы проводили такие эксперименты, но, в конце концов, это оказалось нежизнеспособным решением. Было сложно получить нужные… нюансы окружающей среды.

— Верно, — говорит Сет. Сейчас он действительно заинтересован. — Ладно, теперь вы обязаны сказать мне.

Губы доктора Ван дер Хивера изгибаются в улыбке.

— Мы печатаем их, — отвечает он, будучи не в состоянии скрыть гордость в голосе. — Мы печатаем детей.

Глава 37

Так бы сказал Франкенштейн

Йоханнесбург, 2021

— Вы печатаете детей, — повторяет Сет. Это не укладывается в голове.

— Это невозможно, — говорит Кирстен.

— О, поверьте мне, — говорит Ван дер Хивер, — возможно.

Доктор встает с кресла и делает жест следовать за ним. Он активирует дверь, скрытую за книжным шкафом, она распахивается, и он шагает внутрь. Маутон толкает их вперед перед собой, оставляя Кеке в логове на диване. Вскоре они стоят в белом кубе девственно чистой лаборатории (Непорочное Зачатие), яркий свет подчеркивает грязь и кровь на их одежде и коже, добавляя сюрреалистичности моменту.

Кирстен опускает взгляд на свои руки, ногти черные от грязи, но ее внимание привлекает плач в углу. Она изучает взглядом ряд инкубаторов у стены: они пусты. Ей послышался звук? Она все это придумала? Она лежит где-то без сознания на месте предыдущей автомобильной аварии или в больнице, и ей снится этот чудной сон?

Ближайшая машина, монохромная, вращается. Она выглядит, как какой-то сканер для тела.

— Мы начали печатать полностью функционирующие органы в десятом году. Естественным прогрессом стала печать всего тела. Все, что на самом деле нужно, хорошее программное обеспечение и немного ДНК. И, очевидно, стволовые клетки, которым нет недостатка в нашей игре. Мы напечатали свыше тысячи здоровых младенцев, наш процент успеха достиг ста. Больше никакого неудачного лечения бесплодия. Больше никаких матерей, умирающих от родов, больше никаких родовых травм и аномалий плода. Просто кричащие здоровые младенцы с десятью баллами из десяти по шкале Апгар *(прим.: согласно данной шкале, состояние здоровья каждого новорожденного оценивают по пяти показателям: это частота сердечных сокращений, дыхание, мышечный тонус, рефлексы и цвет кожи младенца)*.

— Но вы же не можете напечатать бьющееся сердце, — говорит Кирстен.

— Ах, это было одним из самых сложных, — отвечает Ван дер Хивер, касаясь груди, — но печать проходит очень быстро. Это удивительное зрелище.

— Я думаю, так бы сказал Франкенштейн, — говорит Сет.

Доктор удостаивает Сета улыбкой.

— Где они? Дети? — спрашивает Кирстен.

— Многих из них забрали в приемные семьи. Как вы знаете, спрос на здоровых детей в ниши дни астрономический.

— Вы продали их?

— Можно и так сказать.

— Значит, вы спровоцировали национальный кризис бесплодия, а затем создали фабрику по дизайну детей, — говорит Сет. — Гениально.

— Что насчет остальных? — спрашивает Кирстен.

— Мы эвакуировали их, когда получили подтверждение, что вы едете.

— Вы эвакуировали все здание, — говорит Кирстен.

Доктор кивает.

— Я не стал рисковать на случай, если вы… не станете с нами сотрудничать.

— Я бы не стала «сотрудничать» с вами, даже если от этого зависела бы моя жизнь.

— Так и подумал, что вы скажете это.

Еще один мягкий звук из угла: воркование. К ней игриво подплывают прозрачные пузыри. Кирстен с усилием их смаргивает, чтобы прочистить зрение.

— Вот поэтому, — говорит Ван дер Хивер, — мне пришлось повысить ставки.

Он подходит к угловому инкубатору, открывает верх и аккуратно вытаскивает изнутри новорожденного. Он несет ребенка к ним, как гордый родственник. Он запеленат в одеяло, украшенное облаками и самолетами, плывущими по небу. Ребенок извивается, пытается освободиться, кричит, а затем приковывает Кирстен внимательным взглядом. Она знает, что должна почувствовать отвращение. Доктор едва может скрыть свою радость. Он поднимает ребенка вверх, как трофей, как приз, который он никогда не получал от своих сверстников.

— Он выглядит… он выглядит, как…

— Джеймс, Кирстен, встречайте своего потомка. Мои поздравления. Это мальчик.

Глава 38
Белая дыра

Йоханнесбург, 2021

— Нет, — произносит Джеймс, нарушая свое молчание. — Не может быть.

— Что вы наделали? — шепчет Кирстен.

— Вы пришли ко мне за помощью, — говорит Ван дер Хивер, — вы хотели завести ребенка.

— Не таким образом, — говорит она.

— Я знаю, что для вас это все еще непривычно, но так в будущем станут появляться все дети.

— Нет, — произносит Кирстен, качая головой.

— С ним все в порядке. Он прекрасный здоровый малыш!

— Ты говоришь, он наш? Мой и Кирстен? Ты использовал нашу ДНК? — спрашивает Джеймс.

— Это я вам и говорю! Все ваши лучшие качества, никаких проблемных генов. Мы отключили два гена предрасположенности к раку, один к деменции. У него будут волосы Кирстен и твои глаза. Твои отточенные моторные функции и художественный талант Кирстен.

Ребенок начинает суетиться, его кожа расцветает розовым. Доктор жестом показывает Джеймсу, чтобы он снял с Кирстен наручники, и, когда он повинуется, она чувствует, как его пальцы проскальзывают в задний карман ее порванных джинс. Небольшая связка ключей: от наручников Сета, догадывается она. Она забирает ребенка у Ван дер Хивера, не думая, просто подхватывает его своей целой рукой и укачивает, вдыхает теплый запах его кожи, целует в лобик. Ребенок успокаивается, смотрит на нее, почти не мигая. Она чувствует его вес, запах, и в этот момент она точно понимает, что это не сон. Этот ребенок — ее ребенок — настоящий. Все ее тело тянется к свертку в ее руках.

— Зачем вы это сделали? — тихо произносит Кирстен. — Почему привели нас сюда и рассказываете все? Почему вы нас просто не убили, как и остальных?

Доктор убирает руки за спину, подходит к пустым инкубаторам, прислоняется к одному из них.

— Я старею. Становлюсь мягче? Мое здоровье уже не такое, как прежде. Слишком поздно отключать гены, которые ведут к отказу сердца. Моя карьера всегда была тем, что поглощало меня полностью. Я продолжу работать, но для меня настало время отдыха. Игра в гольф. Путешествия. Наблюдение за тем, как растет мой внук.

— Ты же не серьезно, — говорит Джеймс. — Ты думаешь, что мы просто забудем все это и будем играть в счастливые семьи?

— Внук? — переспрашивает Кирстен.

Брови Ван дер Хивера взлетают вверх.

— Ты не рассказал ей?

— Зачем бы я стал ей рассказывать? — сердито спрашивает Джеймс. — Зачем бы я стал вообще кому-то рассказывать?

Его слова повисают в воздухе: от осознания у Кирстен закружилась голова.

— Отец?

Она смотрит на Джеймса.

— Он твой отец?

— Не я его выбирал, — выплевывает Джеймс. — Я порвал с ним все отношения, как только я понял, чем он занимается. Но

это… такого я не мог себе представить.

— Не ты выбирал, — произносит доктор. — Действительно. Это был мой выбор.

— Что?

— Мой выбор быть твоим отцом. Ты был первым из семерки девяносто первого года, избранный для внедрения в программу клонотипа. Тебя похитили… первым.

Кирстен думает о списке, о фотографиях в ее голове, видит код последнего человека в списке: номер семь. Видит цвета и узнает дату рождения Мармелада. Так значит, его тоже похитили, понимает она, он тоже был жертвой. Похищен, а затем использован для заманивания других. Детская версия Стокгольмского синдрома.

Джеймс хлопает ресницами.

— Я один из семи? — спрашивает он в потрясении. — Я не связан с тобой биологически? Мы не делим одну кровь?

Что-то темное и тяжелое исчезает с его плеч, тени покидают его лицо.

— Я… заботился о тебе, — говорит Ван дер Хивер. — Я не повторял ошибок своего отца. О тебе всегда хорошо заботились.

— Ты жестоко обращался со мной, — говорит Джеймс.

— Я никогда не поднимал на тебя руку.

— Ты использовал меня, как приманку, — говорит Джеймс. — Я был ребенком.

Кирстен рассматривает младенца, уснувшего в ее руках. Его энергия напоминает энергию Джеймса, она оранжевая (Засахаренная Миннеола). Свежая, острая, сладкая. Мини-Мармеладка. Она ощущает прилив нежности.

— Так что теперь у вас есть выбор, — говорит доктор. — Вы можете забрать своего ребенка, выйти из дверей и никогда не оглядываться назад. Покуда вы храните секрет проекта «Генезис», ни одному из вас троих не причинят вреда. Мы будем присматривать за вами…

— Следить за нами, — поправляет Джеймс.

— Да, следить за вами. И удостоверяться, что вы в безопасности и что жизнь… не приносит хлопот.

— В чем подвох? — спрашивает Кирстен.

— Никакого подвоха, если вы хотите сотрудничать.

— А если нет?

— Тогда мы заберем ребенка.

— Как вы забрали нас, — говорит Кирстен.

— Как мы забрали вас. Ради общего блага.

— Мне тяжело поверить, что вы просто позволите нам уйти отсюда, — говорит Сет. — Что вы умалчиваете?

— Я сказал, что позволю Кирстен и Джеймсу уйти с ребенком. Вас же мы не можем отпустить. С вашей историей, контактами в «Альба»… мы просто не можем так рисковать. Я уверен, что вы понимаете.

Сет кивает.

— Нет, — произносит Кирстен.

— Это хорошая сделка, — говорит Сет. — Если бы я был тобой, то согласился бы.

— Ни за что, — говорит она.

— Не то чтобы для вас это стало концом, мистер Деникер. Вы будете работать на нас, — говорит он Сету. — Химинженер с вашими способностями будет ценным вкладом в проект. Вы выберете себе часы работы: мы заплатим вам сторицей. Не то чтобы вы нуждались в деньгах. Все здесь бесплатно. И у вас будет замечательная компания в лице этой журналистки, которой тоже придется остаться.

— Но мне придется жить… под землей — буквально — всю оставшуюся жизнь?

— На обозримое будущее, да. Пока люди не поймут и не примут нашу работу здесь. Это не так ужасающе, как звучит. Думайте об этом, как о… жизни в первоклассном отеле, в котором идут навстречу всем вашим желаниям.

Доктор достает указку из кармана лабораторного халата и включает голограмму. Это как брошюра отеля в 4D: изображение красивого, безупречно обставленного номера, а следом другие фотографии.

— У нас есть бассейн с подогревом, солярий, холлы с деревьями для прогулок на природе. Кино, игры, обслуживание номеров двадцать четыре часа в сутки. Как бонус, у вас будет личный ассистент, который убедится, что все ваши потребности удовлетворяются. Маутон, напомни мне, как зовут ту молодую леди?

— Фиона, — отвечает Маутон. — Фиона Боутс.

Лицо Сета покрывается румянцем.

— Подробности станут известны, как только вы устроитесь.

Доктор выключает проектор.

— У вас также будет доступ ко всему этому, — говорит он, жестом показывая на лабораторное оборудование. — Все, что вам нужно. У нас есть оборудование, в существование которого вы не поверите.

— Но я буду вашим узником.

— Вы думаете о плохом вместо того, чтобы — что крайне важно — видеть в этом луч надежды. Я даю вам — даю всем вам — выход. Уникальная милость. Я бы посоветовал вам серьезно об

этом задуматься.

— Пятизвездочная тюрьма с привилегиями или смерть, — говорит Сет. — Пожалуй, я выберу тюрьму и посмотрю, как все это работает.

— Ты не можешь работать на них! — говорит Кирстен. — Они представляют собой все, что ты ненавидишь.

— Ты не слышала другие варианты? — спрашивает Сет. — Ты бы предпочла смерть?

— Конечно же, нет. Я просто подумала… просто думаю, что ты бы предпочел смерть вместо этого. Вместо них.

— Тогда ты переоцениваешь степень моей моральности. Или недооцениваешь мою волю к жизни.

Когда они возвращаются в логово, Кирстен видит, что глаза Кеке закрыты. Без предупреждения, Джеймс нападает на Маутона, пытается его свалить, тянется к пистолету в его руке. Маутон ревет. Кирстен бросает ребенка на диван, ей нужны обе руки, чтобы освободить Сета от наручников. Доктор, сейчас находящийся за своим столом, спокойно открывает ящик стола, достает блестящий пистолет, снимает его с предохранителя. Маутон, разъяренный тем, что видит, что у Кирстен есть ключи от наручников Сета, наставляет на нее пистолет и стреляет.

Выстрел сбивает ее с ног, она ощущает внезапную тяжесть в груди и распространение ненормальной теплоты. Она почти оглохла, но слышит плач ребенка, будто он находится за стеной. Она не видит, не может дышать. Ее грудная клетка в огне. Мятная легкость: жгучая грусть. Ребенок — ее ребенок — плачет.

Так ощущается смерть.

Она ждет облегчения или чего-то наподобие. Вместо этого она чувствует, как ее сердце расширяется, рвется на части. Она пытается дотянуться до своего ребенка, но не может двигаться. Она ждет наступления финальной темноты, темноты смерти, но она не приходит.

Через закрытые веки она ощущает движение и открывает глаза. Ее зрение размыто: живые фигуры Джеймса и Маутона все еще борются в беззвучном замедленном движении, белая фигура доктора наставила на них пистолет. Кеке на диване.

Она не видит Сета. Где Сет? Она чувствует, как бьется ее сердце, так что она знает, что все еще жива. Зрение обретает фокус. Она лежит на полу. Она снова пытается пошевелиться, а затем она видит его: своего брата с открытым ртом, побелевшей кожей, лежащего поверх нее.

— Сет? — зовет она, но не слышит себя. — Сет? — но он не двигается, а затем она понимает, что тепло и давящий вес исходят от него. Понимает, что он прыгнул перед пулей,

предназначенной для ее сердца, и поймал ее своим сердцем. Она возится под ним, использует свою здоровую руку, чтобы попытаться высвободиться из-под его тела. Ее слух начинает возвращаться, крик ребенка режет ей зрение. Она садится на корточки рядом с Сетом, пытается нащупать пульс, но тут слишком много шума и слишком много желтого адреналина, поющего в ее теле, приносящего онемение подушечкам ее пальцев. Она начинает осуществлять реанимационные действия, как учил ее Джеймс.

«1 и 2 и 3, — проговаривает она про себя. — *1 и 2 и 3».*

Синие искры бегут вверх по ее раненой руке и доходят до ключицы, а затем простреливают вверх до челюсти. Она продолжает надавливания: волна за волной зазубренной Желтой Пыльцы, Красного Света Светофора и Зеленого Листа Свежего Шалфея. Ван дер Хивер держит свой пистолет наставленным на дерущихся Маутона и Джеймса.

— Прекратите! — кричит Ван дер Хивер. — Прекратите немедленно! — но мужчины продолжают свою неуклюжую борьбу. — Это работа всей моей жизни. Она не может закончиться сегодня!

Никто не удостаивает болтливого доктора вниманием.

— Эта лаборатория самоуничтожится, когда мое сердце перестанет биться. Вы это понимаете? Вы понимаете, что на кону?

Кирстен на мгновение поднимает голову, видит, что его лицо напряжено от боли, и ничего не испытывает к нему. Она возвращает свое внимание к Сету, только сейчас поняв, что на нем нет крови. Она засовывает палец в отверстие от пули и обнаруживает, что оно сухое. Кевларовая кожа. Пытается снова нащупать пульс и находит его. Холодный, но живой. Ребенок кричит и кричит на диване. Маутон, наконец, опрокидывает Джеймса на землю. Он перестает сопротивляться, когда упирается лбом в дуло пистолета Маутона.

— Я повторюсь, — говорит доктор, делая успокоительный вдох, — если я умру, мы все умрем. В каждой комнате заложена взрывчатка, которую расположили специально так, чтобы превратить это место в пыль. Мы не можем рисковать тем, чтобы здесь обнаружили улики. В моем сердце находится единственный в своем роде кардиостимулятор: если оно перестанет биться, кардиостимулятор пошлет сигнал в бомбу, и она сдетонирует.

От этого в комнате кажется все успокаиваются. Кирстен подползает к ребенку, забирает его, пытается успокоить. Засовывает, вытертую об штаны, костяшку пальца, ему в рот, чтобы он сосал ее вместо пустышки. Ван дер Хивер прослеживает ее путь пистолетом в руке. Джеймс встает и пытается подойти к

ней, но Маутон качает пистолетом и говорит:

— А-а, — делая ему жест оставаться на месте.

— Ты сказал, что не причинишь ей вреда, если я приведу ее! Мне пришлось тебе поверить. Я прошу тебя, как человек, которого ты вырастил, как сына…

— Ты никогда не был моим сыном, — говорит доктор, отдавая Маутону сигнал пристрелить их обоих. Маутон наводит пистолет на Джеймса, и Кирстен кричит: — Нет!

Прежде чем Маутон нажмет на курок, Кеке нажимает кнопку на волшебной палочке, которую Кирстен засунула ей в руку, и попадает лазером ему в спину. Он вскрикивает, когда его тело дергается в конвульсиях, и выпускает несколько пуль в потолок, а затем в стену.

Она стреляет в него снова, сшибая его с ног, и он теряет сознание. Доктор стреляет в Кирстен, но она ныряет вниз, и пуля приземляется в золоченую раму картины маслом. Кеке направляет помаду на Ван дер Хивера. Как раз тогда, когда Джеймс забирает пистолет из руки Маутона и направляет его на доктора. Его так называемый отец поворачивает свой пистолет на него.

— Если я умру, — говорит он снова, — мы все умрем.

Кеке колеблется, вероятно, из-за неуверенности в том, как тазер подействует на кардиостимулятор-детонатор. Кирстен вскрикивает, когда доктор стреляет Джеймсу в плечо. Джеймс сжимает зубы и нажимает на курок, дважды, Кирстен видит два темных отверстия в белом халате доктора. Из-за силы выстрела он делает несколько шагов назад и смотрит на Джеймса в потрясении.

— Ты никогда не был моим отцом, — говорит Джеймс.

Каким-то образом, доктору хватает сил нажать на курок, и он снова стреляет в Джеймса, в этот раз в грудь, в результате чего его тело падает на спину и оседает под странным углом. Теперь, борясь за то, чтобы оставаться на ногах, Ван дер Хивер целится в Кирстен и ребенка, но Кеке быстро приходит в движение и стреляет в него из лазера, прежде чем он нажмет на огонь, и мужчина падает на колени, а затем вперед. Кирстен садится на корточки рядом с Джеймсом.

— Это была не твоя вина, — говорит она, надавливая на его рану. — Это была не твоя вина. Тебе было всего четыре года.

Лицо Джеймса меняется.

— Тебе было четыре!

Ее руки, скользкие от крови, соскальзывают с его торса.

— Держись, — говорит она, вновь возвращая их на место. — Просто держись, — просит она.

Она разрывает его рубашку спереди и сзади, хватает его медицинскую сумку, распахивает ее и опустошает содержимое на пол рядом с ней. Она находит пластырь, отрывает его зубами и наклеивает на входные отверстия. Она знает, что это не поможет.

— Котенок, твоя «Черная Дыра»… — говорит он, — эта холодная… пустота…

— Не разговаривай, — говорит Кирстен.

— Ты всегда была в этом противоположностью меня.

— Ш-ш-ш…

— Что бы ни было противоположностью «Черной Дыры». «Белая Дыра»?

— Да, «Белая Дыра», — шепчет Кирстен, в ее горле стоит ком.

«Белая Дыра»: противоположность пустоте. Противоположность ничему.

Возможность сбежать.

Кирстен понимает, что они сидят в луже красного. Видит, что он угасает. Джеймс кладет свою руку на ее, другую на ребенка.

— Ты всегда была этим. Ты была всем, — говорит он, и свет покидает его глаза. Она трясет его, пытается разбудить, но он ушел. Она не говорит, что белые дыры не существуют.

— Я люблю тебя, — говорит она его неподвижному телу, — тоже люблю тебя.

И впервые в своей жизни, насколько она помнит, колоссальные рыдания сотрясают ее тело, и она плачет, слезы перемешиваются с кровью.

Взвывает пронзительная сирена.

— Нам нужно идти, — говорит Сет Кирстен, хватая ее за руку, отрывая ее от пола, от неподвижного тела Джеймса.

— Мы не можем оставить его здесь!

— Это здание скоро взлетит на воздух, — говорит Сет. — Мы не выберемся вовремя, если заберем его.

Кирстен смотрит на Кеке, видит, какая она все еще бледная, ощущает, как ее тело покидают собственные силы. Несмотря на такую сильную потерю, она все еще хочет жить. Они покидают офис, но сразу же останавливаются, когда оказываются перед лицом лишенного цвета лабиринта из коридоров и комнат.

— Я не знаю, куда идти, — шепчет Кеке. — Меня принесли. Я была едва в сознании.

Кирстен рассматривает фотографии, которые сделала миникамерой. По фотографиям они преодолевают половину пути, но затем оказываются заблудившимися. Сирены ревут. Она оглядывается вокруг, пытается думать, но все, что она видит, бомбы в стенах. Она опускает взгляд на пол.

— Вы видите? — спрашивает она Кеке, показывая на плитки

(Жареные Вафли).

— Что?

— Царапины.

— Это ничего не значит, — говорит Сет.

— Хлебные крошки.

— Что?

— «Гензель и Гретель». Это след из хлебных крошек. Не было никаких отметин, когда мы вошли, — говорит Кирстен. — Мармелад… шел следом за нами. Он пометил нам путь.

Они следуют за серыми отметинами на полу, поворачивают несколько раз и находят выход: огромные двери, как в хранилище. Они заперты. Кеке, запыхавшись, садится на пол. Она снова сильно потеет.

«Рубашка, диван, диван, куртка, волосы», — думает Кирстен, и нажимает 49981 на панели кнопок. Один из двух красных огоньков становится зеленым, дверь остается запертой. Они оба одновременно бросают взгляд на биометрический сканер, зная, что он для отпечатков пальцев.

Чернильный ужас, смешанный с неоновыми нервами: Кирстен передает ребенка Сету, говорит ему подождать с Кеке. Она следует по царапинам обратно в логово. Она не смотрит на разгром, на тела, пытается оставаться сосредоточенной. Она склоняется над широким туловищем Маутона, находит свой карманный ножик в его джинсах.

Когда она вытаскивает нож, его медвежья лапа обхватывает ее за запястье. Она кричит и бьет его коленом со всей силы, приземляя хороший удар ему в живот, но он даже не вздрагивает. Он рычит и начинает тянуть ее тело к своему — перетягивание каната. Она кричит, брыкается. Сирены визжат зигзагами.

Она использует свою сломанную руку, чтобы ударить его локтем в лицо, сломать ему нос, чтобы он лишился зрения. Они вскрикивают одновременно, и он ослабляет хватку. Кирстен бросается вперед, хватает пистолет Маутона с пола и поворачивается за спину, наводя цель через колени. Он ревет и бросается на нее, но она быстрее и делает два выстрела, перекатывается с пути, прежде чем мужчина рухнет рядом с ней. Девушка снова в него стреляет, и снова, пока не опустошает весь магазин: пока не убеждается, что он мертв.

Сколько времени у нее осталось? Она не имеет понятия. У нее началась гипервентиляция легких, она пытается не дрожать. Подбирает карманный нож и выпускает лезвие.

Кирстен начинает отрезать большой палец Джеймса. Она не может распилить крупную кость, на данный момент у нее нет столько сил, так что вместо этого она делает глубокие надрезы

вокруг сустава, пока он не обнажается, а затем погружает нож в сустав и вырезает палец. Ужас того, что она делает, не ускользает он нее, но она не может сейчас позволить себе об этом думать. Она поместит это воспоминание в каком-нибудь темном и закрытом месте своей памяти. Она хватает палец и бежит. Она не думает об изуродованной руке, оставшейся позади, о теле, о лице, губах. Она думает о том, чтобы добраться до Кеке, Сета и ее малыша, и добраться вовремя. Остаться в живых.

Тревога начинает звенеть громче: она уверена, что остались лишь секунды. Кирстен вылетает из комнаты, нацеливаясь в сторону выхода, но на полпути по первому коридору, она слышит то, что останавливает ее. Лай. На фоне звука сирены слышится: сопение, скулеж, вой. Она делает еще несколько шагов. Нет времени спасать собаку. Если она вернется за биглем, они, вероятно, все сгорят. Собака скребет дверь и воет. Все ругательства, которые знает Кирстен, взрываются в ее голове. Она разворачивается, бежит в комнату сувениров Маутона и хватает собаку, которая сидит, ожидая ее, будто знает, что она придет.

С собакой в руках она бросается назад в коридор, достигает дверей безопасности, где Кеке лежит на полу. Она прикладывает палец к сканеру, снова вбивая код Джеймса. Оба огонька загораются зеленым, и дверь распахивается.

Она опускает собаку на землю и поднимает Кеке, поддерживает ее, подпирая своим здоровым плечом, и выводит через двери. Сет несет ребенка и пистолет. Лифт отключен, так что они бегут вверх по лестнице, теряя счет пролетам — пролеты и пролеты лестниц — бегут так быстро, как могут, собака бежит за ними по пятам.

Они все сбиваются с ритма в разное время, отчего спотыкаются, теряя драгоценные секунды. Кеке останавливается за несколько ступенек до конца, покачивается и падает, отчего она и Кирстен скатываются вниз на полпролета, заставив собаку разразиться лаем. Кеке не поднимается. Сет передает ребенка Кирстен, подхватывает Кеке и перебрасывает ее ослабевшее тело через плечо, преодолевая с ней последние несколько ступеней.

Выходят через главный вход. Кирстен смотрит вниз на ребенка, чтобы убедиться, что он в порядке. Малыш хмурится в ответ. Она прижимает его ближе к себе, чтобы защитить. Синее свечение в ее сломанной руке исчезло. Они оказываются едва ли в сотне метрах от здания, когда позади них раздается оглушительный взрыв, от которого они подлетают в воздух, а затем падают на жесткий асфальт. Ребенок плачет.

Запись в журнале

Вествилль, 12 мая, 1989 года

В новостях: *Я счастлива. Абсолютно, замечательно счастлива.*

Что я слушаю: *Мадонна — «Like A Prayer».*

Что я читаю: *«Алхимик», Коэльо. Не совсем понимаю. Определенно, я что-то упускаю из вида.*

Что я смотрю: *«Человек дождя».*

Сегодня П. и дети «сделали мне сюрприз», приготовив завтрак в постель на День Матери. В «ужасные два года» они не подарок — я называю их своими очаровательными монстриками — но в такие дни, я могу просто съесть их, они такие милые и обаятельные, прекрасно себя ведут. Сэм сделал мне «открытку» — рисунок пальцами нашей семьи, стоящей у дома, а Кейт подарила мне ожерелье, которое сделала, скрутив сухие макароны. Я прикрепила рисунок на холодильник и носила ожерелье целый день.

П. ходил по саду, срезая мои любимые цветы, и собрал для меня в вазе большой букет. (Бедный садик!). Это было очень мило.

Я обожаю наблюдать за тем, как дети учатся и познают новое. Обожаю, когда они произносят новые слова. Они и правда не подарок, их нельзя оставить одних ни на секунду (только на этой неделе Сэм бросил мой новый вакуумный пылесос в ведро с водой, а Кейт залезла в холодильник и закрыла дверцу. На прошлой неделе Кейт разрезала мое платье, чтобы сделать «ленточки», а Сэм выпрыгнул из коляски и ударился лбом об асфальт. Один из них смыл пластмассовую машинку в туалет и затопил ванную комнату). В некоторые дни — в большинство дней — я просто падаю на диван после того, как уложу их спать.

Я стала водить их к реке, чтобы поплавать. Беру с собой закуски вроде «Провитас» и нарезанный кубиками сыр, немного «КаприСанс», мы называем это пикником. Это отличный способ избавиться от их неуемной энергии, чтобы они устали и успокоились к тому времени, как П. вернется домой, они обожают это. Особенно, Кейт — она прямо русалочка! Мне приходится за ней присматривать. Они одеты в похожие костюмчики и в эти яркие оранжевые надувные нарукавники, они обожают плескаться. Сэм защитник, всегда присматривает за своей «маленькой» сестрой. Его лицо обеспокоенно хмурится, когда он думает, что она заплыла слишком далеко, а, когда мы зовем ее («Котенок! Котенок!», — зовет он), она оборачивается, улыбается своей задорной веселой улыбкой. Боже, мое сердце не выдержит. Я люблю их.

Мой психотерапевт говорит, что скоро мне можно будет перестать пить антидепрессанты. Я не тороплюсь. Больше никогда

не хочу возвращаться в тот мрак.

Ох! Я почти забыла. Вчера произошла странная вещь. Я покупала продукты с малышами — не самое легкое дельце — но они вели себя хорошо и сидели вместе в тележке, пока я передавала им продукты (не яйца, научилась по горькому опыту). Женщина, шедшая позади нас, внимательно на меня посмотрела, и я улыбнулась ей. Я подумала, что должно быть мы выглядим забавно. Как будто я пошла за покупками и сняла двух малышей с полки и положила их в тележку. Представить это было легко: вы просто идете в магазин и выбираете милых монстров, которые вам нравятся. «Хм-м, да, я возьму этого и этого». Им понадобятся штрих-коды! А какая тут политика возврата?

Но затем позже я поняла, что она улыбалась мне, потому что узнала меня — она была медсестрой из той клиники по планированию семьи, которая была так добра ко мне и держала меня за руку! Я задаюсь вопросом, что должно быть она подумала, видя нас вместе. Задаюсь вопросом, что она почувствовала.

Эпилог

Немного необычная семья

Вествилль, Квазулу-Натал, 2022

Шесть месяцев спустя

Кейт сидит в арендованной машине, припаркованной недалеко от реки, под переливом света и теней на земле от ветвей ив. Она отстегивает ремень безопасности, поправляет спинку кресла. Ее левая рука слегка бледнее и тоньше, чем правая, все еще восстанавливается после нахождения в гипсе, который ей пришлось носить несколько месяцев.

Она вдыхает мутный зеленый запах реки (Увядшая Водяная Лилия): мягкий, волнистый запах. Нежный зеленый. Холмы.

Кеке убеждала ее — учитывая ее «состояние» — сесть на скоростной поезд «Изифафа», едущий из Йобурга в Дурбан, но она хочет поехать за рулем, потянуть время и подумать. Насладиться поездкой.

Подруга только что выиграла еще одну журналистскую награду за освещение проекта «Генезис». Она всегда говорит людям, что не заслуживает наград, что это «Альба» заслуживает всяческих похвал, но они просто называют ее «скромнягой» и любят еще больше. Кеке получает предложения работы со всего мира: в частности, из Швеции, где они предлагают ей восьмизначный годовой контакт. Они с Марко подумывают принять предложение, но только тогда, когда Кирстен полностью выздоровеет. Тем временем, она каждую неделю получает еду в контейнерах от матери Марко, которая настаивает на том, что

хорошая индийская кухня, в особенности, доса, может вылечить любой недуг. Кеке уверена, что возненавидит холод, а Кейт знает, что подруге будет сложно покинуть свой пост Крестной для маленького Мармеладки. Она также не хочет оставлять свою частичную опеку над биглем Бетти/Барбары.

Боже, Кейт скучала по вождению, по свободе открытой дороги, пульсирующей саундтреком по твоему выбору. Скучала по остановке для водородной дозаправки — вызывает не такие острые воспоминания, как бензин — и по жирному тосту с сыром в вощеной бумаге. По тонким бумажным салфеткам. По ванильному соевому эскимо в твердом шоколаде, который приходится грызть зубами. Она замечает, что в магазинах исчезли все холодильники «Фонтус». Кирстен представляет их сваленными в груды на переработку, лишенными металлических деталей, или переделанными в кровати и обеденные столы для поселений. Скорее всего, их просто перекрасили в белый и переименовали с помощью «С/Лейк» наклеек: «100 % чистая» бутилированная вода «Бильхен», предположительно, некоррумпированная замена «Гидре».

Секретная подпольная организация «Альба» стала известна повсеместно, с тех пор как они раскрыли информацию, которую имели на Уолдена и его кампанию. Они стали мгновенными героями, а логотип зеленого кролика стал вирусным. Верные идее гипотетического размножения кроликов, они умножили свои ряды за ночь. Виртуальные стикеры, 3D-обои, рисунки для ховерборда, трафареты для граффити и игривые голограммы: «Альба» повсюду.

Они получают предложения о финансировании от различных (очевидно, не относящихся ко злу) корпораций. Кеке слышала слухи о формировании отколовшейся группы, с новыми «неизвестными»: секретная фракция, которая все еще может заниматься своей работой, не беспокоясь, что их лица окажутся в каждой новостной ленте (и на Говорящих Футболках) в стране.

Кейт опускает окно ниже, впуская больше свежего воздуха в машину. После того, как она выбросила освежитель воздуха в агентстве по прокату автомобилей (Отвратительный Розовый), она ехала первый час со всеми открытыми окнами, пытаясь выверить запах. Искусственные розы: слишком сладкий запах прочерчивает толстые вертикальные линии перед ее взором. Последнее время ее обоняние находится в полном раздрае, фигуры стали живее, чем обычно.

Сегодня превосходный день: теплый, влажность смягчается прохладным ветром, а небо ярче, чем когда бы то ни было. Ветви плакучих ив метут по земле, шепчут, будто чтобы успокоить ее.

Она ощущает сотню различных оттенков зеленого в движении листьев.

Вдалеке появляется женщина, она идет к реке. У нее красивые серебряные волосы, густая их масса, перекрученная и зафиксированная на месте заколкой и свежим цветком. В ее руке аляповатая корзина для пикника. Она высокая и идет элегантной походкой: не торопится, не идет слишком медленно, ее шаг целеустремлен. Женщина не оглядывается в поисках хорошего местечка: она точно знает, где самое лучшее.

Опускает свою корзинку, стелет одеяло для пикника, разглаживает его отточенным движением. Как только она снимает обувь, садится по-турецки, облокачивается на руки, закрыв глаза и подняв лицо к небу.

Женщина снимает заколку и позволяет своим волосам упасть вниз, как завеса цвета ртути. Кейт бездумно прикасается к своим коротким волосам, пропускает через них пальцы, они еще короткие. Женщина расслабляется так какое-то время, затем садится и открывает свою корзинку, доставая пластмассовую тарелку и нож, пакет крекеров, треугольники сыра. Небольшую коробку желтого сока.

Кейт делает ее снимок своей миниатюрной камерой, затем достает минихолодильник с задних сидений, который затарила этим утром. Она достает бутылку ледяного чая, с которого капает вода, и пакет чипсов «БлэкСолт» и шоколадный батончик «КараКранч». Наблюдая за женщиной у реки, она открывает пакет из фольги и начинает есть. Затем она вспоминает о ярком зеленом яблоке в своей сумке (Бабушка Смит) и съедает его тоже.

Так вот как выглядит ее настоящая мать. Не просто ее мать не-похитительница, биологическая мать, а ее настоящая мать. Она чувствует это. Видит Сета/Сэма в языке ее тела, в прямоте ее носа. Но волосы и глаза ее.

Она смотрит на свое отражение в зеркале заднего вида, прикасается к нескольким прядям серебра у ее виска (Серебряная Нить).

— У нас одинаковые волосы и глаза, — шепчет она себе.

Девушка ощущает давление в груди, ее грудь вздымается, и она делает глубокие вдохи, чтобы успокоиться. Теплые слезы бегут вниз по ее лицу: она привыкла к этому ощущению, даже приветствует освобождение. В течение прошедших нескольких месяцев, она отвела душу за всю жизнь без слез.

Женщина выглядит такой умиротворенной, в полном ладу с миром: качество, которое к несчастью не унаследовала Кирстен, но она не всегда была такой: у нее тоже были ее темные времена.

Джеймс присматривал за Чапманами последние двадцать лет,

даже вел файл, который оставил в своем «СкайБокс» для Кейт. Она нашла пароль в книге «Гензель и Гретель», которую он подарил ей целую вечность назад. Он был там все это время. В файле содержался подробный отчет о жизни Чапманов: о деле, на которым они работали, о близких друзьях, об отпусках, на которых они были. О консультировании по поводу горя, через которое они прошли. Они так и не переехали: все еще жили на Гибискус Роуд, 22, будто думали, что, если переедут, то потеряют всю надежду, что их близнецы вернутся домой.

Энн Чапман все еще ходит к реке почти каждый день, на место, где сидела в тенечке, пока близнецы плескались поблизости, а затем их следующие дети: еще один сын и дочь, рожденные через пять лет после Кирстен и Сета с разницей в три года. Дети, теперь уже выросшие, часто приезжают с визитом, семья выглядит нормальной, счастливой, любящей семьей. Трудно представить их смеющимися, обменивающимися шутками за семейными обедами, учитывая их печальное прошлое.

Тоска Кейт заполняет машину. Как бы она хотела познакомиться со своей матерью, взять ее за руку, попробовать приготовленную ей еду, спросить ее о годах перед похищением и после. Но глядя на нее, видя, как она довольна жизнью, каким умиротворенным кажется ее дух, она понимает, что не может этого сделать. Это будет как разбить уже разбитое зеркало, на склейку которого ушли десятилетия. Оно хрупкое, тонкое как паутинка, и девушка не станет той, кто вновь его расколет.

Никакого нового горя.

«У нее новая жизнь, — думает Кейт, — *как и у меня сейчас»*. Она думает о Сете, живущем в доме в Иллово с маленьким Мармеладкой: как он с ним возится, как заботлив. Сет захотел сохранить имя, данное ему «Генезис», вместо имени «Сэм», он говорит, что оно ему не подходит, и он прав.

У него тоже новая жизнь, несмотря на то, что он оставил имя. Она представляет, чем они сейчас занимаются, сидя на диване перед домашним экраном. Маленький Мармеладка уснул у него на руках, бигль Бетти/Барбары храпит на своем привычном месте, положив морду на колени Сету. Деревянные полы усеяны подгузниками, салфетками, зубными кольцами и игрушками.

«Немного необычная семья», — сказал Джеймс.

Необычная семья, но, тем не менее, семья: ждущая ее возвращения домой и ожидающая нового пополнения.

Она думает о своей «Черной Дыре», которая все еще на месте, но сжалась до размера согревающего кожу серебристого медальона. Она самого маленького размера, какого только была, но зияет, когда Кейт думает о Джеймсе.

Девушка наблюдает, как ее мать собирает вещи, вытряхивает одеяло, складывает его и убирает, а затем идет обратно в направлении, из которого пришла. Кейт тянется к дверной ручке, а затем останавливает себя.

Нет. Нет. Но, когда чувства становятся слишком невыносимыми, она позволяет себе уступку, она думает: *«По крайней мере, не сегодня. Может быть, завтра, но не сегодня».*

Через несколько шагов ее мать оборачивается, смотрит издалека прямо на машину. Кейт не видит выражения ее лица. Момент проходит: она отворачивается и продолжает путь домой.

Кейт делает несколько вдохов, откинув голову назад и закрыв глаза, затем застегивает ремень безопасности и заводит автомобиль, разворачивает его. Ее спина снова болит, а лодыжки опухли. Она садится ровнее и поглаживает свой большой живот.

— Пора вернуть тебя домой, малыш.

Рожденные с разницей в семь месяцев, ее детки всегда будут, как близнецы. Другие близнецы.

Она выезжает на дорогу и вжимает ногу в педаль газа.